

Russian Academy of Sciences

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Russian Academy of Sciences

Institute for African Studies

**Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs,
Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation**

Russian-Tanzanian Cultural Centre in Dar es Salaam

International Russia-Tanzania Conference

The Place of Africa in the World: The Past and the Present

Dar es Salaam, Tanzania, 1 – 3 March 2024

Book of Abstracts

Moscow

IAS RAS

2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Российская академия наук

Институт Африки

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству

Российский центр науки и культуры в Дар-эс-Саламе

Международная конференция

Место Африки в мире в прошлом и настоящем

Дар-эс-Салам, Танзания, 1 – 3 марта 2024 г.

Сборник тезисов

Москва

ИАФ РАН

2024

Edited by / Под редакцией

Dmitri M. Bondarenko / Д.М. Бондаренко

On the cover page / На обложке:

Dar es Salaam: The Past and the Present Manifested in Architecture /
Дар-эс-Салам: отражение прошлого и настоящего в архитектуре
(photograph by Dmitri M. Bondarenko / фотография Д.М. Бондаренко)

ISBN 978-5-91298-299-6 © Institute for African Studies / Институт Африки РАН, 2024
© The authors / Коллектив авторов, 2024

CONTENS / ОГЛАВЛЕНИЕ

Panel I. *The Place of Africa in the World: Historical Dimension* 15

Eleonora S. Lvova (Lomonosov Moscow State University, Russia). **Africa South of the Sahara and the World: History of Connections** 15

Adili Y. Zella (The Mwalimu Nyerere Memorial Academy, Dar es Salaam, Tanzania). **The Place of Africa in the World: The Past and the Present** 17

Dirane Merlin Kenfack (Kursk State University, Russia). **Africa's Contribution to the History of Humanity** 18

Alexander Yu. Zheltov (St. Petersburg State University; Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg, Russia). **Africa in the World of Modern Concepts: "Multiculturalism" and/or "Multipolarity"?** 20

Alexey B. Chernyshev (City Public Scientific-Experimental Foundation "Language Environment", Rybinsk, Russia). **Features of the Swahili Language in the Aspect of Comparative Ethnogenesis** 22

Alexander Kavina (St John's University of Tanzania, Dodoma). **Historical Overview of Education in Tanzania** 24

Andranik G. Suleimanian (Moscow University for Social Psychological Studies, Russia). **The Future of Africa: Remembering S. Biko and T. Sankara** 25

Sergey V. Mazov (Institute of World History, Moscow, Russia). **African Countries and the Civil War in Nigeria, 1967–1970** 28

Alexander Yu. Shipilov (Institute of World History; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia). **The Ethiopian-Eritrean contradictions in the documents of the Organization of African Unity of the 1970s and 1980s** 31

Panel II. *Colonialism and Neocolonialism in African History* 34

Elena S. Nesterova (Institute for African Studies, Moscow, Russia). **Is 1652 the Beginning of the Colonial Period in the History of**

South Africa?	34
<i>Boris M. Gorelik</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). The Cullinan Diamond Restitution Claim: Could Historical Research Help to Make a Stronger Case?	36
<i>Roza N. Ismagilova</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). The Abyssinians' Victory in the Adwa Battle on 2 March 1896 as a Symbol of the Struggle against Colonialism	37
<i>Addis Tegegn</i> (Madda Walabu University, Bale Robe, Ethiopia). The Struggle of Africans for Independence between the Two World Wars	39
<i>Valeria D. Bureeva</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). The Search by African Countries for Their Position in the World System in the Postcolonial Period amid the Confrontation of Two Superpowers	41
<i>Egor E. Dubovitsky</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). The Congolese Crisis: Belgian Intervention and the Role of the UN	44
<i>Andrey A. Zakharov</i> (Russian State University for the Humanities, Moscow). Bantustans in Racist South Africa and South African Federalism	47
Panel III. Africa in the Global International Relations: From Neo-colonialism to True Independence	50
<i>Alexander I. Neklessa</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Postcoloniality in the Contemporary World: Regional and Global Aspects	50
<i>Tatiana L. Deych, Evgeny N. Korendyasov</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Africa's Role under the Emerging New World Order	53
<i>Samson Peter Malekela</i> (Stella Maris Mtwara University College, Tanzania). Unlocking Africa's Global Gateway Potentials: Opportunities and Challenges	56
<i>Sumit Kumar Pandey</i> (Independent Researcher, Chennai, India). The Way Forward for Africa in World Affairs in the Days to Come	57
<i>Birendra K. Pandey</i> (Arun Jaitley National Institute of Financial	

Management, Faridabad, India). Upsurge of Africa in the World: Emerging Challenges and Prospects	58
<i>Adu Yao Nikez</i> (Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow). Africa in the Modern System of International Relations in the Context of the Crisis in Ukraine	60
<i>Alexander B. Mezyaev</i> (University of Management TISBI, Kazan, Russia). International Criminal Court and the Problem of Legal Decolonization in the 21st Century	61
<i>Sergey V. Kostelyanets</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Africa's Insecure Borderlands: Security Relations in the Red Sea Region in View of the New Geopolitical Realities	63
<i>Ustiniya S. Zlatoverkhovnikova</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). The Dynamics of Development in External Powers' Priorities in the African Continent: The 1990s and 2020s	64
<i>Olga S. Kulkova</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). European Union and Africa: Challenges of Cooperation in a Changing World Order	66
<i>Ivan L. Lileev</i> (Moscow State Linguistic University, Russia). European Union and Africa as Poles of a New World Order of the 21st Century	69
<i>Valentina V. Gribanova, Veronica V. Usacheva</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Educational Diplomacy as a Tool of the Western Neocolonial Influence in Africa	70
<i>Inna G. Zakharova</i> (National University of Science and Technology [MISIS], Moscow, Russia), <i>Tatyana N. Terina-Zharkova</i> (Private Cultural Institution "Tatyana's Day", Samara, Russia). Educational Policy of the European Countries in the African Continent (With the Examples of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Russian Federation)	74
<i>Kerindo Abeid Sumara</i> (University of Ss. Cyrill and Methodius, Trnava Slovakia; University of Dar es Salaam, Tanzania). Seeking Security or Seeking Wealth? Africa and the Global Migrants	77
<i>Sergey A. Pankratov, Flora Oritcha</i> (Volgograd State University, Russia). Intensification of Migration Processes from West African Countries to the EU: Global, Regional and Country Trends	78
<i>Ekaterina S. Afanasyeva</i> (Moscow State Institute of International Re-	

lations – University, Russia). The Experience of the African Diaspora in India	81
Panel IV. <i>Africa in the Global Economic Relations: From Exploitation to Partnership</i>	83
<i>Evgenia V. Morozenskaya</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). The Decolonization of Economic Research in Africa	83
<i>Alexander N. Zotin</i> (Russian State University for the Humanities, Moscow). Variety of Forms of Economic Neocolonialism in Contemporary Africa	86
<i>Geofrey Shahanga</i> (Tanzania Institute of Accountancy, Dar es Salaam). Africa in the World Economy: Where is Jesus to Cure the Wealthy Blind Beggar?	89
<i>Olga V. Konstantinova</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). How Africa Can Contribute to the “Energy Transition”	90
<i>Liudmila N. Kalinichenko</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Africa in the Global Natural Gas Market: Potential and Problems of Industry Development	93
<i>Mikhail Yu. Tochigin</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Air Transport as a Factor of Political and Economic Development and Form of International Trade in African Countries	96
<i>Andrey A. Tokarev</i> (Institute for African Studies; Military University, Moscow, Russia). The Space Ambitions of Africa	100
Panel V. <i>Africa and Russia: Then and Now</i>	102
<i>Vladimir V. Vishnevsky</i> (International Research Institute for Advanced Systems, Moscow, Russia). From Past to Present – Russia and Africa in Formation of a New Multipolar World Order	102
<i>Victor V. Bocharov</i> (St. Petersburg State University, Russia). Africa and Russia as Subjects of “Cultural” Development (From Personal Observations)	104
<i>Olga A. Kasatonova</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). The Role of Russia in Ensuring Sus-	

tainable Food Security for African Countries	107
<i>Galina A. Khmeleva, Marina V. Kurnikova</i> (Samara State University of Economics). The Changing Role of African Countries in the Foreign Trade of Russian Regions	112
<i>Archan Sarkar</i> (Calcutta University, India). Place of Africa in Fictions and Poems of Russian and Bengali Literature	114
<i>Yaroslav A. Askov</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). Development of Relations between Russia and South Africa in 1994–2008	117
<i>Andrey I. Berezhnov</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Russian Travelers in Egypt: Past and Present	120
Panel VI. <i>Integration in Africa: Prospects and Challenges</i>	123
<i>Ekaterina G. Emelianenko, Nikolay A. Dobronravin</i> (St. Petersburg State University, Russia). Pan-Africanism and Afrocentrism: Yesterday, Today, Tomorrow	123
<i>Valery V. Zhuchkov</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). Theoretical Foundations of African Integration	126
<i>Alexander M. Zhambikov</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Evolution of Continental and Regional Organisations in Africa: Complimentary or Divergent Processes	128
<i>Yaroslav A. Glukhov, Stanislav A. Gorokhov, Ruslan V. Dmitriev</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Integration Processes in Africa: Economic Aspects	131
<i>Sengulo Albert Msellemu</i> (Dar es Salaam University College of Education, Tanzania), <i>Esther Marcel Msaky</i> (Mozambique-Tanzania Centre for Foreign Relations, Dar es Salaam, Tanzania). The Pan-African Unity Must Focus on Economic Development of the Continent	133
<i>Azat M. Gazizianov</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). African Solutions to African Problems: ECOWAS Regional Security Outcomes and Challenges: The Case of the 2017 Gambia Operation	134
<i>Bijay Ketan Pratihari</i> (Jamia Millia Islamia University, New Delhi,	

India). Military Coup in Niger: Regional and Global Implications	136
<i>Yaroslav A. Kruglov</i> (Moscow State Institute of International Relations – University, Russia). The Role of Kenya in the East African Community	137
Panel VII. Contemporary Africa: Issues in Political Life	139
<i>Reem Elbathy</i> (HSE University, Moscow, Russia). Analyzing the Role of Professional Backgrounds of Presidents in Political Regime Stability in North Africa	139
<i>Tatyana S. Denisova</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Tropical Africa: The Influence of Traditions on the Modern Institute of Political Leadership	141
<i>Alisa R. Shishkina</i> (HSE University; Institute for African Studies, Moscow, Russia). Factors of Socio-political Stability in Ghana	143
<i>Liubov Ya. Prokopenko</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). 60th Anniversary of Zambian Independence: Dynamics of Political Development	146
<i>Darya A. Turyanitsa</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). The Elections of 2024 in South Africa: The Activities of New (“Coloured”) Political Parties	149
<i>Micah Zing, Egor D. Fain</i> (HSE University, Moscow, Russia). The Resurgence of Coup d’Etats in Francophone Africa in the Last Decade (2013–2023)	152
<i>Egor D. Fain</i> (HSE University, Moscow, Russia). Factors and Consequences of Military Coup of 2021 in the Republic of Guinea	154
<i>Leonid M. Issaev</i> (HSE University; Institute for African Studies, Moscow, Russia), <i>Natalia R. Krasovskaya</i> (Center for Public Diplomacy, Moscow, Russia). The Roots of Coup in Niger 2023	157
<i>Mir-Ali I. Askerov</i> (HSE University, St. Petersburg & Moscow, Russia). Islamist State Building in Africa: The Case of Somalia	159
<i>Vladimir E. Gabischev</i> (Tyumen State University, Russia). Implementation of the Main Provisions of the International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism in Africa in the Context of the Development of Nuclear Energy on the Continent	162

Panel VIII. *Nation Building in Postcolonial Africa: Ideologies and Practices* 164

Dmitri M. Bondarenko (Institute for African Studies; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia). **Neotraditionalism and Nation Building in Postcolonial States** 164

Nadezhda E. Khokholkova (Institute for African Studies; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia). **Decolonization of Knowledge and Education in Africa in the Context of Nation Building Processes** 167

Olalekan Moyosore Lalude (Wisconsin International University College, Accra, Ghana), *Yinka Olomjobi* (Babcock University School of Law and Security Studies, Ilisan-Remo, Nigeria). **Exploring Ethnicity and Its Influence on Constitutionalism in West Africa: Recognizing the Deadweight from a Colonial Past** 168

Stanislav B. Beletskiy (HSE University, Moscow, Russia). **How Vigorous is Vigorous Enough to Embrace the Development? The Case of Ethnolinguistic Identity of (Wa)Gogo in Central Tanzania** 169

Valentina N. Bryndina (Institute for African Studies; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia). **“Kwaheri Ukoloni, Kwaheri Uhuru!”: A Manifesto of Zanzibari Nationalism?** 170

Anna Siim Moskvitina (Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg; St. Petersburg State University, Russia). **Alternative Ethno-Cultural and Ethno-Religious Identities in African Diasporas and Post-Colonial Africa** 172

Panel IX. *Contemporary Africa: On the Way of Social and Economic Development* 173

Gerson Brandão (Leiden University, Netherlands). **Africa on the Spotlight, 5 Years of Summits: from 2019 to 2023 (Opportunities for Sustainable Development Aiming at 2063)** 173

Elena V. Kharitonova (Institute for African Studies, Moscow, Russia). **Strategic Choice of the Youth of North Africa and the Middle East in the Context of Stability, Sustainable Development and**

Security: A Course towards Sovereignty and Subjectivity (Based on the Results of Empirical Studies of Social Representations)	174
<i>Beatrice Mkunde</i> (Tanzania Institute of Accountancy, Dar es Salaam). Retirement Planning and Post-retirement Adoptions	177
<i>Sadia Rita Sonia Vangraua</i> (Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow). The Role of African Women in the Development of Modern Africa	178
<i>Ivan A. Zakharov</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Pentecostal Churches in the Socio-political Life of African Countries	180
<i>Jason Nkyabonaki</i> (Dr Salim Ahmed Salim Centre for Foreign Relations, Dar es Salaam, Tanzania). The Image of Public Administration in Post-independence Tanzania: Opinion from the Grass-roots at Toangoma Ward, Temeke Municipality, Dar es Salaam	182
<i>Paul Mtasigazyza</i> (Tanzania Institute of Accountancy, Dar es Salaam). Performance Related Pay on Public Sector Employees' in Tanzania: Experience from the Past and Present Health and Education Sectors	183
<i>Hamisi Mathias Machangu</i> (Institute of Adult Education, Dar es Salaam, Tanzania). Departures from the Design: Abuse of Ethics in Chloroquine Experiments and Unscientific Treatment-Seeking Behaviour for Malaria in Muheza District, 1980–2000	184
Panel X. Indigenous and Traditional Cultures in Contemporary Africa	185
<i>Hosiana Abrahamu</i> (University of Dodoma, Tanzania). Impacts of the Post-colonial Capital City Development in Dodoma on Gogo Traditional Land Tenure, 1970s to 2020	185
<i>Marina L. Butovskaya, Daria A. Dronova</i> (Institute of Ethnology and Anthropology; HSE University, Moscow, Russia), <i>Ruslan O. Butovskiy</i> (All-Russian Research Institute for Nature Protection, Moscow), <i>Audax Mabulla</i> (University of Dar es Salaam, Tanzania). Personality Traits, Emotional Empathy and Mutual Help in Four Traditional African Societies Today: Cross-cultural Study in Tanzania	186
<i>Daria A. Dronova, Marina L. Butovskaya</i> (Institute of Ethnology and	

Anthropology; HSE University, Moscow, Russia). The Practice of the Funeral and Memorial Complex at the Chagga of Tanzania	187
<i>Olga Yu. Zavyalova</i> (St. Petersburg State University, Russia). Spirits in the Modern Manden World (Mali and Guinea)	190
<i>Rakhimbek S. Bobokhonov</i> (Institute for African Studies, Moscow, Russia). Tariqa of Muridiya in Senegal. Features of Spiritual Practice	192
<i>Maria Makhmutova</i> (Russian State University for the Humanities, Moscow). Islamic Education in North Africa	195
Index of Papergivers / Список докладчиков	198

PANEL I
THE PLACE OF AFRICA IN THE WORLD:
HISTORICAL DIMENSION

Eleonora S. Lvova
Lomonosov Moscow State University, Russia

Africa South of the Sahara and the World: History of Connections

We can hear sometimes, that African peoples came out into world during colonial period as the part of the economic and political exploitation by European master powers only, as subjects but not objects of history. Now (after their independence) African states are taking more and more important places in our world (both in economy and policy). This phenomenon is perceived as a serious break. As a matter of fact, the history of their connections with peoples and states out of their own continent is numbered a lot of centuries. Of course, we must remember that the world does not limit as Europe only and various world connections out its limits were existed during many centuries. This paper is a survey of such connections before the European colonization.

Э.С. Львова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия

Африка южнее Сахары и мир: исторический очерк

Нередко можно услышать, что народы Африки южнее Сахары вышли на мировую арену лишь в колониальную эпоху как эксплуатируемая часть европейских владений. И сейчас, когда они, добившись независимости, занимают немаловажное место в мировой экономике и политике, это воспринимается как серьезный прорыв. На деле история их связей с народами и странами за пределами континента насчитывает немало веков. При этом, конечно, надо иметь в виду, что мир не

ограничивается Европой и мировые связи в старом Свете за ее пределами существовали много веков. В докладе будет представлен обзор таких связей до европейской колонизации.

Adili Y. Zella

The Mwalimu Nyerere Memorial Academy, Dar es Salaam, Tanzania

The Place of Africa in the World: The Past and the Present

The paper explores Africa's historical and contemporary position in the global context. The objectives of this study are to trace Africa's historical significance, analyze the impact of colonialism, assess current challenges, identify opportunities, and propose strategies for Africa's meaningful integration into the global economy. Through a mixed-methods research approach, including literature review, historical analysis, case studies, and data collection and analysis, this study provides insights into Africa's contributions to human civilization, the enduring effects of colonialism, current challenges such as political instability and infrastructure limitations, the potential presented by Africa's cultural diversity and natural resources, and strategies for inclusive development and regional cooperation. The findings highlight the significance of recognizing Africa's historical heritage, addressing current challenges, and capitalizing on opportunities to enhance Africa's agency, influence, and active participation in the global arena. The research paper aims to inform policymakers, researchers, and stakeholders about Africa's place in the world and contribute to fostering sustainable development, peace, and international cooperation on the continent.

Dirane Merlin Kenfack
Kursk State University, Russia

Africa's Contribution to the History of Humanity

The objective of this work is to restore African historical consciousness and to highlight the contribution of Africa in the history of humanity, a contribution denied by ethnocentrists and whose traces have been erased by colonization for strip the history of Africa of all its originality. Works of African art, manuscripts and military epics rest in Western European museums. These works were stolen during colonization and this practice is a crime against the memory of peoples and the falsification of history. It is therefore a question in this work of restoring African historical consciousness by showing its contribution to the evolution of the world.

There is nothing more distressing to realize that for centuries, the glorious past of Africa remained very little known. Those who knew him had falsified him to serve colonialism. However, it was accepted that the reason was the prerogative of the West¹. African historians began to oppose this Eurocentric vision of the history of Africa². Africa has developed many civilizations; it has known the middle Ages and the period of great empires. Egyptian antiquity is to African culture what Greco-Latin antiquity is to Western culture³. The 1974 Cairo symposium enabled African researchers to supplant the myth excluding Africa from universal history and revolutionized their vision and their place in global geostrategy⁴. The ancient empires in Africa made innovations in the fields of architecture, medicine, education, military techniques and art, agriculture, religion, diplomacy, etc. These innovations in antiquity inspired the world⁵. Africa has largely contributed to the history of humanity. It has inspired the world through its civilizations. It contributes to the global economy. Today Africa has human and material resources which are exported all over the world and which constitute the strength of certain countries of the world.

¹ UNESCO (1986), *The settlement of ancient Egypt and the deciphering of Meroitic writing. Proceedings of the symposium held in Cairo from January 28 to February 3, 1974*, Paris, UNESCO.

² T. Obenga (2001), *The meaning of the fight against Eurocentric Africanism*, Paris, L'Harmattan/Khepera, p. 112.

³ C.A Diop, ed. (1980), *General history of Africa*, volume II, UNESCO, p 70.

⁴ UNESCO, Op. cit.

⁵ C.A. Diop (1979; 1st ed. 1954), *Negro Nations and Culture, from Negro Egyptian Antiquity to the Cultural Problems of Black Africa Today*, Paris, Présence Africaine, 1979, pp. 557-562.

Alexander Yu. Zheltov
St. Petersburg State University;
Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg, Russia

**Africa in the World of Modern Concepts:
“Multiculturalism” and/or “Multipolarity”?**

The presentation is going to analyze two widespread concepts of modern political and social discourse (“multiculturalism” and| “multipolarity”) and to observe their application to African countries. On the one hand, the concept of “multiculturalism” is often criticized nowadays, and on the other hand, the concept of “multipolarity” (or “multipolar world”) seems to be widely accepted (and often both critics and acceptance are shared by the representatives of quite different political and ideological parties). However, in fact, multiculturalism appears to be a natural feature of human societies, and does not necessarily lead to negative scenarios. African data are likely to show it in a very evident way: “monocultural” Somalia ranks first in “State Fragility Index”, while “hundred-cultural” Tanzania ranks the 65th being somewhere in the middle of the world ranking. The important point is not to replace the variety of cultural representations by the variety of different social norms for different cultures. The latter can really lead to negative consequences.

On the other hand, very popular concept of “multipolarity” seems to have at least two basic and very important drawbacks: 1) if humanities use a term borrowed from the sciences, they should not ignore its original sense – in science there is neither “mono-polarity” nor “multipolarity”, only binary opposition +/- (with the notion of “zero”, graduality, spectrum, etc.); 2) to consider any state as a “Pole” is also misleading – every state is too complicated to be just a “polar point”. It seems that nobody offers to have almost 200 “poles” (the number of states in UN), but if we restrict the number of “poles” to just some “influencing” countries it becomes very similar to a new Berlin Congress of 1884-85 where the “influencing” countries divided Africa. And it is driving us back to the world of colonial archaic (just with a different list of “influencers”). Instead of “multipolarity” we should work at a multidimensional system of binary oppositions of “humanitarian features” which could outline the vector from “fragility” to “prosperity”, and it seems to be a very important task for humanities. In the

final part of the presentation, I will try to look for some features decreasing/increasing “fragility” in Africa.

Alexey B. Chernyshev
City Public Scientific-Experimental Foundation “Language Environment”,
Rybinsk, Russia

**Features of the Swahili Language
in the Aspect of Comparative Ethnogenesis**

А.Б. Чернышев

Городской общественной научно-экспериментальный фонд
«Языковая среда», Рыбинск, Россия

**Особенности языка суахили
в аспекте сопоставительного этногенеза**

Хорошо известно, что формирование суахили, одного из самых употребительных языков на территории современной Восточной Африки, проходило под арабским влиянием в период интенсивной торговли в VIII–X вв. В свете современных исследований учеными был установлен тот факт, что предками носителей суахили по части женской линии являлись африканки, по части же мужской линии – персы и индийцы, то есть представители индоевропейской семьи языков.

Этот индоевропейский языковой и культурный артефакт находит свое отражение не только в анализе древней ДНК, извлеченной из останков 80 древних захоронений суахили, но и в структуре языка. Несмотря на то, что с точки зрения современной типологии суахили представляет собой агглютинативный строй, в отличие от флективного индоевропейского, выявляемые комбинации его элементов в виде звуковых типов демонстрируют очень схожие особенности.

К одной из особенностей суахили может быть отнесено своего рода упрощение в ряду грамматических категорий, в частности уменьшенное количество именных классов на фоне других языков группы банту. Представляется, что подобное «упрощение» сопоставимо с фактической потерей парадигмы спряжения глагола в английском или с отсутствием сингармонизма в узбекском – языках, игравших ключевую роль в средстве общения между людьми разных наци-

ональностей в разные исторические времена, в том числе на стыке торговых путей. Этот факт свидетельствует и об огромной роли суахили в качестве языка-посредника.

Второй особенностью является функционирование элемента *na* в словообразовательных и грамматических моделях, аналогичных в индоевропейских языках. В основе концепта ‘иметь’ заложена идея видения во французском языке – *avoir* и, наоборот, идея обладания представлена в глаголах ‘видеть’, ‘чувствовать’ в суахили – *na* ‘иметь’, *ona* – ‘видеть’. Выражение долженствования, реализуемое в европейских языках посредством вспомогательных глаголов со значением ‘иметь’ – в английской конструкции «*have + инфинитив*» или во французской синтагме «*avoir + à + инфинитив*», свойственен и для суахили, где функтору *na* предшествует элемент отрицания *ha* с последующим *budi* ‘выход’. Суахилийский *na* как типичный агглютинативный элемент используется в качестве маркера аспектуальной формы настоящего времени, происходящего в момент речи, и сопоставим с английским *Present Continuous*.

Обнаружение связи элементарных смыслов в сопоставляемых языках позволяет выдвинуть как чисто лингвистическую гипотезу об их возможном генеалогическом и типологическом сходстве через индийский санскрит, так и об особой роли суахили как языка и как народа, подобно языковой колыбели санскрита, в становлении человеческой цивилизации в Восточной Африке. Это обстоятельство обуславливает и стратегические перспективы как развития, так и научного исследования восточноафриканского ареала.

Alexander Kavina
St John's University of Tanzania, Dodoma

Historical Overview of Education in Tanzania

The evolution of education system in Tanzania is a subject that have for many decades attracted the attention of many people as it is central to development of any society. As for many countries in Africa the attainment of independence called for reforms in many sectors that had a direct impact on social political and economic transformation, and education was one of those key sectors which the new government paid a great attention as was considered to play a great role in transforming the country. As an educator and a head of state Nyerere questioned the rationale of education system inherent from colonial powers and whether it could be of great help to Tanzania in taking the country and its people to the promised land. The education system that Tanzania inherited after the 1961 independence could not sufficiently meet the needs and the social objectives of Tanzanians. Thus, it was only after the 1967 Arusha Declaration when Tanzania adopted its first educational policy. This paper attempts to provide a historical overview of education system in Tanzania with a specific focus on the examination of education before colonial intrusion, during and after independence. The paper will also make a critical assessment of Education for Self-Reliance which was considered as the pinnacle of revolutionizing the country. It will also take a look on various measures that were taken to decolonize education in Tanzania, its success and failures.

Andranik G. Suleimanian

Moscow University for Social Psychological Studies, Russia

The Future of Africa: Remembering S. Biko and T. Sankara

According to experts, humanity is entering a period of “turbulence”: the present world order will be destroyed, and each cultural and historical type inevitably faces the question: what course and under what “flag” to lead their ship in a stormy sea to the shores of the future. Forecasting the future requires historical intuition, not just scientific knowledge. We share the opinion of A.S. Pushkin that “a historian would be an astronomer and the events of human life would be predicted in calendars, like solar eclipses... the mind sees the general course of things and can deduce deep assumptions from it..., but it is impossible for it to foresee chance – a powerful, instantaneous instrument of Providence”.

One of the important features of a charismatic leader is the ability to mobilize the nature, on the base of the image of the future. On the one hand, this image is universal and understandable to all peoples, on the other hand, it embodies the "spirit" of the time and the soul of a particular people and causes a deep response in their hearts and minds.

Therefore, we believe that a new understanding of the ideas about the future of Africa by its two charismatic leaders is fruitful. S. Biko and T. Sankara. Despite the similarity of their ideology: to find an identity suppressed by the colonialists, there are also significant differences in their views.

S. Biko, in one of his books, "I Write what I Want" (1970), develops the ideas of the Négritude F. Fanon, in particular, refused to participate in anti-racist organizations, since white liberals formed the majority in them. On the other hand, adhering to socialist views, he believed that simply taking power by blacks without changing the foundations of the social system would not lead to genuine liberation and would create a black oligarchy. The experience of South Africa confirms his correctness. However, his main idea is the "liberation of minds" as the basis of decolonization.

T. Sankara's ideas, unlike Biko's, are universal and relate not only and not so much to Africa, for example, he considered the experience of the American, French and October revolutions useful: "Our revolution in Burkina Faso is based on the fullness of human experience."

The concept of *Négritude* as a pan-African civilization still has no scientific basis.

To solve the problems of decolonization, the similarity of Biko and Sankara is important in that socialism (or in modern terms, the "welfare state") It corresponds to the cultural and historical type of black Africa, one of the essential features of which is community, in contrast to the "reasonable egoism" of Western civilization.

А.Г. Сулейманян

Московский психолого-социальный университет, Россия

Будущее Африки: вспоминая С. Бико и Т. Санкара

По мнению экспертов, человечество вступает в полосу «турбулентности». Прогнозирование будущего требует исторической интуиции, а не только научных знаний. Мы разделяем мнение А.С. Пушкина, что «... историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные... ум видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокого предположения, но невозможно ему предвидеть случая – мощного, мгновенного орудия Провидения».

Одна из важных черт харизматического лидера – умение мобилизовать образ будущего. С одной стороны, этот образ универсальный и понятен всем народам, с другой – он воплощает «дух» времени и душу конкретного народа и вызывает глубокий отклик в его сердцах и умах.

Поэтому мы полагаем, что плодотворно новое осмысление идей о будущем Африки двух её харизматических лидеров С. Бико и Т. Санкара. Несмотря на сходство их идеологии: обрести идентичность, подавленную колонизаторами, есть и существенные различия их взглядов.

С. Бико в одной из своих книг – «Я пишу, что хочу» (1970) – развивает идеи негритюда Ф. Фанона, в частности отказ от участия в антирасистских организациях, поскольку белые либералы составляли в них большинство. С другой стороны, придерживаясь социалистических взглядов, он считал, что просто взятие чёрными власти без пере-

мены основ общественного строя не приведёт к подлинному освобождению и создаст чёрную олигархию. Опыт ЮАР подтверждает его правоту. Однако главная его идея – «освобождение умов», как основа деколонизации.

Идеи Т. Санкара, в отличие от С. Бико, носят универсальный характер и касаются не только и не столько Африки, например, он считал полезным опыт Американской, Французской и Октябрьской революций: «Наша революция в Буркина-Фасо зиждется на всей полноте человеческого опыта».

Концепция негритюда как единой цивилизации чёрной Африки, до сих пор не имеет научного обоснования.

Для решения проблем деколонизации важно их сходство в том, что социализм (или в современных терминах «социальное государство») соответствует культурно-историческому типу чёрной Африки, одна из существенных черт которого – общинность, в отличие от «разумного эгоизма» цивилизации Запада.

African Countries and the Civil War in Nigeria, 1967–1970

On May 30, 1967 the southeastern provinces of Nigeria attempted to secede as the self-proclaimed Republic of Biafra. This caused the Nigerian civil war which lasted from July 6 1967 to January 15 1970. Biafran army was defeated and capitulated. Guided by geopolitical considerations and national interests, the USSR did not recognize the breakaway Biafra and supported the actions of the federal government of Nigeria to preserve its territorial integrity, including by supplying weapons. The international response to the Nigerian crisis revealed an array of positions which were non-bloc, unique, and atypical of the Cold War era. The Soviet Union found out itself in a motley crew of Gowon government's supporters – Great Britain, East European socialist countries, Arab countries. The United States declared neutrality. France, Portugal, the Republic of South Africa, the People's Republic of China, and Israel were on Biafra's side, both explicitly and implicitly. The majority of Black Africa's nations – all fighting against their own separatists - supported Nigeria's territorial integrity. Gabon, Zambia, Côte d'Ivoire and Tanzania officially recognized Biafra's independence. The Organization of African Unity (OAU) Consultative Committee on Nigeria, established in September 1967, was engaged in organizing negotiations between representatives of Biafra and the federal government; the Nigerian issue was addressed at three OAU summits held in Kinshasa (September 1967), in Algeria (September 1968) and in Addis Ababa (September 1969). Britain acted mainly through the Commonwealth Secretariat, which organized the first direct talks between representatives of the federal government and Biafra (Kampala, May 1968). France relied on its African allies Côte d'Ivoire and Gabon for military and diplomatic support for Biafra, and China used Zambia and Tanzania for the same. The OAU's mediation efforts failed to achieve peace. The Biafra leadership was not going to capitulate as long as there was room for resistance and the federals were not going to question the country's territorial integrity. The author relied on exclusive sources obtained in the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation - information and analytical memos produced by Soviet diplomats in African countries.

С.В. Мазов

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва

Африканские страны и гражданская война в Нигерии, 1967–1970

30 мая 1967 г. от Нигерии отделилась ее юго-восточная часть, самопровозглашенная Республика Биафра. Это привело к гражданской войне, которая длилась с 6 июля 1967 г. по 15 января 1970 г. Армия Биафры была разбита и капитулировала. Руководствуясь геополитическими соображениями и национальными интересами, СССР не признал Биафру и поддержал действия федерального правительства Нигерии по сохранению ее территориальной целостности, в том числе и поставками оружия. Международная реакция на нигерийский кризис явила не блоковый, уникальный и атипичный для холодной войны расклад позиций. Помимо Советского Союза правительство Я. Говона в конфликте с сепаратистами поддержали Великобритания, социалистические страны Восточной Европы, арабские страны. США объявили о нейтралитете. На стороне Биафры, гласно или негласно, выступили Франция, Португалия, Южно-Африканская Республика, КНР, Израиль. Большинство стран Черной Африки, боровшиеся против собственных сепаратистов, поддержали сохранение территориальной целостности Нигерии. Кот-д'Ивуар, Габон, Замбия, Танзания официально признали независимость Биафры. Созданный в сентябре 1967 г. Консультативный комитет ОАЕ по Нигерии занимался организацией переговоров между представителями Биафры и федерального правительства, нигерийский вопрос рассматривался на трех саммитах ОАЕ – в Киншасе (сентябрь 1967 г.), в Алжире (сентябрь 1968 г.) и в Аддис-Абебе (сентябрь 1969 г.). Великобритания действовала преимущественно через Секретариат Британского Содружества Наций, который организовал первые прямые переговоры между представителями федерального правительства и Биафры (Кампала, май 1968 г.). Франция использовала для военной и дипломатической поддержки Биафры своих африканских союзников – Кот-д'Ивуар и Габон, Китайская Народная Республика – Замбию и Танзанию. Посреднические усилия ОАЕ не увенчались достижением мира. Руководство Биафры не соби-

ралось капитулировать, пока были возможности сопротивляться, а федералы – ставить по сомнение территориальную целостность страны. Автор опирался на эксклюзивные источники, найденные в фондах Архива внешней политики Российской Федерации, – информационные и аналитические записки советских дипломатов в африканских странах.

Alexander Yu. Shipilov

Institute of World History; Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia

**The Ethiopian-Eritrean contradictions in the documents of
the Organization of African Unity of the 1970s and 1980s**

The political contradictions in the Horn of Africa of the 1970s and 1980s were largely the result of the problematic colonial legacy manifested in the form of imposed and later revised borders in this part of Africa as well as the context of the Cold War that entailed the involvement of global players in the given local conflicts. Significant attention to these contradictions and conflicts was paid by the Organization of African Unity whose headquarters were located in this region (in Addis Ababa) and whose structures made active efforts to mediate between States (and non-State/unrecognized participants) in order to establish dialogue and promote peace. Thus, great emphasis was made by the OAU and its representatives to the settlement of Ethiopian-Somali territorial disputes. Another regional conflict related to the Horn of Africa, Eritrea's struggle for independence from Ethiopia, provoked a more cautious reaction from the African integration group. The Ethiopian leadership was the host for the organization, had significant influence on the work of its structures and opposed excessive interference in its own internal affairs. However, despite this, a direct discussion about the legitimacy of Ethiopian sovereignty over Eritrea surfaced in intergovernmental contacts within the framework of the OAU within the attempts to resolve the crisis in relations between Ethiopia and Sudan at the turn of the 1970s and 1980s. The Sudanese side was accused by Ethiopia of supporting Eritrean separatists and, in general, of providing its territory for the needs of anti-Ethiopian forces while the Sudanese side accused Ethiopia of oppressing its citizens. In addition, representatives of the Sudan at the OAU openly expressed support for the independence of Eritrea and an open discussion about the legitimacy of its possession by Ethiopia. During this period, both states had fairly close relations with the states of the socialist bloc, but after the Ogaden War of 1977-1978 it was Ethiopia that turned out to be the main military and political partner of the USSR in the Horn of Africa region, receiving its support in the issue of control over Eritrea. In this regard, the references of the Sudanese delegation to the speeches of Soviet

representatives at the UN in the early 1950s in support of the independence of Eritrea and against its accession to Ethiopia are of particular interest.

А.Ю. Шипилов

Институт всеобщей истории Российской академии наук;
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва

Эфиопско-эритрейские противоречия в документах Организации африканского единства 1970-1980-х гг.

Политические противоречия в регионе Африканского Рога в 1970-1980-е гг. в значительной мере стали результатом проблем колониального наследия, проявившихся в форме навязывания, а затем пересмотра границ в этой части Африки, а также контекста холодной войны, повлекшего за собой вовлечение в локальные конфликты глобальных игроков. Значительное внимание к этим противоречиям и конфликтам уделялось Организацией африканского единства, чья штаб-квартира была расположена именно в этом регионе (в Аддис-Абебе) и чьи структуры прилагали активные усилия для посредничества между государствами (и негосударственными / непризнанными участниками) с целью налаживания диалога и поиска мирного решения. Так, большое внимание ОАЕ и ее представителями уделялось урегулированию эфиопско-сомалийских территориальных споров. Еще один региональный конфликт, связанный с Африканским Рогом, борьба Эритреи за независимость от Эфиопии, вызывал более осторожную реакцию африканской интеграционной группировки. Эфиопское руководство было принимающей стороной для организации, обладало значительным влиянием на работу ее структур, и выступало против излишнего вмешательства в собственные внутренние дела. Однако несмотря на это прямая дискуссия о правомочности принадлежности Эритреи Эфиопии оказалась частью межправительственных контактов в рамках ОАЕ в ходе попыток урегулирования кризиса в отношениях Эфиопии и Судана на рубеже 1970-1980-х гг. Суданская сторона обвинялась Эфиопией в поддержке эритрейских сепаратистов и в целом в предоставлении своей территории для нужд антиэфиопских сил в то время, как суданская сторона обвиняла Эфиопию в при-

теснении его граждан. Кроме того представители Судана на площадке ОАЕ открыто высказывались в поддержку самостоятельности Эритреи и открытой дискуссии о правомерности ее нахождения в составе Эфиопии. В этот период оба государства обладали достаточно близкими отношениями с государствами социалистического лагеря, однако после Огаденской войны 1977-1978 гг. именно Эфиопия оказалась основным военно-политическим партнером СССР в регионе Африканского Рога, получая его поддержку и в вопросе контроля над Эритреей. В этой связи особый интерес представляют ссылки суданской делегации на выступления советских представителей в ООН в начале 1950-х гг. в поддержку независимости Эритреи и против ее присоединения к Эфиопии.

PANEL II
COLONIALISM AND NEOCOLONIALISM IN AFRICAN HISTORY

Elena S. Nesterova

Institute for African Studies, Moscow, Russia

**Is 1652 the Beginning of the
Colonial Period in the History of South Africa?**

Е. С. Нестерова

Институт Африки Российской академии наук, Москва

**1652 год – начало отсчета
колониального периода в истории Южной Африки?**

2022 г. ознаменовался круглой датой в истории самой (развитой страны Африки южнее Сахары – ЮАР. В середине XVII в. на мысе Доброй Надежды под эгидой Объединенной Ост-Индской компании и под непосредственным предводительством Яна ван Рибека высадились первые голландские поселенцы.

6 апреля 1652 г. считается датой рождения Капской колонии, которая, постепенно разрастаясь, дала начало нынешней ЮАР. В течение долгого времени этот знаменательный для африканеров день, 6 апреля, отмечался как государственный праздник под официальным названием «День ван Рибека» и, позднее, «День Основания». Историк Леонард Томпсон даже высказывает смелое утверждение о том, что современная Южная Африка зародилась как «побочный продукт предприятия голландских купцов». Согласно ему, от маленького перевалочного пункта поначалу не ждали никаких других задач, кроме тех, каких могли ожидать от небольшой станции снабжения – то есть, главной целью и задачей номер один являлась дозаправка кораблей свежей водой, фруктами, овощами и зерном, а также оказание помощи заболевшим морякам. По мнению исследователя, в чрезвычайно сжатые сроки, буквально спустя десять лет с момента основания поселе-

ния, Капская колония обрела полностью оформившиеся черты окончательно сформировавшегося стратифицированного в расовом отношении общества.

Ранее начальный этап существования Капской колонии рассматривался в качестве отправного пункта отсчета истории Южной Африки. Сегодня данный европоцентристский взгляд на историю сегодняшней ЮАР общепринято считается устаревшим и однобоким. Однако, можно ли рассматривать голландских колонистов с колонизаторами из других европейских держав? В данном отношении мнения исследователей существенно разнятся.

Boris M. Gorelik

Institute for African Studies, Moscow, Russia

**The Cullinan Diamond Restitution Claim:
Could Historical Research Help to Make a Stronger Case?**

According to a popular view, the colonial-era Europeans regarded Africa as little more than a repository or mineral wealth and human resources to be mercilessly exploited. This view informed a petition to the British Royal House that received much publicity in 2023.

The petition referred to the Cullinan, the largest gem-quality rough diamond in the world, which was found in South Africa in 1905. The gemstone was bought by the Transvaal government and presented to the British king. Nearly 120 years later, in May 2023, shortly before the coronation of King Charles III, South African activists called for Britain to return the largest diamond cut from the Cullinan, set in the British royal sceptre.

Without discussing the validity of the claim, I argue that the petitioners could have a stronger case had they done historical research.

Instead of building their case solely on the rather vague concept of pre-colonial African land ownership, the petitioners could involve the notion of African agency. The mine operated thanks not only to the European and colonial investment, technology and expertise but also thanks to African miners.

The Cullinan diamond was first sighted by an African miner, who told Frederick Wells, the surface manager, about his discovery. According to the story shared by several generations of the Wells family, the African miner refused to extract the stone from the ground for cultural and spiritual reasons. Wells picked up the diamond against his advice.

My research also shows that parts of the Cullinan Diamond have remained in South Africa. They are preserved in one of Pretoria's largest museums to this day.

Roza N. Ismagilova

Institute for African Studies, Moscow, Russia

The Abyssinians' Victory in the Adwa Battle on 2 March 1896 as a Symbol of the Struggle against Colonialism

On the 2nd of March 1896, Abyssinians' achieved a victory in the Adwa Battle over Italian colonizers. In this battle participated different Ethiopian peoples: the Oromo, the Amhara, the Tigray, the Gurage, etc. All of them called themselves "Abyssinians". Adwa became a symbol of unity as it unified all Ethiopians irrespective of ethnic origin and religion. A well organized army under the command of Emperor Menelik II with armies of the regional leaders won the battle. In the military battles participated Ethiopian women under leadership of the Empress Taitu. The Victory of Adwa was achieved by a small and backward African country which Europeans called "barbaric" against a developed and well prepared Italian force. Adwa victory made Ethiopia known, glorified and respected in the international arena. Many European countries rushed to recognize the sovereignty of Ethiopia and establish diplomatic relations with it, they opened embassies and missions. The Victory over the European aggressor is not only the victory for Ethiopians but also for black people. It has opened a new era and lifted up the spirit of many Africans across the globe that has been under the colonialism. The Victory of Adwa also stimulated Pan-Africanism.

Р.Н. Исмагилова

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Победа абиссинцев в битве при Адуа 2 марта 1896 года – символ борьбы против колониализма

2 марта 1896 г. Эфиопия (в то время Абиссиния) одержала внушительную победу над итальянскими колонизаторами при Адуа. В битве при Адуа принимали участие представители многих эфиопских народов: оромо, амхара, тиграй, гураге и другие. Все они называли себя «абиссинцами». Поэтому битва при Адуа – это символ единства, ибо она объединила всех эфиопов независимо от их этнической при-

надлежности и религии. Большую роль в военных сражениях сыграли женщины во главе с императрицей Таиту. Победа во многом нерегулярной крестьянской, но хорошо подготовленной армии под командованием императора Менелика II получила огромный резонанс в мире как первая победа против колониальной державы, которую когда-либо одерживала африканская страна. Небольшая страна, которую в Европе считали «варварской», сразу стала широко известным, уважаемым, а главное – равноправным государством. Европейские державы спешили устанавливать дипломатические отношения и открывать в Аддис-Абебе посольства и миссии. Победа при Адуа оказала огромное влияние на порабощенные народы и стимулировала их борьбу против колониализма за свободу и независимость. Она также явилась пусковой площадкой, или трамплином, для зарождения panaфриканизма.

Addis Tegegn
Madda Walabu University, Bale Robe, Ethiopia

**The Struggle of Africans for Independence
between the Two World Wars**

Africans had kingdoms and city-states, each with its own language and culture. The empire of Songhai and the kingdoms of Mali, Benin, and Kongo were large and powerful with monarchs heading complex political structures governing hundreds of thousands of people.

The ancient name of Africa was Alkebulan – “mother of mankind” or “garden of Eden”. Alkebulan is the oldest and the only word of indigenous origin. It was used by the Moors, Nubians, Numidians, Khart-Haddans (Carthaginians), and Ethiopians.

Starting in the 1880s, in what became known as the “Scramble for Africa,” European countries raced to occupy the continent, seeking economic and strategic gains. Britain established control over many parts of Africa, including Sudan and much of the south. France began to rule a large territory in the west and north.

The Portuguese started the long age of European colonization with the conquest of Ceuta, Morocco in 1415, and the conquest and discovery of other African territories and islands, this would also start the movement known as the Age of Discoveries.

After long years ago, the struggle of African for independence started. This period is typically between 1945 and 1960, three dozen new states in Asia and Africa achieved autonomy or outright independence from their European colonial rulers.

This is a period of the two world wars, which is the world particularly Europeans divided in two camps and fought each other. They were the largest military conflicts in human history. Both wars involved military alliances between different groups of countries.

The Africans were participated in the war through their colonial rule, accordingly hundreds of thousands of African soldiers and labourers served in colonial armies during the two World Wars. Most were non-literate and there are relatively few first-hand records of their experiences.

Campaigns were fought on African soil too which – though they only marginally affected the overall course of war – had significant implica-

tions for Africa. More than a million African soldiers were involved in these campaigns or campaigns in Europe. Even more men, as well as women and children, were recruited, often forcibly, as carriers to support armies whose supplies could not be moved by conventional methods such as road, rail or pack animal. Over 150,000 soldiers and carriers lost their lives during the war. Many more were wounded and disabled. By the time the war ended, every country in Africa, with the exception of the small Spanish territories – which remained neutral – had been formally committed to one side or the other. Belgian, British, French, Italian and Portuguese administrations were allied – more or less actively – against German colonies.

The participation of African soldiers in the two world wars directly or indirectly paves the way for decolonization process. The fight for African freedom and independence was a long and tiresome struggle, but Africa and its people prevailed. Basil Davidson stated that WWII “Began as a conflict between Europeans. But it developed into more than that: it became, at least to some extent, an anticolonial and anti-racist war as well. Some good came out of the evil.” The Second World War affected not only Africa, but the world. Everyone was affected militarily, psychologically, economically, and politically. In retrospect, WWII, as bloody and destructive as it was, was instrumental in helping Africans gain their political freedom and independence. If WWII had not occurred, the age of European imperialism could have continued for years. “Internationally the Second World War, coupled with the post-War advent of the United Nations, had disrupted what Jane Burbank and Frederick Cooper have called the ‘world of empires’ with promises of a new international.

Valeria D. Bureeva

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

**The Search by African Countries for Their Position
in the World System in the Postcolonial Period
amid the Confrontation of Two Superpowers**

In the second half of the 20th century, African countries were able to regain their independence. However, the positive sentiments after the victory in the national liberation wars were soon replaced by confusion and fear, as people were used to fundamental decisions being made by the colonial administration and were not ready for the independence that was thrust upon them. This led to a number of social and political problems, which has pushed African countries for cooperation with other states both inside and outside the continent. It is important to understand that Africa wanted to find its place in the new world system, build equal international relations, and not to be a colony of a new type, especially in the conditions of rivalry between the USA and the USSR for world domination.

The paper is divided into three parts to analyze each historical path of development: communist, capitalist and special national (Tanzanian Ujamaa and Zambian humanism). The first part provides examples of such countries as Ghana, Mali and Mozambique. These states have chosen socialism and communism as their new identity based on the need to establish strong leadership, mobilize economic resources and free themselves from Western pressure. This model of development allowed them to achieve certain positive results, but after the collapse of the USSR it has changed a lot.

The second part of the paper is devoted to capitalism and analyzes the examples of Kenya and the DRC. The countries have chosen the capitalist path based on the desire for accelerated economic development by virtue of foreign investment from Western countries. However, it is worth noting that building a «European» capitalist model turned out to be a difficult task in African realities and has taken a lot of time.

The third part of the paper is devoted to the unique models of development in Africa in the postcolonial period: Tanzanian Ujamaa and Zambian humanism. The countries have chosen the "third way" because of the desire not to join the belligerent blocs, which allowed them to receive support and assistance from both the USSR and the United States, which

fought for spheres of influence. However, in the conditions of a bipolar world system, it was quite difficult to adhere to such a development option and, in the end, it was necessary to take someone's side.

В.Д. Бурева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

**Поиск африканскими странами своего положения
в мировой системе в постколониальный период
в условиях противостояния двух систем**

Во второй половине XX века страны Африканского континента смогли отвоевать свою независимость. Однако, позитивный настрой от победы в национально-освободительных войнах скоро сменился смятением и страхом, так как люди, которые привыкли к тому, что за них принимают основополагающие решения, оказались не готовы к свалившейся на них самостоятельности. Это привело к ряду социальных и политических проблем, что породило необходимость в сотрудничестве с другими государствами как внутри Африки, так и за её пределами. Важно понимать, что Африка хотела найти свое место в новой мировой системе и выстроить равноправные международные отношения, а не быть колонией нового типа, особенно в условиях соперничества США и СССР за мировое господство.

Доклад разделен на три части для анализа каждого исторического пути развития: коммунистического, капиталистического и особого национального (танзанийская уджамаа и замбийский гуманизм). В первой части приводятся примеры таких стран, как Гана, Мали и Мозамбик. Эти государства избрали социализм и коммунизм как свою новую идентичность исходя из необходимости установления сильного лидерства, мобилизации экономических ресурсов и освобождения от давления Запада. Данная модель развития позволила достичь определенных позитивных результатов, однако после распада СССР сильно видоизменилась.

Вторая часть доклада посвящена капитализму и в ней рассматриваются примеры Кении и ДРК. Страны выбрали капиталистический

путь опираясь на желание ускоренного развития экономики за счет иностранных инвестиций из западных стран. Однако, стоит отметить, что построить капиталистическую модель по европейскому образцу оказалось сложной задачей в африканских реалиях и заняло большое количество времени.

Третья часть доклада посвящена уникальным моделям развития в Африке в постколониальный период: танзанийская Удждамаа и замбийский гуманизм. Страны выбирали «третий путь» из-за желания не присоединяться к враждующим блокам, что позволяло получать поддержку и помощь как от СССР, так и от США, которые боролись за сферы влияния. Однако, в условиях биполярной мировой системы придерживаться такого варианта развития было достаточно трудно и, в конечном итоге, приходилось занимать чью-то сторону.

Egor E. Dubovitsky

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

The Congolese Crisis: Belgian Intervention and the Role of the UN

The paper presents the results of the research aimed at analyzing the role of the UN in the events of the acute political crisis of 1960-1965 on the territory of the Republic of Congo. The author is convinced that the actions of the UN during the conflict already then clearly demonstrated the inability of this body to make effective decisions on regional conflicts in the absence of consensus of the permanent members of the Security Council, as well as questioned the objectivity of the Organization, which is reflected at the present stage of international relations, in particular in the Israeli-Palestinian crisis of 2023.

The study is mainly based on diplomatic correspondence, as well as minutes of meetings of the UN General Assembly and Security Council on the situation in the Congo, in addition, the works of domestic and foreign historians such as P. Calvocoressi, A. Davidson, T. Turner, D. Gondola, etc. are involved.

The author believes that the main responsibility for the tragic events of the 1960s undoubtedly lies with Belgium, which indulged both sides of the conflict in order to maintain its post-colonial influence and also used forceful methods contrary to UN resolutions. However, one should not diminish the guilt of the organization, whose untimely decisions and lack of a clear position, which should have been outlined by Secretary General D. Hammarskjöld, turned the Republic of Congo into the arena of the "cold war", and the precedent of Katanga, which was also not resolutely stopped in a timely manner, served as an example for separatist movements on the continent, in particular, in attempts to separate Biafra from Nigeria. At the same time, the author points out that the Congolese crisis showed the potential of the Afro-Asian Non-Aligned bloc as an independent pole of power, whose actions helped to mitigate the consequences of the tragedy and prevent further escalation.

The events of the Congolese crisis directly correlate with the actions of the UN today, and the experience of past mistakes can be extrapolated to decisions taken in other regional crises for their structural analysis.

Е.Е. Дубовицкий

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Конголезский кризис: бельгийская интервенция и роль ООН

В докладе приведены результаты исследования, направленного на анализ роли ООН в событиях острого политического кризиса 1960–1965 годов на территории Республики Конго. Автор убежден, что действия ООН в ходе конфликта уже тогда наглядно показали неспособность этого органа принимать эффективные решения по региональным конфликтам при отсутствии консенсуса постоянных членов Совета Безопасности, а также поставили под сомнение объективность Организации, что находит отражение на современном этапе международных отношений, в частности в Израильско-Палестинском кризисе 2023 года.

Исследование в основном опирается на дипломатическую переписку, а также протоколы заседаний Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН по ситуации в Конго, кроме того, привлекаются работы отечественных и зарубежных историков, таких как П. Кальвокоресси, А. Давидсон, Т. Тернер, Д. Гондола и др.

Автор полагает, что основная ответственность за трагичные события 60-х годов, безусловно, лежит на Бельгии, потворствовавшей обеим сторонам конфликта с целью сохранения своего постколониального влияния, а также применявшей силовые методы вопреки резолюциям ООН. Однако не стоит умалять вину организации, чьи несвоевременные решения и отсутствие четкой позиции, которую должен был обозначить Генеральный секретарь Д. Хаммаршельд, превратили Республику Конго в арену «холодной войны», а прецедент Катанги, который также не был решительным образом своевременно пресечен, послужил примером для сепаратистских движений континента, в частности в попытках отделения Биафры от Нигерии. В то же время автор указывает, что Конголезский кризис показал потенциал Афро-Азиатского блока неприсоединения в качестве самостоятельного полюса силы, чьи действия помогли смягчить последствия трагедии и не допустить дальнейшей эскалации.

События Конголезского кризиса напрямую коррелируют с действиями ООН сегодня, и опыт ошибок прошлого может быть экстраполирован на решения, принимаемые в рамках других региональных кризисов для их структурного анализа.

Andrey A. Zakharov

Russian State University for the Humanities, Moscow

Bantustans in Racist South Africa and South African Federalism

The restrained attitude towards federalism shown by the African National Congress after the collapse of the white minority regime cannot be understood without referring to quasi-federalist practices that were involved in political life by racists. First of all, the idea of federation was discredited by the former system of Bantustans (homelands). Since the apologists of the dismantled apartheid in the midst of the debates of the early 1990s constantly turned to the “federalist” arguments, their opponents tended to unitarian alternatives: during the drafting of the new Constitution, the ANC more than once officially stated that delegating too much power to the provinces would weaken the renovated state.

The quasi-federalist Bantustan policy, implemented by racists since the 1950s, pursued at least three goals. Firstly, such “territorial self-determination” emphasized the heterogeneity of the African population, emphasizing the fundamental dissimilarity of its various segments and contrasting some communities with others. Secondly, through this policy, particularly unreliable groups – for example, the Xhosa people – split internally. Thirdly, due to the dispersed residence of Africans throughout South Africa, each of these “national” formations had large or small minorities, which stimulated inter-communal tensions beneficial to the racist state.

The apartheid regime attached fundamental importance to the Bantustans, because without this form of territorial and political autonomy for blacks, the construction of a “racially pure” white minority state seemed unrealistic. By consistently expanding the decorative “independence” of these entities, the authorities sought to counter violent forms of political action, increasingly used by opponents of apartheid since the 1960s, with legal forms of black political participation. Bantustans are often portrayed as an untenable and expensive experiment in regional self-determination. But, agreeing with such judgments in principle, one should not forget that the Afrikaner political and administrative experiment significantly strengthened the foundations of the racist regime, since it ensured the co-optation of part of the black political class into its structures. Despite the fact that indirect governance implemented in the bantustans was firmly em-

bedded in the racist hierarchy, and their black leaders were endowed with the attributes of power by white officials, the appointed leaders acted as rather independent brokers distributing state resources to the communities devoted to them – and therefore acquired a solid social base. This is what makes it possible to see in these national-territorial entities the first acquaintance for South Africa with a system resembling real federalism.

А.А. Захаров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Бантустаны в расистской ЮАР и южноафриканский федерализм

Сдержанное отношение к федерализму, проявляемое Африканским национальным конгрессом после крушения режима белого меньшинства, невозможно понять без обращения к квази-федералистским практикам, которые вовлекались в политический обиход расистами. Прежде всего, идея федерации была дискредитирована прежней системой бантустанов (хоумлендов). Поскольку апологеты демонтируемого апартеида в разгар дебатов начала 1990-х обращались к «федералистской» аргументации постоянно, их оппоненты склонялись к унитаристским альтернативам: в ходе разработки новой конституции АНК не раз официально заявлял о том, что делегирование провинциям слишком большой власти ослабит обновляемое государство.

Квази-федералистская политика бантустанов, реализуемая расистами с 1950-х годов, преследовала как минимум три цели. Во-первых, подобное «территориальное самоопределение» акцентировало разнородность африканского населения, подчеркивая принципиальное несходство различных его сегментов и противопоставляя одни общности другим. Во-вторых, посредством этой политики особо неблагонадежные группы, например, народ коса, раскалывались внутренне. В-третьих, из-за дисперсного проживания африканцев по всей территории ЮАР в каждом из этих «национальных» образований имелись крупные или малые меньшинства, чем стимулировались межобщинные трения, выгодные властям.

Режим апартеида придавал бантустанам фундаментальное значение, поскольку без этой формы территориально-политической автономии чернокожих строительство «расово чистого» государства белого меньшинства представлялось нереалистичным. Последовательно расширяя декоративную «самостоятельность» этих образований, власти стремились противопоставить насильственным формам политического действия, с 1960-х годов все шире используемым противниками апартеида, легальные формы политического участия черных. Бантустаны нередко изображаются несостоятельным и дорогостоящим экспериментом в области регионального самоопределения. Но, соглашаясь с подобными суждениями в принципе, не стоит забывать, что политико-административный эксперимент африканеров заметно укреплял основы расистского режима, поскольку обеспечивал кооптацию части чернокожего политического класса в его структуры. Несмотря на то, что косвенное управление, реализуемое в бантустанах, было прочно встроено в расистскую иерархию, а атрибутами власти их чернокожие руководители наделялись белым чиновничеством, назначаемые вожди выступали довольно самостоятельными брокерами, распределяющими государственные ресурсы преданным им общинам – и потому обзаводились прочной социальной базой. Именно это позволяет видеть в упомянутых национально-территориальных образованиях первое для Южной Африки знакомство с системой, напоминающей настоящий федерализм.

PANEL III
***AFRICA IN THE GLOBAL INTERNATIONAL RELATIONS:
FROM NEOCOLONIALISM TO TRUE INDEPENDENCE***

Alexander I. Neklessa

Institute for African Studies, Moscow, Russia

**Postcoloniality in the Contemporary World:
Regional and Global Aspects**

1. The postcolonial state is an eclectic complex, "based on the ideas of anti-colonial and anti-imperialist struggle, on the one hand, and on the other, on the traditions of Western philosophy and European humanitarian thought. It's a fragmented, open-minded way of thinking that is both a strength and a weakness." (Achille Mbembe).

2. Post-colonial issues are now being identified in an ever-widening range of phenomena. Coloniality continues to exist in the post-colonial world both as a phenomenon and as a problem, but the struggle for political and economic sovereignty is replaced by the practice of socio-cultural and psychological decolonization of individuals and communities. "We need not only political decolonization, but also mental decolonization." (Archie Mafiji).

3. The expanding space of postcolonial reflection marked "the genesis here and there of a new intellectual and political consciousness" (Edward Said), also revealing the variety of mimicry of coloniality, including autocoloniality. The co-presence of antagonists predetermines their conflictual interaction.

4. In the decolonial aspect, postcoloniality manifests itself both as the socio-cultural antithesis of coloniality and as "epistemic disobedience" (Walter Dignolo), and its intellectual constructs take the form of politicized activism in the mainstream of practice.

5. "Africaness/Blackness" gradually becomes a kind of metaphor for certain attributes: "It is a class, or a race, or a group of persons, regardless of the color of the skin" (Achille Mbembe). Postcoloniality thus integrates decoloniality with the views of early Marx and the neo-Marxist position on the counter-hegemony. Intolerance of systems with multiple

subtypes of discrimination problematizes conventions and gives rise to new tools for change.

6. The claim to the future depends on the possession of the present and the level of subjectivity. Evolutionary aspiration takes on the characteristics of a "project on a planetary scale" (Achille Mbembe), and a complex identity becomes a challenge to "a profoundly static notion of identity, [where] a person is defined through a nation" (Edward Said). Alfred Sauvey's prediction about the role of the Third World, whose potency he compared to the force that consigned the feudal-estate world order to the dustbin of history, is coming true: "this 'Third World', ignored, exploited, despised like the Third Estate, now also wants to be something."

7. Today's "Third Estate," from the new political sovereigns to refugees, economic settlers, and influential representatives of Afropolitanism, forms a multifaceted community and acquires strategic subjectivity, seizing the historical initiative.

А.И. Неклесса

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Постколониальность в современном мире: региональный и глобальный аспекты

1. Постколониальное состояние – эклектичный комплекс, «в его основе с одной стороны, лежат идеи антиколониальной и антиимпериалистической борьбы, с другой – традиции западной философии и европейской гуманитарной мысли. Это фрагментированный, открытый стиль мышления, что является одновременно силой и слабостью» (Ашиль Мбембе).

2. Постколониальная проблематика опознается сегодня во все более широком круге явлений. Колониальность же продолжает существовать в постколониальном мире и как феномен, и как проблема, однако борьбу за политический и экономический суверенитет замещает практика социокультурной и психологической деколонизации людей и сообществ. «Нам нужна не только политическая деколонизация, но еще и ментальная» (Арчи Мафиджи).

3. Расширяющееся пространство постколониальной ре-

флексии обозначило «зарождение то тут, то там нового интеллектуального и политического сознания» (Эдвард Саид), выявив также многообразие мимикрий колониальности, включая автоколониальность. Соприсутствие антагонистов предопределяет их конфликтное взаимодействие.

4. В деколониальном аспекте постколониальность проявляется и как социокультурная антитеза колониальности, и как «эпистемическое неповиновение» (Уолтер Миньоло), а ее интеллектуальные конструкты в русле практики принимают форму политизированного активизма.

5. «Африканство» начинает трактоваться как своего рода метафора определенных свойств: «Это класс, или раса, или определенная группа лиц, вне зависимости от цвета кожи» (Ашиль Мбембе). Постколониальность, таким образом, интегрирует установки деколониальности с воззрениями раннего Маркса и позицией неомарксистов о контргегемонии. Нетерпимость к системам с множеством подвидов дискриминаций проблематизирует конвенции и рождает новые инструменты перемен.

6. Претензия на будущее зависит от обладания настоящим и уровня субъектности. Эволюционная устремленность обретает черты «проекта планетарного масштаба» (Ашиль Мбембе), а комплексная идентичность становится вызовом «глубоко статичному понятию идентичности, [когда] человека определяют через нацию» (Эдвард Саид). Сбывается предвидение Альфреда Сиви о роли третьего мира, потенции которого он сравнил с силой, отправившей на свалку истории феодально-сословный миропорядок: «этот “третий мир”, игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже хочет быть чем-то».

7. Нынешнее «третье сословие» от новых политических суверенов до беженцев, экономических переселенцев и влиятельных представителей афрополитанизма образует многоликое сообщество и обретает стратегическую субъектность, перехватывая историческую инициативу.

Tatiana L. Deych
Evgeny N. Korendyasov
Institute for African Studies, Moscow, Russia

Africa's Role under the Emerging New World Order

Africa entered a phase of accelerating economic growth. The global economic crisis provoked by the COVID-19 pandemic also affected African countries, but affected them less than other countries. Thus, according to the IMF, the GDP of sub-Saharan African countries decreased by 1.9% in 2020, while for the world as a whole the drop was 3.3%, and for developed countries – 4.7%. Moreover, out of 45 countries in sub-Saharan Africa, 11 not only maintained the achieved production volume, but also increased it. According to the World Bank, in the next decade the continent's economic growth rates will significantly exceed that of the world. The African continent may find itself on the eve of an economic take-off, just like China and then India, as the countries of sub-Saharan Africa begin to rapidly approach the “rising” countries with developing market economies in terms of development rates, role and influence in the global economy and politics¹.

The demand for African mineral raw materials has increased significantly, primarily for the types needed for the development of advanced technologies. Structural transformations of the economy have acquired decisive importance: the growth of the industrial sector and value chains. There are new trends in the sectoral distribution of investments in Africa: the share of raw materials extraction is decreasing and the shares of manufacturing, electricity, infrastructure, and services are growing. A growing middle class provides growth in consumer demand; in 2025, it is projected at \$2.1 billion, and in 2030 – 2.5 billion². By 2030 Nigeria, Egypt and South Africa will be the largest consumer markets in Africa. As a result of comprehensive reforms, the market environment in Africa has moved significantly closer to global standards. ICT are developing. The integration processes are very active. The AfCFTA became the biggest one in the world by the number of participants (55 countries). The “collective West” hegemony is steadily becoming a thing of the past. Now African states have opportunities for essential extension of access to the new sources of finance resources, new markets. new technologies. African diplomacy fights for

rising its representation in World organizations, first of all. UN. IMF, World Bank. African Union worked out its own offers on UN reforming.

¹ Абрамова И., Фитуни Л. Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 9. С. 26.

² Signé L. Africa's consumer market potential. Trends, drivers, opportunities, and strategies / The Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/research/africas-consumer-market-potential/> (accessed 25.11.2023).

Т.Л. Дейч
Е.Н. Корендясов

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Роль Африки в условиях складывающегося нового миропорядка

Африка вступила в фазу ускорения экономического роста. Кризис мировой экономики, спровоцированный пандемией COVID-19, отразился и на африканских странах, однако затронул их значительно слабее, чем другие государства. Так, по данным МВФ, ВВП стран Африки южнее Сахары в 2020 г. снизился на 1,9%, тогда как в целом по миру падение составило 3,3%, а для развитых стран – 4,7%. Причем из 45 стран Африки южнее Сахары 11 не только сохранили достигнутый объем производства, но и нарастили его. По данным Всемирного банка, в ближайшее десятилетие темпы экономического роста континента будут существенно превышать мировые. Африканский континент может оказаться накануне экономического взлета, как в свое время Китай, а затем Индия, поскольку страны Африки к югу от Сахары стали по темпам развития, роли и влиянию в мировой экономике и политике стремительно приближаться к «восходящим» странам с развивающейся рыночной экономикой¹. Существенно возросла востребованность африканского минерального сырья, в первую очередь, его видов, нужных для разработки передовых технологий. Решающее значение обрели структурные трансформации экономики: рост промышленного сектора, цепочек добавленной стоимости. Налицо новые тенденции в отраслевом распределении инвестиций в Африке: сокращается доля добычи сырья и растут доли обрабатывающей промышленности, электроэнергетики, инфраструктуры, сферы услуг. Растущий средний

класс обеспечивает рост потребительского спроса; в 2025 г. он прогнозируется на уровне \$2,1 млрд, а в 2030 г. – 2,5 млрд². К 2030 г. крупнейшими потребительскими рынками Африки будут Нигерия, Египет и ЮАР. В результате комплексных реформ рыночная среда в Африке существенно приблизилась к мировым стандартам. Заметное развитие получили информационно-коммуникационные технологии. Активно идут в Африке и процессы интеграции, запущена Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA), ставшая по числу стран-участниц (55) самой крупной в мире.

Западно-атлантическая гегемония в Африке уходит в прошлое. У африканских государств появились возможности существенного расширения доступа к новым источникам финансовых ресурсов, новым рынкам сбыта, новым технологиям. Африканская дипломатия ратует за повышение своего представительства в международных организациях, на переговорных площадках, особенно активно – в органах глобального управления: ООН, МВФ, группы Всемирного банка, ВТО. Африканский союз разработал собственные предложения по реформированию ООН.

¹ Абрамова И., Фитуни Л. Потенциал Африканского континента в стратегии развития российской экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 9. С. 26.

² Signé L. Africa's consumer market potential. Trends, drivers, opportunities, and strategies / The Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/research/africas-consumer-market-potential/> (дата обращения 25.11.2023).

Samson Peter Malekela
Stella Maris Mtwara University College, Tanzania

Unlocking Africa's Global Gateway Potentials: Opportunities and Challenges

Africa is the second largest continent in the world with a lot of potentials. Its physical setting is naturally designed with operation of connectivity architecture. For a quite long time its position in the international community has been contested apparently due to continent's global engagement, interactions, and its strategic location. The continent's engagements, role, contributions, and recognition in the international community has been defined and comprehended differently. By using mainly secondary sources, this paper aims at determining the position of Africa in the world; identifying the unique factors that make the continent surpasses others, and the challenges render inoperative of the full realization of its position. It has been revealed that Africa with its endowments stands as the global gateway and its full attainment requires special initiatives. It is recommended that Africa needs to change in terms of attitude and take action to be in charge of, defend and benefit from its strategic position.

Sumit Kumar Pandey
Independent Researcher, Chennai, India

The Way Forward for Africa in World Affairs in the Days to Come

Africa is poised to play an increasingly important role in world affairs in the coming decades. The continent is home to a young and growing population, vast natural resources and burgeoning entrepreneurial spirit. As Africa's economics continue to grow, the continent is likely to become a major player in global trade and investment. Moreover, Africa's political landscape is evolving, with many countries embracing democracy and good governance. This is leading to greater stability and cooperation which will further enhance Africa's role in the international community.

Here are some specific examples of how Africa's role in world affairs is likely to grow in the future:

Economic Growth – Africa's economics are expected to grow faster than any other region in the world in the coming decades. This will create new markets for goods and services and opportunities for investment.

Trade and Investment – Africa is increasingly seen as an attractive destination for investment. The continent has rich natural resource, a large and growing workforce and a rapidly expanding middle-class.

Peace and Security – Africa is still facing a number of challenges including poverty, conflict and disease. However, there has been significant progress in recent years and the continent is becoming more stable.

Governance and Democracy – Many African countries are making progress towards democracy and good governance. This is leading to greater transparency, accountability and participation in decision making.

Technology – Africa is embracing new technology such as mobile phones and internet, this is leading to increased connectivity and access to information which is empowering individuals and businesses.

In conclusion, Africa is a continent on the rise. The continent is likely to play an increasingly important role in world affairs in the coming decades, as its economies grow, its political system matures and people become more connected.

Birendra K. Pandey

Arun Jaitley National Institute of Financial Management, Faridabad, India

Upsurge of Africa in the World: Emerging Challenges and Prospects

The rise of Africa in the global landscape has been a notable phenomenon, marked by economic growth, increasing political stability, and a burgeoning youth population. This abstract delves into the emerging challenges, prospects, and the way forward for Africa, outlining measures to be taken for sustained development.

Africa's economic growth has been robust in recent years, driven by sectors such as agriculture, natural resources, and a growing consumer market. However, challenges persist, including infrastructure gaps, political instability in some regions, and the impact of climate change on agriculture. The prospects lie in leveraging the continent's youthful population, promoting technological advancements, and diversifying economies to reduce reliance on specific sectors.

One of the key challenges is the need for inclusive and sustainable development. While economic growth has been impressive, ensuring that it translates into improved living standards for all citizens remains a critical goal. Addressing income inequality, improving education and healthcare, and fostering social inclusion are vital components of the way forward.

Political stability is another crucial aspect. Despite progress, conflicts persist in certain regions, hampering development efforts. Strengthening governance structures, promoting transparent and accountable institutions, and investing in conflict resolution mechanisms are essential for sustained stability.

Harnessing technology is a promising avenue for Africa's development. The continent has demonstrated remarkable innovation in areas like mobile banking and renewable energy. Investing in digital infrastructure, promoting entrepreneurship, and fostering research and development will contribute to technological advancements and propel Africa further on the global stage.

Moreover, addressing environmental challenges is imperative. Climate change poses a threat to agriculture and water resources, affecting livelihoods across the continent. Implementing sustainable practices, investing in renewable energy, and participating in global efforts to combat

climate change are crucial measures.

In conclusion, the rise of Africa presents both challenges and prospects. The way forward involves inclusive development, political stability, harnessing technology, and addressing environmental concerns. By taking these measures, Africa can continue on its trajectory of growth, contributing significantly to the global landscape.

Adu Yao Nikez

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

**Africa in the Modern System of International Relations
in the Context of the Crisis in Ukraine**

А.Я. Никэз

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва

**Африка в современной системе международных отношений
в контексте кризиса на Украине**

24 февраля 2022 г. на Украине началась специальная военная операция (СВО), направленная, по словам российского руководства, на защиту Донбасса, демилитаризацию и денацификацию страны.

Начало СВО является поворотным моментом в современных международных отношениях, а также открывает новые перспективы для африканских стран в целом. Позиция ряда африканских стран при принятии двух Резолюций ГА ООН, осуждающих СВО, отказ стран Африки присоединиться к санкциям Запада и африканский мирный процесс в урегулировании кризиса как никогда поставили бывших «хозяев» в беспрецедентное положение, которое до СВО представить себе никто не мог. Поэтому можно говорить о новой эре для африканских стран в истории международных отношений.

Alexander B. Mezyaev
University of Management TISBI, Kazan, Russia

International Criminal Court and the Problem of Legal Decolonization in the 21st Century

The intensification of neocolonialism after the destruction of the world socialist system led to significant changes at all social levels, including at the legal level. Since the beginning of the 1990s, the processes of destruction of progressive international law, on the one hand, and the formation of a new phenomenon – global law, on the other, have begun. The main instruments for carrying out these processes were the *ad hoc* international criminal tribunals created by the UN Security Council in 1993–1994: the international tribunals for the former Yugoslavia and for Rwanda. In 1998, a permanent International Criminal Court (ICC) was created.

An analysis of the work of international criminal courts and tribunals leads to the conclusion that these institutions consistently implement the following three main goals: maintaining armed and political conflicts; elimination of undesirable leadership of states; the destruction of international law and the formation of global law. According to Lenin's theory of imperialism, colonialism is a systemic element of this stage of capitalism. The development of the first and fourth features of imperialism at the end of the XX – beginning of the XXI centuries led to the formation of new subjects of imperialism, and global law is an instrument of legal neocolonialism of these very subjects.

The main instrument for the formation of global law is International Criminal Court, and the main testing ground for this “law” was the African continent. It was Africa where the ICC “probate” the juridical mechanisms for implementing legal neocolonialism (which today are used everywhere, including in relation to Russia). Without legal decolonization, the task of decolonizing world relations in the 21st century as a whole cannot be solved.

А.Б. Мезяев

Университет управления ТИСБИ, Казань, Россия

Международный уголовный суд и проблема правовой деколонизации в XXI веке

Активизация неокOLONиализма после разрушения мировой социалистической системы привела к существенным изменениям на всех социальных уровнях, в том числе, на правовом уровне. С начала 1990-х годов начинаются процессы разрушения прогрессивного международного права, с одной стороны, и формирования нового феномена – глобального права – с другой. Основными инструментами осуществления данных процессов выступили международные уголовные трибуналы *ad hoc*, созданные Советом Безопасности ООН в 1993–1994 годах: международные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде. В 1998 году был создан постоянный Международный уголовный суд (МУС).

Анализ работы международных уголовных судов и трибуналов приводит к выводу о том, что эти институты последовательно осуществляют три следующие основные цели: поддержание вооруженных и политических конфликтов; ликвидация неудобного руководства государств; разрушение международного права и формирование глобального права. Согласно теории империализма В.И. Ленина, колониализм является системным элементом данной стадии капитализма. Развитие первого и четвертого признаков империализма в конце XX – начале XXI века привело к формированию новых субъектов империализма и глобальное право является инструментом правового неокOLONиализма именно этих субъектов.

Главным инструментом для формирования глобального права стал Международный уголовный суд, а основным полигоном для апробации этого «права» стал Африканский континент. Именно здесь со стороны МУС отрабатывались юридические механизмы осуществления правового неокOLONиализма, которые сегодня применяются повсеместно, в том числе, в отношении России. Без правовой деколонизации цель деколонизации мировых отношений в XXI веке в целом, не может быть достигнута.

Sergey V. Kostelyanets
Institute for African Studies, Moscow, Russia

Africa's Insecure Borderlands: Security Relations in the Red Sea Region in View of the New Geopolitical Realities

The Red Sea has been one of the busiest global trade arteries since time immemorial, connecting the Middle East and Europe with India and East Asia. Historically, the littoral Red Sea regions did not present a value in itself, but rather were seen by various conquerors as convenient transit points. The growing importance of the route in the 21st century has been reflected in the intensifying competition for its ports and military bases. By the early 2020s, most major international powers had maintained or newly established military presence on the Red Sea or the adjacent Gulf of Aden. In 2022, the US unveiled a specialized naval task force CTF-153 tasked with protecting the waterways of the Red Sea.

The rise of littoral countries has turned the tables, as non-Western regional powers have also begun to vie for control of the critical artery. In 2020, Saudi Arabia launched the Red Sea forum – a regional platform designed to bring littoral countries together on such issues as security and economic cooperation. In a separate development, in 2022 Egypt, the UAE, Bahrain, Morocco, the US, and Israel inaugurated the Negev Forum – a new framework that among other things aims at promoting regional security in the Red Sea. Simultaneously, we have witnessed a major wave of destabilization in the region running from Yemen to the opposite shore – to Ethiopia and then to Sudan, which the main African regional authority – IGAD – has failed to contain.

The paper will seek to analyze the evolution of security relations on the Red Sea within the context of the intensifying great power competition and the rise of regional actors.

Ustiniya S. Zlatoverkhovnikova

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

**The Dynamics of Development in External Powers' Priorities
in the African Continent: The 1990s and 2020s**

The attitude of external powers towards African countries as actors in international relations changes with each decade: from the classic view of "underdeveloped tribal societies" to the image of a full-fledged economic and political partner. Modern profound shifts in the international politics forces concerned states to rebuild the historical "battle for Africa", placing more respectful accents, but such a scenario was not always relevant: just a few decades ago, the international community, advocating for neocolonial division of the world, preferred to see their African colleagues as an arms market. The genocide of 1994 became a decisive event that demonstrated the material priorities of external powers on a global level – in the afterwards relations began to take on a new form. The article will analyze changes in expressions, form, and general view of relations with African countries, and put forward assumptions about the motives for spreading influence on the African continent.

У.С. Златоверховникова

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

**Динамика развития приоритетов внешних сил
на Африканском континенте: 1990-е и 2020-е гг.**

Отношение внешних сил к африканским странам как к акторам международной политики меняется с каждым десятилетием: от классического представления о «недоразвитых племенных обществах» до образа полноправного экономического и политического партнера. Современные сдвиги на международной арене заставляют вернуться к исторической «битве за Африку», расставляя более уважительные акценты для африканских союзников, но такой расклад был актуален не всегда: всего за несколько десятилетий до этого международное со-

общество, выступая за неоколониальный раздел мира, предпочитало видеть в своих африканских коллегах оружейный рынок сбыта. Геноцид 1994 года стал решающим событием, продемонстрировавшим материальные приоритеты внешних сил на глобальном уровне – после этого отношения мирового сообщества с Африкой начали приобретать новую форму. В исследовании будут проанализированы изменения в выражениях, форме и общей видимости отношений с африканскими странами, выдвинуты предположения о мотивах распространения влияния внешних сил на африканском континенте.

Olga S. Kulkova

Institute for African Studies, Moscow, Russia

European Union and Africa: Challenges of Cooperation in a Changing World Order

Relations between the European Union and Africa, perhaps for the first time in history, have a chance to finally move beyond the long-lasting “donor-recipient” paradigm, a kind of system of neo-colonialism. However, this is not happening thanks to the efforts of the EU leadership, but rather in spite of it, in line with the changing dynamics of the world order.

Africa is no longer satisfied with the framework of neocolonial subordination to the former metropolises, be it in the political or economic spheres, since it now has the opportunity to choose partners and put forward its own terms of cooperation.

The trend towards expanding interaction between African countries and “new”, “emerging” actors over the past two decades has strengthened and become irreversible. The African continent itself has also become more active and the degree of integration of African economies has increased, which is forcing the world to listen more attentively to the wishes (and sometimes demands) of Africans themselves.

The pandemic and the way the European Union tried to cope with it caused significant damage to mutual understanding in European-African relations. The key issue was the conditions for access to vaccines for Africans.

Events surrounding the start of the Russian special military operation in Ukraine in February 2022 led to a host of unforeseen consequences, including even more complications in relations between the EU and Africa. The spillover effects of the ongoing standoff between Russia and the West will continue to dominate EU-Africa relations in the medium term.

In particular, European sanctions against Russian agricultural exports have greatly exacerbated food security problems in Africa.

BRICS continues to strengthen its position as an outpost of an alternative worldview. From 2024, Egypt and Ethiopia will become its members.

Cooperation between Africa and Russia and China is gaining momentum. At the same time, the Western world views this cooperation with

undisguised alarm and seeks to counteract it.

What will EU-Africa interaction look like in the coming years? In my report I will try to outline its main directions and highlight the challenges facing both sides.

О.С. Кулькова

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Европейский Союз и Африка: вызовы сотрудничества в меняющемся миропорядке

Отношения Евросоюза и Африки, пожалуй, впервые в истории получают шанс наконец выйти за рамки долго просуществовавшей парадигмы «донор-реципиент», своего рода системы неокOLONИализма. Однако происходит это не благодаря усилиям руководства ЕС, а скорее вопреки, в русле меняющейся динамики миропорядка.

Африку уже не устраивают те рамки неокOLONИальной подчиненности бывшим метрополиям, будь то в политической или экономической сферах, поскольку у нее появилась возможность выбирать партнеров и выдвигать свои условия сотрудничества.

Тенденция к расширению взаимодействия африканских стран с «новыми», «восходящими» акторами за последние два десятилетия окрепла и стала необратимой. Повысилась и акторность самого Африканского континента, степень интегрированности африканских экономик, что заставляет мир внимательнее прислушиваться к пожеланиям (а иногда и требованиям) самих африканцев.

Пандемия и то, как с ней пытался справиться Евросоюз, нанесло значительный урон взаимопониманию в европейско-африканских отношениях. Ключевым стал вопрос об условиях доступа к вакцинам для африканцев.

События, связанные с началом российской специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., повлекли массу непредвиденных последствий, в том числе еще больше осложнений в отношениях между ЕС и Африкой. Побочные эффекты продолжающегося противостояния между Россией и Западом будут продолжать доминировать в отношениях между ЕС и Африкой в среднесрочном периоде.

В частности, европейские санкции против сельскохозяйственного экспорта России сильно обострили проблемы с продовольственной безопасностью в Африке.

Продолжает укреплять свои позиции БРИКС как форпост альтернативного мировидения. С 2024 г. его членами станут Египет и Эфиопия.

Набирает обороты сотрудничество Африки с Россией и Китаем. В то же время, западный мир смотрит на это сотрудничество с нескрываемой тревогой и стремится ему противодействовать.

Каким же будет взаимодействие ЕС и Африки в ближайшие годы? В своем докладе я постараюсь обрисовать его основные направления и подсветить вызовы, стоящие перед обеими сторонами.

Ivan L. Lileev
Moscow State Linguistic University, Russia

European Union and Africa as Poles of a New World Order of the 21st Century

И.Л. Лилеев

Московский государственный лингвистический университет, Россия

ЕС и Африка как полюсы нового миропорядка XXI века

1. Современная политическая и экономическая карта мира стремительно трансформируется и может быть рассмотрена сегодня как многополярная система с рядом «центров мягкой и жесткой силы» разной степени геополитической значимости многополярного мира.

2. Несомненно, к числу ведущих полюсов можно отнести и Европу (как Европейский союз) и Африку как интегрирующийся Африканский союз, каждый из которых имеет собственные и весомые основания на подобные претензии. Европа безусловно остается сегодня одним из главных центров современной цивилизации с учетом ее роли в мировой экономике и политике последнего тысячелетия. Что касается Африки, то по прогнозам специалистов именно Африканский континент станет уже во второй половине 21 столетия крупнейшим по количеству жителей регионом планеты. В условиях впечатляющих успехов по борьбе с детской смертностью число африканцев должно превысить через 25 лет 4,5 миллиарда. Кардинально изменится роль континента в мировой экономической сфере. Именно сюда должны быть в силу ряда экономических факторов переведены многие предприятия из стран индустриального Севера. Нарастающая инвестиционная активность Китая на континенте придаст этой динамике дополнительные импульсы, делая ее одним из ведущих драйверов мировой экономики.

3. Этот прогноз однако делается без учета вхождения всей системы международных отношений в зону определенной турбулентности в связи с событиями на востоке Европы. В случае разрастание конфликта здесь до глобального уровня африканские страны могут

разделиться. Присутствие Африки в мировых экономических и политических делах будет способствовать и более равному партнерству в рамках афро-европейского взаимодействия.

4. Конкретные параметры этого взаимодействия на новом цивилизационном витке развития человечества не могут быть определены уверенно из-за многих «неизвестных» в данном уравнении.

5. Очевидно, что в случае преодоления сегодняшних угроз глобальной безопасности и обретением этими полюсами мировой политики их объективного статуса с учетом факторов жесткой и мягкой силы, Европа и Африка смогут играть во многом взаимодополняющую роль в сложном и многоуровневом контексте глобальной экономики и политики. Часть из них может примкнуть к «зоне влияния» России, что сделает для них взаимодействия с Евросоюзом весьма проблематичным.

6. Возможно? что в этих условиях часть африканских государств начнут ещё более активно развивать отношения с Китаем, без учёта интересов которого вряд ли возможно рассматривать внешнеэкономические стратегии Африканских государств.

7. Безусловно? интеграционный процесс внутри континента, заявленная и реализуемая цель утверждения «афро» как единой африканской валюты. Амбициозные планы качественно иного присутствия Африки в мировых делах приведут и к дальнейшему развитию многообразных отношений в качестве двух влиятельных центров мировой экономики и политики.

Valentina V. Gribanova

Institute for African Studies, Moscow, Russia

Veronica V. Usacheva

Institute for African Studies; Financial University under
the Government of the Russian Federation, Moscow

Educational Diplomacy as a Tool of the Western Neocolonial Influence in Africa

Educational diplomacy is recognized as one of the components of the concept of “soft power”. Moreover, the attractiveness of getting an education in a particular state is taken into account as objective indicator of “soft power” and is reflected in the corresponding ratings of the influence of countries. The term “educational diplomacy”, as a rule, represents education as an instrument of influence (subject-object relations) and mutually beneficial cooperation (subject-subject relations).

The report examines the forms of institutionalization of educational diplomacy policies in Europe and the United States, including the synthesis of government and non-profit organizations to jointly promote their interests in the world, which may not be limited to the educational and linguistic spheres. In particular, the main focus will be on the work of international education institutes for foreign students established by private European universities in African countries; scholarship programs to attract Africans to leading European universities and prestigious business schools; European language programs; partnership agreements on joint research on the basis of appropriate grants, as well as on the exchange of students and staff; grants in reforming and modernizing African education systems; digitalization of education.

The paper will raise the question of the compliance of the educational and linguistic diplomacy of Western countries (aimed at forming a national elite of African countries loyal to the former metropolises and promoting, with the help of “instruments of soft power”, not only their culture, values, but also ideological attitudes) with the interests of “educational sovereignty” of African countries (African Agency).

В.В. Грибанова

Институт Африки Российской академии наук, Москва

В.В. Усачева

Институт Африки Российской академии наук;

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

Образовательная дипломатия как инструмент неоколониального влияния Запада в Африке

Одной из составляющих концепта «мягкой силы» признается образовательная дипломатия. Более того, привлекательность получения образования в том или ином государстве учитывается в качестве объективных показателей «мягкой силы», находит отражение в соответствующих рейтингах влияния стран. Термин «образовательная дипломатия», как правило, представляет образование как инструмент влияния (субъект-объектные отношения) и взаимовыгодного сотрудничества (субъект-субъектные отношения).

В докладе будут рассмотрены формы институционального оформления политики образовательной дипломатии в странах Европы и США, включая синтез государственных и некоммерческих организаций для совместного продвижения своих интересов в мире, которые могут не ограничиваться образовательной и лингвистической сферами. В частности, анализируется работа институтов международного образования для иностранных студентов, созданных частными европейскими университетами в африканских странах; стипендиальные программы для привлечения африканцев, в том числе в ведущие европейские вузы и престижные бизнес-школы; программы изучения европейских языков; партнерские соглашения о проведении совместных научных исследований на основе соответствующих грантов, а также об обмене студентами и персоналом; гранты на реформирование и модернизацию систем образования стран Африки; помощь в цифровизации образования.

В рамках доклада будет поставлен вопрос о соответствии образовательной и языковой дипломатии стран Запада, нацеленной на формирование лояльной бывшим метрополиям национальной элиты африканских стран и продвижение при помощи «инструментов мягкой силы» не только своей культуры, ценностей, но и идеологических

установок, интересам «образовательного суверенитета» африканских стран (*African Agency*).

Inna G. Zakharova

National University of Science and Technology (MISIS), Moscow, Russia

Tatyana N. Terina-Zharkova

Private Cultural Institution “Tatyana’s Day”, Samara, Russia

Educational Policy of the European Countries in the African Continent (With the Examples of The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Russian Federation)

In recent years, a profound influence of the European countries' policy on the African continent can be widely observed. Among them Russia takes an active position being one of the most significant countries in the world's arena. Education is regarded as one of the core criterion of the world's interest in the economical, political and social life of Africa as the means of the African countries' integration into the world community.

This issue is aimed at establishing the main points of the Russian and British educational policy in promoting the native languages of the countries mentioned above. Russia takes an active part in the world's educational market that is revealed in its governmental strategic projects such as “The Russian Education Potential Export System Development” (May 2017 – November 2025) with its main features of foreign citizens' comfortable staying and proper education within the territory of the Russian Federation. There is also a number of educational programmes and nomenclative documents has been updated.

Followed by the Russian Presidential Decree #229 (31/03/2023) the new project “The Russian Language and Education Popularization in the African Countries” has been developed. The Russian government enlarges the students' budget rate as well as increases the African talented youth's financing on the Russian Federation's territory. The Russian educational policy reveals an explicit approach in the education promotion unlike The British one shows an implicit approach in this field. A number of online technologies and special digital facilities are offered in the African remote territories as well as local teaching associations are being organised on the African territories, including special projects as LEAP aimed to help teachers from remote and under-resourced schools in African countries supplying access to quality English learning materials; CIPELT/CISELT – The Certificate Courses in Primary and Secondary English Language Teaching

providing teachers with learner-centered communicative pedagogies.

We should take into consideration the fact that the United Kingdom and the Russian Federation have been adhering to the humanistic principles of the Declaration on the Conservation and Development Value of the National Culture, Traditions and Experience promoting their policies in the African continent. At the same time The United Kingdom tends to use the liberal educational model with the market key role while The Russian Federation's model is built on the state pattern basis.

И.Г. Захарова

Национальный исследовательский технологический университет
"МИСИС", Москва, Россия

Т.Н. Терина-Жаркова

частное учреждение культуры «Татьянин День», Самара, Россия

Образовательная политика европейских стран на африканском континенте (на примере Великобритании и России)

За последние годы наметились тенденции активного присутствия европейских стран, в том числе и России, на африканском континенте. Сфера образования является одним из ключевых критериев проявления интереса мировых держав к экономической, политической, общественной и социальной жизни стран Африки, как средство интеграции африканских народов в мировое сообщество.

Сравним реперные точки российской образовательной политики и других европейских государств, на примере Великобритании по продвижению английского языка и России по продвижению русского языка в странах Африки. Россия предпринимает решительные шаги на мировом рынке образовательных услуг, что находит свое отражение в стратегических проектах. Проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (май 2017 – ноябрь 2025 гг.) представляет российское образование на международной арене, раскрываются вопросы комфортного пребывания и обучения иностранных граждан на территории России. Пересматриваются образовательные программы, номенклатурные документы, в частности на африканском континенте.

Вслед за указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года №229 по укреплению позиций России в мировом пространстве, формированию ее позитивного восприятия за рубежом, укреплению позиций русского языка в мире и его позиций как языка международного общения, разрабатывается проект «Популяризация русского языка и российского образования в странах Африки». Правительство РФ расширяет квоты на прием африканских студентов в российские вузы на бюджетные места, финансируются проекты для талантливой африканской молодёжи, ведущие российские университеты реализуют образовательные проекты на территории России. Тем самым обеспечивая эксплицитный подход в сфере образовательной политики на африканском континенте, в то время как образовательная политика Великобритании проявляется посредством современных онлайн технологий, организуются ассоциации учителей из местного африканского населения, английский язык проникает в отдаленные регионы Африки, что мы рассматриваем как имплицитный подход в образовательной политике Великобритании в странах Африки (сертифицированные курсы преподавания английского языка для начальной и средней школы CIPELT/CISELT, LEAP – проект по внедрению цифровых платформ в отдалённые районы Африки).

Заметим, что государственная образовательная политика России и Великобритании не отступает от основных гуманистических положений Болонской декларации о ценности сохранения и развития национальной культуры, традиций и опыта. Подчеркнем, Великобритания придерживается либеральной образовательной модели (при ключевой роли рынка), тогда как Россия основывается на государственно-патерналистской (при доминанте государства) на Африканском континенте.

Kerindo Abeid Sumara

University of Ss. Cyril and Methodius, Trnava Slovakia;
University of Dar es Salaam, Tanzania

Seeking Security or Seeking Wealth? Africa and the Global Migrants

Scholars and stakeholders of global migration put a least consideration in Africa. The commonly held idea and well-established knowledge which put Africa at the centre of migration consider Africa as a typical source of migrants on the global north. Waves of migration towards Africa receive little consideration in the extant literature. Yet, in the past and present, African continent has received countless waves of migration from many sides of the globe. Global dynamics, which are indeed not new, with a prevailing local condition in Africa have played a significant role in shaping a dichotomy between Africa and world migrants. As such, Africa has become a destination of global migrants who found settlements in various centres of African territories. In this paper, I seek to reveal a long history of global migrants to East Africa, particularly Tanzania by stretching back to the flourishing intercontinental commodity exchanges in the last two centuries to the recent trends of global interconnectedness. The paper discusses various global and local dynamics that necessitated such global migration to East Africa. It examines what Africa meant and still means to these global migrants. The central argument of the paper is that Africa, in the context of migration history, and the current of modern states, has been a place of security and source of wealth to the world's migrants.

Sergey A. Pankratov
Flora Oritcha
Volgograd State University, Russia

Intensification of Migration Processes from West African Countries to the EU: Global, Regional and Country Trends

One of the global characteristics of modern migration processes is the “chaotization” of migration policies of countries, that due to internal and external factors have the largest flows of people “departing” from them, as well as “receiving” states and regions (primarily the European Community), in ultimately determining the most desirable vectors of “final” stay. At the same time, the contradictory nature of the modern post-colonial development of the countries of the African continent and, in particular, the states of West Africa contributed to the institutionalization of a unique political and demographic landscape.

Firstly, representatives of communities living on the territory of two or three nation states do not limit their movement to political boundaries. Secondly, political instability caused by numerous conflicts of varying intensity is a powerful factor determining the migration component in the subregion. In recent years, religious conflicts and associated mass violence have intensified migration movements in West Africa. At the same time, dictatorial regimes often persecute and intimidate students, intellectuals and trade union leaders, encouraging the emigration of specialists.

Thirdly, there is a high level of terrorist violence taking root. One of the most prominent terrorist organizations in the region is Boko Haram (“Western education is sinful”), which has pledged allegiance to the “Islamic State”. It advocates the abolition of existing Western-style political institutions and the establishment of Sharia law throughout the country. Boko Haram operates in northern Nigeria, where the population is predominantly Muslim. Islam has been historically well established in these territories since the Fulban Jihad. As a result of the split in Boko Haram in 2016, a new terrorist Islamist organization emerged, the “Islamic State of West Africa”, which quickly became dominant in the region. In West African countries such as Niger, Burkina Faso, Nigeria and Mali, terrorism has become a brutal part of everyday life, causing numerous casualties and fueling migration from these countries to other African states and especially to

the EU.

Fourthly, the strained economic situation, including lack of prospects for a stable income, poverty and unemployment, and a sense of a “bleak future”, combined with increasing inequality in income and living standards between North and South, including poor governance and violations of human rights, contributes to the migration of educated young people who choose the European Union as their vector of movement, moreover, the most developed countries (France, Germany, etc.), relying on social security, economic success and professional self-realization.

These and a number of other factors ultimately require a serious rethink in the context of the transformation of the world order from unipolarity to multipolarity, thereby suggesting other mechanisms and technologies to minimize the “migration collapse” that developed in the first third of the XXI century.

С.А. Панкратов

Ф. Оритша

Волгоградский государственный университет, Россия

Интенсификация миграционных процессов из стран Западной Африки в ЕС: глобальные, региональные и страновые тренды

Одной из глобальных характеристик современных миграционных процессов выступает «хаотизация» миграционных политик как стран, вследствие внутренних и внешних факторов, имеющих наиболее масштабные потоки лиц из них «убывающих», так и «принимающих» государств и регионов (в первую очередь Европейского сообщества), в конечном итоге определяющих наиболее желательные векторы «конечного» пребывания. При этом противоречивость современного постколониального развития стран Африканского континента и, в частности, государств Западной Африки способствовало институализации своеобразного политико-демографического ландшафта.

Во-первых, представители общин, проживающих на территории двух или трех национальных государств, не ограничивают свое перемещение политическими границами. Во-вторых, политическая нестабильность, обусловленная многочисленными разного уровня ин-

тенсивности конфликтами, является мощным фактором, определяющим миграционную составляющую в субрегионе. В последние годы религиозные конфликты и связанное с ними массовое насилие усилили миграционные движения в Западной Африке. При этом диктаторские режимы часто преследуют и запугивают студентов, представителей интеллигенции и профсоюзных лидеров, поощряя эмиграцию специалистов. В-третьих, это высокий уровень укоренения террористического насилия. Одной из наиболее известных террористических организаций в этом регионе является «Боко Харам» («Западное образование греховно»), присягнувшая на верность «Исламскому государству». Она выступает за упразднение существующих политических институтов, устроенных по западному образцу, и установление законов шариата на территории страны. «Боко Харам» действует на севере Нигерии, где проживает преимущественно мусульманское население. Ислам на этих территориях исторически хорошо укоренен со времен Фульбского джихада. В результате раскола в «Боко Харам» в 2016 г. возникла новая террористическая исламистская организация – «Исламское государство Западной Африки», которая быстро стала доминирующей в регионе. В таких странах Западной Африки, таких как Нигер, Буркина-Фасо, Нигерия и Мали, терроризм стал жестокой частью повседневной жизни, приводя к многочисленным жертвам и активизируя процесс миграции из этих стран в другие африканские государства и особенно в ЕС. В-четвертых, напряженная экономическая ситуация (отсутствие перспектив стабильного дохода, бедность и безработицу, ощущение «мрачного будущего», в сочетании с увеличивающимся неравенством в доходах и уровне жизни между Севером и Югом, включая неэффективное управление и нарушение прав человека) способствует миграции образованной молодежи, избирающей вектором перемещения именно Европейский Союз, более того наиболее развитые страны (Франция, Германия и т.д.), полагаясь на социальную защищенность, экономический успех и профессиональную самореализацию.

Перечисленные и ряд других факторов, в конечном счете, требуют серьезного переосмысления в контексте трансформации миропорядка от однополярности к многополярности, тем самым предполагая иные механизмы и технологии минимизации «миграционного коллапса», сложившегося в первой трети XXI века.

Ekaterina S. Afanasyeva

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

The Experience of the African Diaspora in India

Nowadays the migration problem concerns not only the general public, but also politicians from different countries and researchers. The number of migrants from African countries is growing rapidly. During the post-colonial years, the number of migrants increased fivefold and exceeded 31 million people. Modern migration processes have an impact not only on internal factors of development of African states, but also on relations with other actors in the international arena. Even the African Union officially names the African diaspora as the ‘sixth region’ of the African continent.

The African diaspora in India has a long and complex history. Some experts suggest that the first migration of Africans to the Indian subcontinent began as early as the first century AD. However, the first reliable references to servants and soldiers of African descent in the courts of the Muslim rulers of India appear only in the 13th century.

There are still African communities in India even now, approximately around 50,000 people. The African diaspora is mainly spread across the states of Karnataka and Gujarat. But apart from these administrative units, Africans are also found in cities such as Delhi, Mumbai and Hyderabad.

There have been various names for African migrants in India: "Habshi" (slaves from Ethiopia), "Zanjami" (East Africans), "Somali" (members of the Horn of Africa ethnic groups who moved to India). However, now the most known term is "Siddi" (it is still widely spread) which the author will also use in the paper.

The author is going to examine the experience of the African diaspora in India: how the position of Africans in India has changed through time. In addition, the role of African migrants in the history and politics of India will also be examined.

Е.С. Афанасьева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Опыт африканской диаспоры в Индии

На современном этапе миграционная проблема волнует не только широкую общественность, но и политических деятелей разных стран, а также исследователей. Численность мигрантов из стран Африки стремительно растет. За постколониальные годы количество мигрантов увеличилось в пять раз и превысила 31 млн. человек. Современные миграционные процессы оказывают влияние не только на внутренние факторы развития африканских государств, но и на отношения с другими акторами на международной арене. Так, например, африканская диаспора была официально провозглашена Африканским союзом “шестым регионом” Африки.

Африканская диаспора в Индии имеет долгую и сложную историю. Некоторые исследователи выдвигают теорию о том, что первая миграция африканцев на индийский субконтинент началась еще в первом веке нашей эры. Однако первые достоверные упоминания о слугах и солдатах африканского происхождения при дворах мусульманских правителей Индии появляются лишь в XIII в.

В настоящее время в Индии все еще проживают африканские общины, по некоторым оценкам, насчитывают более 50 тыс. человек. В основном представители африканской диаспоры разбросаны по штатам Карнатака и Гуджарат. Но помимо данных административных единиц, африканцы также встречаются в таких городах, как Дели, Мумбаи и Хайдарабад.

Существовали различные названия для африканских мигрантов в Индии: “хабши” (рабы из Эфиопии), “занджами” (выходцы из Восточной Африки), “сомали” (представители этнической группы Африканского рога, переселившиеся в Индию). Однако в настоящее время в основном используют термин “сидди”, который автор в дальнейшем также будет использовать в своей работе.

В докладе автор рассмотрит опыт африканской диаспоры в Индии: как менялось положение африканцев в Индии. Также будет рассмотрена роль мигрантов из Африки в истории и политике Индии.

PANEL IV
***AFRICA IN THE GLOBAL ECONOMIC RELATIONS:
FROM EXPLOITATION TO PARTNERSHIP***

Evgenia V. Morozenskaya
Institute for African Studies, Moscow, Russia

The Decolonization of Economic Research in Africa

The establishment of national research centers in Africa and the expansion of the scope of their research, including economic research, were a natural result of the decolonization process. Since the 1960s, research centers have been organized in national universities, specializing mainly in the analysis of current problems of economic development of individual countries, as a rule, on the instructions of state regulatory bodies.

Since the 1970s, inter-African research has been promoted, which was previously absent due to the small number and disunity of local scientists. Regional conferences held by the East African Social Science Council, sessions of the Social Science Conference of South African Universities, and others began to consider the results of comparative cross-country studies.

The beginning of a new stage in the development of economic thought on the continent was associated with the creation in 1973 of The Council of the Development of Economic and Social Research in Africa (CODESRIA), an independent pan-African non-governmental research organization with headquarters in Dakar, Senegal. The African Institute for Economic Development and Planning, IDEP, and L'Institut panafricain de developpement were directly involved in its creation. To date, its priorities in the areas of intellectual and institutional development are the CODESRIA Charter and the Strategic Plan.

Since its inception, the goal of CODESRIA has been to reorient African science to analyze and develop solutions to the pressing problems of the continent. The developed list of priority studies on ten complex socio-economic topics corresponded to these tasks, and interethnic working groups headed by well-known African scientists were organized.

Over the past years, economic thought in African countries has gone

through a number of stages in its formation, with time increasingly concentrating efforts on developing an up-to-date strategy for the socio-economic development of the continent. There is a quantitative growth of research centers, primarily university ones, the level of publication activity of African scientists has increased enormously, various specialized journals have been created. For example, the CODESRIA Bulletin plays an important role in the popularization of social sciences, which is published six times a year with a huge circulation in Arabic, English and French and is one of the most popular publications.

Е.В. Морозенская

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Декolonизация экономических исследований в Африке

Создание в Африке национальных научных центров, расширение тематики их исследований, включая экономические, стали закономерным результатом процесса деколонизации. С 1960-х годов в национальных университетах стали организовываться исследовательские центры, специализировавшиеся преимущественно на анализе текущих проблем хозяйственного развития отдельных стран, как правило по заданиям органов государственного регулирования.

С 1970-х годов началось продвижение межафриканских исследований, отсутствовавших до этого из-за малочисленности и разобщенности местных ученых. На региональных конференциях, проводившихся Восточноафриканским советом социальных наук, сессиях Конференции социальных наук южноафриканских университетов и др. стали рассматриваться результаты сравнительных межстрановых исследований.

Начало нового этапа в развитии экономической мысли на континенте было связано с созданием в 1973 г. Совета по развитию исследований в области социальных наук в Африке (КОДЕСРИА, CODESRIA) – независимой панафриканской неправительственной исследовательской организации со штаб-квартирой в Дакаре, Сенегал. В его создании принимали непосредственное участие Африканский институт экономического развития и планирования, ИДЕП (The African

Institute for Economic Development and Planification, IDEP) и Панафриканский институт развития (L'Institut panafricain de developpement). До настоящего времени ее приоритетами в сферах интеллектуального и институционального развития являются Устав (CODESRIA Charter) и Стратегический план (Strategic Plan).

С момента создания целью CODESRIA стала переориентация африканской науки на анализ и выработку решений по насущным проблемам континента. Этим задачам соответствовал и разработанный перечень первоочередных исследований по десяти комплексным социально-экономическим темам, организованы межнациональные рабочие группы, возглавляемые известными африканскими учеными.

За прошедшие годы экономическая мысль в странах Африки прошла ряд этапов в своем становлении, со временем все больше концентрируя усилия на выработке актуальной стратегии социально-экономического развития континента. Происходит количественный рост исследовательских центров, прежде всего университетских, чрезвычайно повысился уровень публикационной активности африканских ученых, были созданы различные профильные журналы. В популяризации социальных наук немаловажную роль играет, например, «Бюллетень CODESRIA», который выходит шесть раз в год огромным тиражом на арабском, английском и французском языках и является одним из наиболее востребованных изданий.

Variety of Forms of Economic Neocolonialism in Contemporary Africa

1) *Hidden colonialism*. Neocolonialism as a continuation of colonial practices in new forms. For example, the apartheid policy in South Africa has been legally abolished since the early 1990s. All South African citizens, regardless of race, have equal political rights. However, the forms of economic inequality that emerged under the apartheid policy remain largely unchanged. Apartheid in the spatial sense (separation of housing for different races and ethnicities) and economic sense (unequal distribution of countries' resources) still exists in South Africa. In other African countries, the actors of economic neocolonialism may not be European states (as was previously the case), but rather their proxies – large transnational or national companies (for example, De Beers in South Africa and Namibia, the sale of uranium from Niger to France, coltan mining in the DRC and so on.). Political control over territory is replaced by control over property, resources and cash flows.

2) *Welfare colonialism*. International assistance to the poorest countries from both Western countries and NGOs is not only often ineffective from an economic point of view, but also in some cases creates a dependence of the state budgets of individual African countries on external aid. In essence, this is a variant of societies expecting “unemployment benefits” from the West on a national scale. At the same time, the focus of the elites is shifting from the goal of domestic development to the goal of obtaining rent from the distribution of international aid.

3) *“Green” colonialism*. In developing countries in Africa, hundreds of millions of people still lack access to electricity and basic amenities, and those who do have it experience frequent outages. The development of the industrial sector without cheap and accessible energy is unthinkable. At the same time, the abandonment of hydrocarbon energy, which the West is now insisting on as part of its climate agenda, will mean a slowdown in economic development and obstacle to fight against poverty in Africa. Western politics either do not understand that without cheap, that is, hydrocarbon sources of energy, any sustainable growth of most developing countries is impossible, or they understand this, but deliberately limit

the economic growth of other countries, fearing the loss of their own dominance.

А.Н. Зотин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Формы экономического неокOLONиализма в современной Африке

1) Скрытый колониализм. НеокOLONиализм как продолжение колониальных практик в новых формах. Например, политика апартеида в ЮАР в правовом смысле отменена с начала 1990-х. Все граждане ЮАР независимо от расы имеют равные политические права. Однако сложившиеся при политике апартеида формы экономического неравенства во многом сохраняются. Апартеид в пространственном смысле (раздельное проживание разных рас и этносов) и экономическом смысле (неравное распределение ресурсов стран) существует в ЮАР до сих пор. В других странах Африки акторами экономического неокOLONиализма могут выступать не европейские государства (как было ранее), а скорее, их прокси – крупные транснациональные или национальные компании (например, De Beers в ЮАР и Намибии, продажа урана из Нигера во Францию, добыча колтана в ДРК и т.п.). Политический контроль над территорией заменяется контролем над собственностью, ресурсными и денежными потоками.

2) *Welfare*-колониализм. Международная помощь беднейшим странам со стороны как западных стран, так и НКО, не только часто бывает неэффективной с экономической точки зрения, но и в некоторых случаях порождает иждивенческую зависимость госбюджетов отдельных африканских стран от внешней помощи. По сути, это вариант обществ, ожидающих «пособия по безработице» от Запада в государственном масштабе. При этом фокус элит смещается с цели внутреннего развития на цели получения ренты от распределения международной помощи.

3) «Зеленый» колониализм. В развивающихся странах Африки сотни миллионов людей до сих пор не имеют доступа к электроснабжению, а у тех, у кого оно имеется, часто испытывают перебои. Развитие промышленного сектора без дешевой и доступной энергии также

немыслимо. При этом отказ от углеводородной энергетики, на котором сейчас настаивает Запад в рамках своей климатической повестки, будет означать замедление экономического развития и борьбы с бедностью в Африке. На Западе либо не понимают того, что без дешёвых, то есть углеводородных источников энергии какой-либо устойчивый рост большинства развивающихся стран невозможен, либо понимают это, но намеренно ограничивают экономический подъем других стран, опасаясь утраты собственного доминирования.

Geoffrey Shahanga

Tanzania Institute of Accountancy, Dar es Salaam

**Africa in the World Economy:
Where is Jesus to Cure the Wealthy Blind Beggar?**

Africa has been serving as the source of Raw materials, market and area for investment for capitalist countries in Europe, Asia and America while the Africans are still suffering from poverty, hunger, diseases and civil wars even after the attainment of the Independence due to social, economic and political blindness. This abstract therefore, intends to evaluate the perceptions of the African youths on the way forward for African development. Specifically, the study will explore determinants of social, economic and political blindness in African countries, evaluate the influence of Africans social, economic and political blindness on capitalist dominations and determine the Jesus for curing Africans from social, economic and political blindness. Through mixed approach and descriptive design, data will be collected through semi-structured questionnaires and interview from political science students and lecturers in Tanzania Universities. The descriptive, inferential statistics and content analysis techniques will be used to analyze data then results presented in mean, frequency, percentage, thematic paraphrase, regression, correlations and verbatim quotes.

How Africa Can Contribute to the “Energy Transition”

The planet is faced with a global environmental challenge – an increase in average global temperature by more than 1.5, and therefore humanity must accelerate the transition to obtaining energy from renewable sources using metal-intensive technologies.

Due to rising demand and high prices, the market for key minerals for the energy transition has doubled over the past five years, reaching \$320 billion in 2022, according to the International Energy Agency's Critical Minerals Market Review 2023¹. The report identifies metals needed for the energy transition as cobalt, lithium, copper, nickel and rare earth elements².

In these conditions, the eyes of many world actors are directed to Africa, a “storehouse” of mineral resources, where 82% of platinum from world production, 71% of cobalt, 66% of manganese, 44% of chromium and palladium, 35% of zirconium, 23% of bauxite are mined, 22% graphite, etc.³

Africa's potential in the field of metals for the “energy transition” is not fully exploited, due to the low level of geological exploration and the need for significant investments. A legislative framework is also needed to achieve transparency and environmental safety of resource extraction projects. Africa has an opportunity to use its mineral resources to support industrialization and the global energy transition.

To unlock Africa's potential in this area, geological exploration, the application of a policy of expedient subsoil use, the creation of mining enterprises and local production (batteries, batteries, electric vehicles, etc.) are required, which will serve to create a value chain, new jobs, and achieve geopolitical goals – transition to “clean energy” and to improve the well-being of Africans.

¹ *Critical Minerals Market Review 2023*. International Energy Agency. P. 5. <https://iea.blob.core.windows.net/assets/afc35261-41b2-47d4-86d6-d5d77fc259be/CriticalMineralsMarketReview2023.pdf> (accessed 23.11.2023).

² *Ibid.* P. 4.

³ Andreoni A., Avenyo E. *Critical Minerals and Routes to Diversification in Africa: Linkages, Pulling Dynamics and Opportunities in Medium-High Tech Supply Chains* / Background paper commissioned by the UNCTAD secretariat for the 2023 edition of the

О.В. Константинова

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Как Африка может способствовать «энергетическому переходу»

Планета столкнулась с глобальным экологическим вызовом, – повышение средней мировой температуры более чем на 1,5°, в связи с чем человечество должно ускорить переход к получению энергии от возобновляемых источников, используя металлоемкие технологии.

Согласно отчету Международного энергетического агентства «Critical Minerals Market Review 2023», из-за растущего спроса и высоких цен, за последние пять лет удвоился объем рынка ключевых минералов для энергетического перехода и достиг в 2022 г. \$320 млрд¹. В отчете, среди металлов, необходимых для переходной энергетики отмечаются: кобальт, литий, медь, никель и редкоземельные элементы².

В этих условиях, взгляды многих мировых акторов устремлены на Африку, – «кладовую» полезных ископаемых, где добывается 82% платины от мирового производства, 71% кобальта, 66% марганца, по 44% хрома и палладия, 35% циркония, 23% бокситов, 22% графита и пр.³

Потенциал Африки в области металлов для «энергетического перехода» не используется в полной мере, что связано с низким уровнем геологоразведки, необходимостью значительных инвестиций. Так же нужна законодательная основа для достижения «прозрачности» и экологической безопасности ресурсодобывающих проектов. У Африки появляется возможность использовать свои минеральные ресурсы для поддержки индустриализации и «энергетического перехода» на глобальном уровне.

Для раскрытия потенциала Африки в рассматриваемой сфере требуется проведение геологоразведки, применения политики целесообразного недропользования, создания горнодобывающих предприя-

тий и местных производств (аккумуляторы, батареи, электромобили и пр.), что послужит для создания цепочки добавленной стоимости, новых рабочих мест, для достижения геополитических целей – перехода на «чистую энергию» и для улучшения благосостояния африканцев.

¹ *Critical Minerals Market Review 2023*. International Energy Agency. P. 5. <https://iea.blob.core.windows.net/assets/afc35261-41b2-47d4-86d6-d5d77fc259be/CriticalMineralsMarketReview2023.pdf> (дата обращения 23.11.2023).

² Ibid. P. 4.

³ Andreoni A., Avenyo E. *Critical Minerals and Routes to Diversification in Africa: Linkages, Pulling Dynamics and Opportunities in Medium-High Tech Supply Chains* / Background paper commissioned by the UNCTAD secretariat for the 2023 edition of the Economic Development in Africa Report. August 2023. P. 25. https://unctad.org/system/files/non-official-document/edar2023_BP1_en.pdf (дата обращения 06.10.2023).

Liudmila N. Kalinichenko
Institute for African Studies, Moscow, Russia

Africa in the Global Natural Gas Market: Potential and Problems of Industry Development

The African continent occupies an important position in the global natural gas market, as it has significant resource potential for this type of energy, which is confirmed by the discovery in the 2000s new gas fields on the continental shelf off the coast of Mozambique and Tanzania, bringing Africa's share of global gas reserves to approximately 9%. In the last decade, the volume of commercial production has increased from 215 billion cubic meters (2012) to 249 billion cubic meters (2022), which is 6.2% of global indicators. The most significant participants in Africa's gas market are Algeria, Egypt, Nigeria, Libya, and Mozambique.

Multinational corporations show great interest in developing African gas resources and creating export infrastructure. African states try to leverage international partnerships to suit their interests through regulatory, financial and other instruments. The growth of the population and Africa's inland market require the expansion of natural gas usage to meet national energy needs. The development strategies of African states aim for the use of gas feedstock in the petrochemical industry, in particular for the production of fertilizers, as well as the creation of infrastructure to supply energy facilities with fuel, given that in the last decade the volume of electricity generated from natural gas has increased.

Expanding the construction of pipelines for intraregional gas trade is important. Such systems operate in West and South Africa. Particular attention within the framework of the environmental agenda is paid to reducing the share of gas burned in flares, creating capacities for liquefied natural gas production and terminals for export-import operations. As part of the energy decarbonization process, cooperation between Russia and African countries in the field of advanced technologies for producing clean hydrogen obtained from natural gas seems promising.

Л.Н. Калинин

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Африка на мировом рынке природного газа: потенциал и проблемы развития отрасли

Африканский континент занимает важные позиции на мировом рынке природного газа (ПГ), поскольку обладает значительным ресурсным потенциалом этого вида энергии, что подтверждается открытием в 2000-е гг. значительных запасов ПГ на материковом шельфе у побережья Мозамбика и Танзании, в результате чего доля Африки в мировых запасах ПГ достигла примерно 9%. В последнее десятилетие объем товарной добычи возрос с 215 млрд куб. м в 2012 г. до 249 млрд куб. м в 2022 г., что составляет 6,2% от мировых показателей. Самыми значимыми участниками рынка ПГ Африканского континента являются Алжир, Египет, Нигерия, Ливия, Мозамбик. На первые три страны приходится более 80% добычи газа.

Мультинациональные корпорации проявляют большую заинтересованность в освоении африканских газовых ресурсов и создании экспортной инфраструктуры. Африканские государства стремятся использовать международное партнерство с учетом своих интересов с помощью регуляторных, финансовых и других рычагов.

Рост населения и внутриконтинентального рынка стран Африки требует на данном этапе развития экономики расширения применения ПГ для удовлетворения национальных энергетических потребностей, а не только увеличения экспортных доходов от его продажи. В стратегиях развития африканских государств предусматривается использование газового сырья в нефтехимической промышленности, в частности для производства удобрений, а также создание инфраструктуры для обеспечения топливом энергетических объектов, учитывая, что в последнее десятилетие увеличился объем электроэнергии, который вырабатывается с использованием природного газа.

Важное значение имеет расширение строительства газопроводов для внутрирегиональной торговли газом. Такие системы действуют в странах Западной и Южной Африки. Особое внимание в рамках экологической повестки уделяется снижению доли ПГ, сжигаемого в факелах, созданию мощностей по производству сжиженного природ-

ного газа и терминалов для экспортно-импортных операций. В рамках процесса декарбонизации энергетики представляется перспективным сотрудничество России и стран Африки в области передовых технологий по производству и использованию чистого водорода, получаемого из природного газа.

**Air Transport as a Factor of Political and Economic Development
and Form of International Trade in African Countries**

1. *Relevance:* The growing importance of the African continent, increasing its importance as a transit hub, a link in strengthening political and economic ties between the countries of the continent. In the trade of services and goods between the economically rapidly developing countries of the Middle East, India and Latin American countries and other regions of the world.

2. *The main part:*

a) The current status and location of the African air transport complex.

Transport plays an important, if not exclusive, role for the functioning of the African economy.

- At the initial stage, it was formed to serve the economic interest of the colonizers.

- Seizure of territories. Access to the deposits of various resources and their export to the sea ports of loading and dispatch in the metropolis

- At the second stage/ the formation of transport and logistic hubs to serve the national interests of young states.

- And at the moment, the transport infrastructure is being formed on the basis of the economic integration of African countries into the world economy. There is tendency to merge several state-owned airlines of several countries into one to form a stable market for aviation services. (“ECOAIR” for ECOWAS, “AFRICAN ALLIANCE”)

b) Factors and directions of development of the regional aviation market in the context of internationalization of the world economic relations of the African continent.

- Awareness of the importance of transport development as a key link in ensuring economic growth and the realization of agro-industrial, tourist and recreational potentials forced African government to pay great attention to this issue.

- Investments in transport are in second place directly after ag-

ricultural and reach a third of the total volume of planned investments. In Tanzania, for example, the share of investments in transport and communications reached 40% during 70s.

- The directions of development are aimed at developing the air transportation

- Organizing air travel to China for tourist purposes from Ethiopia, Kenya, Zimbabwe, South Africa.

- c) Problems of optimal functioning of the air transport complex in the field of international trade in services.

- Among the problems, flight safety is particularly serious.

- High operating costs.

- Restrictions for flights of African air companies to the EU reduce profitability.

- The profitability of air cargo transportation remains insufficient compared to ground transportation.

- Political and economic barriers.

3. *Conclusion:* taking into account all the problems and difficulties in the air transport system on the African continent, we can conclude about the progressive and active development of this segment the African economy, about the achievement of certain successes and prospects for development in the regional and global segments

М.Ю. Точигин

Институт Африки Российской академии наук, Москва

**Авиатранспортные перевозки как фактор
политического и экономического развития и форма
международной торговли услугами в африканских странах**

1. *Актуальность:* Рост значимости африканского континента, увеличение его значения как транзитного хаба, связующее звено в укреплении политических и экономических связей между странами континента в торговле услугами и товарами между экономически быстроразвивающимися странами Ближнего Востока, Индии и Латиноамериканскими странами и другими регионами мира.

2. *Основная часть:*

А) Состояние и место африканского авиатранспортного комплекса в настоящий момент.

Транспорт играет важную, если не исключительную, роль для функционирования экономики Африки.

- На первоначальном этапе формировался для обслуживания экономических интересов колонизаторов. Захват территорий. Выход к месторождениям различных ресурсов и вывоз их к портам загрузки и отправки в метрополию.

- На втором этапе формирование транспортно-логистических узлов для обслуживания национальных интересов молодых государств.

- И в настоящий момент формируется транспортная инфраструктура на основе экономической интеграции африканских стран в мировое хозяйство.

Имеется тенденция на объединение нескольких государственных авиакомпаний нескольких стран в одну для формирования стабильного рынка авиауслуг. (ЭКОЭЙР для ЭКОВАС, АФРИК АЛЬЯНС.)

В) Факторы и направления развития регионального авиарынка в условиях интернационализации мирохозяйственных связей африканского континента

- Осознание важности развития транспорта как ключевого звена в обеспечении экономического роста и реализации агропромышленного, туристического и рекреационного потенциалов заставило правительства африканских стран уделять этому вопросу большое внимание.

- Капиталовложения в транспорт стоят на втором месте непосредственно после сельского хозяйства и достигают трети в общем объёме предусматриваемых инвестиций. В Танзании, например доля вложений в транспорт и связь доходила до 40% на протяжении 70-х.

- Направления развития направлено на развитие рынка авиаперевозок как внутри африканского континента, так и за его пределы с целью привлечь туристов из других стран в создаваемые рекреационные зоны, увеличение грузовых транспортных перевозок

- Организация авиаперелетов в Китай с туристическими целями из Эфиопии, Кении, Зимбабве, ЮАР.

С) Проблемы оптимального функционирования авиатранс-

портного комплекса в сфере международной торговли услугами.

- Среди проблем особенно серьезной является обеспечение безопасности полетов.

- Высокие эксплуатационные расходы.

- Ограничения для полетов африканских компаний в ЕС снижают рентабельность.

- Рентабельность грузовых авиаперевозок остается недостаточной по сравнению с наземными перевозками.

- Политические и экономические барьеры.

Вывод: Учитывая все проблемы и трудности в системе авиатранспортного сообщения на африканском континенте можно сделать вывод о поступательном и активном развитии этого сегмента экономики Африки, о достижении определенных успехов и перспективах развития в региональном и глобальном сегментах.

Andrey A. Tokarev

Institute for African Studies; Military University, Moscow, Russia

The Space Ambitions of Africa

The successes of spacefaring nations in the exploration of near-the-Earth and deep space were arousing and are still generating extensive interest in the countries of Africa. However, if by the end of the 20th century it was reflected mainly in stamp collecting and numismatics, then since the end of the 20th century till to the beginning of the 21th century a number of African states, in cooperation with some space powers and agencies, proceeded with the development and implementation of space projects. Among these countries are Algeria, Egypt, Kenya, Nigeria, South Africa and Angola.

The interest in advanced technologies including space cannot be regarded as a pure manifestation of healthy ambitions amidst African countries. It is also caused by quite pragmatic reasons among which are both the development of education and promotion of science, the emergence of skilled engineers and knowledgeable scholars, which provide a direct benefit to the economy of those countries involved in space-based research, evolves its modern lines of research, enhances the growth of the authority of the states and their governments.

At the same time, the results of the space research and observations are already being used by their neighbors and partners on the continent, strengthening bilateral and multilateral ties and contributing to a more stable development of Africa.

А.А. Токарев

Институт Африки Российской академии наук;
Военный университет, Москва

Космические амбиции Африки

Успехи космических держав в освоении ближнего и дальнего космоса вызывали – и продолжают вызывать – большой интерес в странах Африки. Но если до конца XX в. он находил отражение, в ос-

новном, в филателии и нумизматике, то с конца XX в. – начала XXI в. ряд африканских государств – при сотрудничестве с некоторыми космическими державами и агентствами – приступили к разработке и реализации космических проектов. В числе таких стран – Алжир, Египет, Кения, Нигерия, ЮАР, Ангола.

Интерес к высоким технологиям, в том числе космосу, – не только проявление здоровых амбиций среди африканских стран; он вызван и вполне прагматичными причинами: развитие образования и науки, появление квалифицированных инженеров и ученых приносит прямую пользу экономике стран, участвующих в космических исследованиях, развивает ее современные направления, способствует росту авторитета государств и их правительств.

Вместе с тем, результатами проводимых в космосе исследований и наблюдений уже пользуются и их соседи и партнеры на континенте, укрепляя двусторонние и многосторонние связи и способствуя более стабильному развитию Африки.

PANEL V.
AFRICA AND RUSSIA: THEN AND NOW

Vladimir V. Vishnevsky

International Research Institute for Advanced Systems, Moscow, Russia

From Past to Present – Russia and Africa in Formation of a New Multipolar World Order

1. Africa's development strategy through the past to the present.
2. The African continent as a center that attracts attention and opens up work opportunities for the future.
3. Africa is the continent of the future, which has already arrived. Then, only through joint efforts is it possible to realize the effective development of the continent as a whole and each country in particular.
4. Strong Africa – strong Russia, towards sustainable development together.
5. Education as the basis for the transmission and preservation of cultural values of African countries and the main driving force for the progress of the continent.
6. Africa today is one of the world's leading importers of education services. Currently, the largest number of students studying abroad are in Nigeria (71 thousand), Morocco (63 thousand), Egypt (46 thousand), Algeria (31 thousand), Cameroon (27 thousand), Zimbabwe (19 thousand), Ghana (18 thousand). The importance of secondary vocational education. Prospects for the development of this area on the continent.
7. Export of Russian education to African countries as a tool of "soft power" in the foreign policy of the USSR and Russia.
8. Positive effect for Russia from investments in the development of the continent's human capital in the long term.
9. The International Research Institute for Advanced Systems recognizes the importance and social significance of Russian-African cooperation in the fields of education, science and culture. It focuses its efforts on promoting this through holding conferences, establishing educational offices, cultural representative offices, as well as implementing scientific and practical projects in African countries.

В.В. Вишневский

Международный научно-исследовательский институт
проблем управления, Москва, Россия

От прошлого к настоящему – Россия и Африка в формировании нового многополярного миропорядка

1. Стратегия африканского развития через прошлое к настоящему.

2. Африканский континент как центр, притягивающий внимание и открывающий возможности работы на перспективу.

3. Африка – это континент будущего, которое уже наступило. И только совместными усилиями возможно реализовать эффективное развитие континента в целом и каждой страны в частности.

4. Сильная Африка – сильная Россия, к устойчивому развитию вместе.

5. Образование как основа для передачи и сохранения культурных ценностей африканских стран и главная движущая сила прогресса континента.

6. Африка сегодня – это один из ведущих в мире импортеров услуг в сфере образования. В настоящее время наибольшее количество студентов, обучающихся за границей, приходится на Нигерию (71 тыс.), Марокко (63 тыс.), Египет (46 тыс.), Алжир (31 тыс.), Камерун (27 тыс.), Зимбабве (19 тыс.), Гана (18 тыс.). Важность среднего профессионального образования. Перспективы развития данного направления на континенте.

7. Экспорт российского образования в страны Африки как инструмент «мягкой силы» во внешней политике СССР и России.

8. Положительный эффект для России от инвестиций в развитие человеческого капитала континента в долгосрочной перспективе.

9. Международный научно-исследовательский институт проблем управления осознает важность и общественную значимость российско-африканского сотрудничества в сферах образования, науки и культуры. Сосредотачивает свои усилия на содействии этому путем проведения конференций, учреждения офисов образования, культурных представительств, а также реализации научно-практических проектов в странах Африки.

Victor V. Bocharov
St. Petersburg State University, Russia

**Africa and Russia as Subjects of “Cultural” Development
(From Personal Observations)**

My book “Power. Traditions. Control. An attempt at an ethnohistorical analysis of the political cultures of modern states of Tropical Africa” (Moscow: Nauka) was published in 1992. At that time, the states of the Black Continent belonged to the “third world”, while the West and the socialist camp belonged to the first two. The book noted the great role of traditions inherited by post-colonial Africa, which were interpreted as a revival of the “archaic.” It was believed that the lag of the “third world” could be overcome either on the path of capitalist or socialist development. Therefore, the “third world” was divided into states of “capitalist” or “socialist” orientation. Although even then it was obvious that they had more in common with each other than different. I sincerely believed that the future of Africa lay in socialism based on the USSR model. The country was considered developed from an economic (volume of metal smelting), technological (space, peaceful atom) and cultural points of view (ballet, music). During the process of “perestroika” and, especially, after the collapse of the USSR, which coincided with the publication of the book, I observed with great surprise how the world of socialism, in the form of its flagship, began to rapidly acquire African features, including the revival of the “archaic”. My US report at the African Studies Association (ASA) Congress in 1991 was called “The African Syndrome in Soviet Perestroika.” Today we can state that the socio-cultural identity between Africa and Russia (including the CIS) has become even brighter. In the field of politics – “imitation democracies”, “color revolutionism”, in the field of economics - a large share of the informal economy, the leading role of the state, “friendly capitalism”, in the legal field – “unwritten laws” that operate in reality contrary to official political and legal ones documents. It seems that this is due to a special type of evolution of the East, which draws energy for development from the outside, borrowing the cultural forms (economic, political, legal institutions) of the West. They were formed on the ruins of a traditional society, in which, as a result of its transformation on internal grounds, new types of social relations arose: economic, market-based, political – separa-

tion of powers, legal – human rights. The cultural forms they generated acted as a resource for the development of the East, defined as “cultural development.” The development of the West was carried out due to the energy (in the form of competition) released during the collapse of traditional society – this is “societal development”.

В.В. Бочаров

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Африка и Россия как субъекты «культурального» развития (из опыта личных наблюдений)

В 1992 году вышла моя книга «Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки» (М.: Наука). В то время государства Черного континента относились к «третьему миру», Запад же и *социалистический лагерь* – к первым двум. В книге отмечалась большая роль традиций, наследованные постколониальной Африкой, которые трактовались как возрождение «архаики». Считалось, что отставание «третьего мира» преодолевается либо на рельсах капиталистического, либо социалистического развития. Поэтому «третий мир» делился на государства «капиталистической» или «социалистической» ориентации. Хотя уже тогда было очевидно, что они имели между собой больше общего, нежели отличного. Я искренне считал, что будущее Африки за социализмом по модели СССР. Страна считалась развитой с экономической (объемы выплавки металлов), технологической (космос, мирный атом) и культурной точек зрения (балет, музыка).

В процессе «перестройки» и, особенно, после развала СССР, которые совпали с выходом в свет книги, я с большим удивлением наблюдал, как мир социализма в виде своего флагмана стал стремительно обретать африканские черты, включая возрождение «архаики». Мой доклад в США на конгрессе Ассоциации африканских исследований (ASA) в 1991 так и назывался «Африканский синдром в советской перестройке».

Сегодня можно констатировать, что социокультурное тожде-

ство между Африкой и Россией (включая СНГ) стало еще ярче. В области политики – «имитационные демократии», «цветной» революционизм, в области экономики – большой удельный вес неформальной экономики, ведущая роль государства, «приятельский капитализм», в юридической сфере – «неписанные законы», действующие в реальности вопреки официальным политико-правовым документам.

Представляется, что это обусловлено особым типом эволюции Востока, который черпает энергию для развития извне, заимствуя культурные формы (экономические, политические, юридические институты) Запада. Они сформировались на развалинах традиционного общества, в котором, вследствие его трансформации по внутренним основаниям, возникли новые виды общественных отношений: экономических, основанных на рынке, политических – разделении властей, юридических – правах человека. Порожденные ими культурные формы и выступали в качестве ресурса развития Востока, определяемого как «культуральное развитие». Развитие же Запада осуществлялось за счет энергии (в виде конкуренции), выделившейся при распаде традиционного общества – это «социетальное» развитие.

Olga A. Kasatonova

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

The Role of Russia in Ensuring Sustainable Food Security for African Countries

Introduction

Food security is an element of national security for a state. It refers to a situation in which all individuals have physical and economic access to a sufficient quantity of safe food at all times, necessary for a productive and healthy life.

Analysis of the current situation in Africa

In Africa, there is a clear expression of latitudinal zonation of the soil cover, which is determined by the flatness of the relief and the sequential change of climatic and vegetation zones on both sides of the equator. However, only about 2/5 of land suitable for cultivation is used on the African continent, where a primitive slash-and-burn farming system is prevalent. But their area can be expanded by following proper agricultural techniques.

Benefits of Russia's participation in ensuring food security in African countries for Russia

Economic Opportunities: Collaboration with African countries allows Russia to strengthen its positions in important resource markets such as gas, diamonds, and platinum group metals. Uranium reserves in Africa hold strategic value for Rosatom, enhancing Russia's position as an energy superpower.

Political Agenda: Russia's presence in Africa goes beyond purely economic objectives. In a political context, the main goal is to promote an anti-colonialist agenda. Russia supports the African idea of multilateral cooperation and diversification of partners. It condemns neo-colonialism and reminds Western countries of their exploitation of African resources, emphasizing its own lack of such actions. Otherwise, Russia's inaction could lead to a loss of sovereign influence on the continent.

Image Enhancement: Some may argue that Russia's actions are merely declarative and aim at improving its international image. However, according to Sergey Lavrov, in many African countries, there is an understanding that Russia comes «not just to exploit natural resources, export

them, and process them at home, but to actually create the foundations of the economy» and contribute to the increase in the African countries' GDP.

Projects implemented by Russia in Africa

1. One of the largest humanitarian projects of Rosatom in Africa is the construction of aquaponic greenhouses at Bokgoni Middle School in Pretoria, South Africa.

2. The leading agricultural machinery manufacturer in Russia, Rostselmash, plans to supply about 400 combine harvesters and tractors to African countries in the next five years. The company already exports machinery to 8 African countries and also provides training on its maintenance.

3. The United Grain Company shipped 100,000 tons of grain to African countries in the current agricultural season starting from July 1, 2023.

4. Since November 2022, the Uralchem-Uralkali Group has been actively working with the UN to organize free shipments of over 262,000 tons of mineral fertilizers to Africa, which were «frozen» in EU countries.

5. PhosAgro Group, one of the largest producers of phosphorus-containing fertilizers in the world, plans to double its fertilizer supplies to African countries within the next 3 years.

Recommendations for the development of international economic relations between Russia and Africa in the context of food security

1. Maintain mutually beneficial relations with African countries, while continuing to bypass unprecedented unlawful Western sanctions.

2. Launch fully integrated multimodal logistics services with a consistent maritime component, taking into account the complex logistics in the African direction.

3. Provide assistance in the development of port and railway infrastructure, taking into account the problems with the delivery of fertilizers within the continent and the export of products, processing, and packaging of produce.

4. Invest in the field of education and transfer technology and expertise. This will allow African nations to produce the final product on their own territory and sell it at higher prices.

5. Increase imports from African countries to reduce the trade

imbalance that prevents African states from transitioning to national currencies.

О.А. Касатонova

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Роль России в обеспечении устойчивой продовольственной безопасности стран Африки

Введение

Продовольственная безопасность – элемент национальной безопасности государства. Ситуация, при которой все люди в каждый момент времени имеют физический и экономический доступ к достаточной в количественном отношении безопасной пище, необходимой для ведения активной и здоровой жизни.

Анализ текущей ситуации

В Африке отчётливо выражена широтная зональность почвенного покрова, обусловленная равнинностью рельефа и последовательной сменой климатических и растительных поясов в обе стороны от экватора. При этом на африканском континенте используется всего около 2/5 пригодных для пахоты земель, на которых распространена примитивная подсечно-огневая система земледелия. Но их площадь может быть расширена при соблюдении правильной агротехники.

Преимущества участия в процессе обеспечения продовольственной безопасности африканских стран для России

Сотрудничество России с африканскими странами нацелено также на усиление российских позиций на крайне важных ресурсных рынках – газа, алмазов и металлов платиновой группы. Запасы урана в Африке имеют крайне важное стратегическое значение для «Росатома» и укрепления положения России в качестве энергетической сверхдержавы.

Для сбалансированного развития страны присутствие России в Африке не ограничивается исключительно экономическими задачами, основной целью в политическом контексте является повестка антиколониализма. Африканская идея о многостороннем сотрудничестве и

диверсификации партнёров во многом поддерживается Российской Федерацией. Россия осуждает неокOLONиализм и настойчиво напоминает западным странам об эксплуатации африканских ресурсов ими, подчёркивая отсутствие подобных действий со своей стороны. В противном случае бездействие российской стороны может привести к потере суверенного влияния на континенте.

Считается, что действия России имеют лишь декларативный характер и предпринимаются лишь с точки зрения повышения её имиджа. Однако, по словам С.В. Лаврова, во многих странах Африки есть понимание, что Россия приходит «не просто с тем, чтобы осваивать природные ресурсы, их вывозить и перерабатывать у себя, а с тем, чтобы реально создавать основы экономики» и способствовать повышению ВВП африканских стран.

Реализованные проекты России на Африканском континенте

1. Один из крупнейших гуманитарных проектов Росатома в Африке – строительство аквапонических теплиц в средней школе Бокгопи в Претории (ЮАР).

2. Ведущий в РФ производитель сельхозтехники "Ростсельмаш" планирует в ближайшие пять лет поставить в страны Африки около 400 комбайнов и тракторов. Уже сейчас компания экспортирует технику в 8 африканских стран. "Ростсельмаш" не только предоставляет африканским партнерам технику, но и учит ее обслуживать.

3. Объединенная зерновая компания в начавшемся сельхоз сезоне (с 1 июля 2023 г.) отгрузила в страны Африки 100 тыс. тонн зерна.

4. С ноября 2022 группа компаний "Уралхим-Уралкалий" ведёт активную работу с ООН для организации безвозмездных поставок в Африку более 262 тыс. тонн минеральных удобрений, которые были "заморожены" в странах ЕС.

5. Группа «ФосАгро», один из крупнейших в мире производителей фосфорсодержащих удобрений, планирует в перспективе 3 лет удвоить поставки удобрений в страны Африки.

Рекомендации по развитию международных экономических отношений между Россией и Африкой в контексте продовольственной безопасности

1. Поддерживать взаимовыгодные отношения с африканскими странами, продолжая обход беспрецедентных неправомерных запад-

ных санкций.

2. Запустить полноценные мультимодальные логистические сервисы с постоянной морской составляющей, учитывая сложную логистику на африканском направлении.

3. Оказывать помощь в налаживании портовой и железнодорожной инфраструктуры, учитывая проблемы с доставкой удобрений внутрь континента и вывоза оттуда продукции, переработкой и фасовкой продукции.

4. Инвестировать в сферу образования и осуществлять трансфер технологий и компетенций. Это позволит африканским государствам производить на своей территории конечный продукт и продавать его по более высоким ценам.

5. Увеличить импорт из стран Африки для сокращения дисбаланса в торговле, который не позволяет перейти африканскими государствам на оборот в национальных валютах.

Galina A. Khmeleva
Marina V. Kurnikova

Samara State University of Economics, Russia

**The Changing Role of African Countries
in the Foreign Trade of Russian Regions***

In the current context of a radical change in the international political and economic landscape, the African continent is becoming a promising direction for the reorientation of Russia's foreign trade. The paper justifies the role of Russian regions in the strategic development and a deepening cooperation of trade relations between Russia and African countries. The scientific substantiation of the prospects for the development of exports and imports of Russian regions to African countries requires the development of tools to assess the interconnectedness of trade flows between African countries and Russian regions on the basis of the calculation of indicators to assess the involvement of regional economies in trade relations with potential foreign partners. The authors propose an approach to the assessment of such involvement on the basis of indicators of regionalization of exports and imports, and its approbation based on data of dynamics, commodity and geographical structure by regions of Russia. The list of key operators of Russian-African cooperation at the regional level has been completed, promising directions for the development of Russian-African trade and economic cooperation have been proposed by the authors.

* The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, theme № 123101700401- 0 (FSSR-2023-0003) "The development of instruments for linking promising economic activities of the Russian regions with the Asian, African and Latin American countries for ensuring sustainable development of exports and imports".

Г.А. Хмелева
М.В. Курникова

Самарский государственный экономический университет, Россия

Изменение роли африканских стран во внешней торговле российских регионов*

В современных условиях кардинального изменения международного политического и экономического ландшафта африканский континент становится перспективным направлением переориентации внешней торговли России. В докладе обосновывается, что стратегическим приоритетом развития торговых связей со странами Африки должно выступать углубление сотрудничества между странами на региональном уровне. Для научного обоснования перспектив развития экспорта и импорта регионов России в страны Африки требуется разработка инструментария оценки сопряженности торговых потоков африканских стран и российских регионов на основе расчета показателей оценки вовлеченности региональных экономик в торговые связи с потенциальными зарубежными партнерами. Автором предложен подход к оценке такой вовлеченности на основе показателей регионализации экспорта и импорта, выполнена апробация на основе данных динамики, товарной и географической структуры по регионам России. Дополнен перечень ключевых операторов российско-африканского взаимодействия на региональном уровне, предложены перспективные направления развития российско-африканского торгово-экономического сотрудничества.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме № 123101700401-0 (шифр FSSR-2023-0003) «Разработка инструментов сопряжения перспективных видов экономической деятельности российских регионов для обеспечения устойчивого развития экспорта и импорта со странами Азии, Африки, Латинской Америки».

Archan Sarkar
Calcutta University, India

Place of Africa in Fictions and Poems of Russian and Bengali Literature

Whenever we come across expressions like the Sahara desert, the Nile River, the River Congo or Egyptian civilisation and so on, we understand that the topic is about Africa, especially in historical and geographical contexts. But while studying African context in literature, it is revealed that the place of Africa in literature goes beyond the deserts, rivers and the endless forests. We often miss Africa amidst problems like the plot, culmination, composition etc. which are important from literary point of view. The present research studies the place of Africa in literature and for this purpose Russian literature as well as Indian, Bengali in particular have been taken into consideration. The given work has studied the works of Russian and Bengali poets and authors. It has exposed that mainly the geographical and historical realities of this eastern continent have shaped the place of Africa in literature.

As it has been shown in this work, it needs to highlight that the geographical and historical details of Africa in literature are not mere some descriptions, they are often decorative patterns so as to reach artistic goals. That is why on some occasions Africa is a source of imaginative conceptions, sometimes it happens to be a medium for exposing the character of a hero created by a realist author, sometimes it stands as a synonym for the protest against injustice to humanity. In some instances Africa is a symbol. Thus, Africa do appear in various literary trends. As an example we may refer to Romanticism where high admiration for the beauties of nature is very common. However, for Africa natural beauty is more than imagination and more than admiration. It is very much a reality. Therefore romanticists - poets as well as authors in search of romantic thoughts have many a times turned to Africa.

The present work also brings to light how in literature historical topics about Africa become an important and powerful reflection of crisis of civilisation. It explains how the world poet Tagore in his ode to Africa has upheld the triumph of progress of civilisation over the history of humiliation on humanity.

А. Саркар
Университет Калькутты, Индия

Место Африки в художественных произведениях русской и бенгальской литературы

Всякий раз, когда мы сталкиваемся с такими выражениями как пустыня Сахара, река Нил, река Конго или египетская цивилизация и т.д., мы понимаем, что речь идёт об Африке, особенно в историческом и географическом контекстах. Однако, при изучении африканского контекста в художественной литературе, раскрывается, что место Африки при этом простирается за пределы пустынь, рек и бескрайних лесов. Мы нередко теряем Африку среди важных с литературной точки зрения проблем, таких как сюжетная линия, кульминация, композиция и т.д. В настоящем исследовании изучается место Африки в художественной литературе и для этой цели выбраны русская литература и также индийская, в частности бенгальская литература. Данная работа исследует творчество русских и бенгальских поэтов и писателей, обнаруживает, что место Африки в литературе определили главным образом географические и исторические реалии этого восточного континента. Как в этой работе выявляется, следует подчеркнуть, что географические и исторические подробности Африки в литературе есть не просто описания, они часто являются изобразительными средствами для достижения художественных целей. Вот почему Африка иногда является элементом романтики, иногда способом раскрыть характер героя, созданного автором-реалистом, то чем-то синонимичным протесту против несправедливости по отношению к человечеству. В отдельных случаях, Африка – это символ. Таким образом, Африка имеет место в разных течениях художественной литературы. В качестве примера можно сослаться на романтизм, при котором распространено возвышенно ценить красоту природы. А для Африки же природная красота более чем романтика, более чем восхищение. Она есть действительность. Итак, в поисках элементов романтики поэты и писатели-романтики, так же, как и реалисты, неоднократно обращались к Африке. В настоящей работе обнаруживается также как историческая тематика Африки становится важным и мощным отражением кризиса цивилизации. Она объясняет, как мировой поэт Тагор в

своей оде Африке, обращаясь к Африке, воспевает триумф прогресса человечества над историей унижения гуманности.

Yaroslav A. Askov

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

Development of Relations between Russia and South Africa in 1994–2008

Relations between the Russian Federation and the Republic of South Africa were developing nonlinearly. Russian Empire's support of the Boer republics ended when they joined the British Empire. Allied relations during World War II were transformed into USSR-South African confrontation after the Cold War beginning. For more than 30 years the Soviet Union was supporting the ANC and the SACP in their struggle against the apartheid regime, which contributed to the two countries' benevolent relations. Nevertheless, the changes in the USSR during perestroika froze ties with the ANC for a while, which affected the bilateral relations in the 1990s. Meanwhile, the USSR's new political thinking and the establishment of diplomatic relations with the National Party government in 1992 contributed to peaceful political changes in South Africa.

The change in Russia's foreign policy under Andrey V. Kozyrev further alienated our states from each other. Only under Evgeny M. Primakov our relations started progressing. In fact, in the 1990s, the further development of partnership between the countries was frozen.

The 1999 Declaration of Friendship and Cooperation paved the way for the conclusion of the Treaty of Friendship and Cooperation between Russia and South Africa. It was also made possible due to "Russia's return to Africa" under Vladimir Putin. In 2000-2008, it was socio-economic interaction that determined the further development of bilateral relations. The main points of contact are distinguished in three areas: nuclear energy, mining and space research. We can also emphasize scientific and educational cooperation and military cooperation. The development of these tracks will lead to further conclusion of the Joint Declaration on the Establishment of a Comprehensive strategic partnership in 2013. Cooperation in these areas has significant prospects for the development of relations between our countries today and in the future amid global changes in the international conjuncture.

Я.А. Аськов

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Развитие взаимоотношений между Россией и ЮАР в период 1994–2008 гг.

Отношения между Российской Федерацией и Южно-Африканской Республикой развивались нелинейно. Поддержка бурских республик Российской империей закончилась «охлаждением» после их вхождения в Британскую империю. Союзнические отношения в годы Второй мировой войны трансформировались в противостояние СССР и ЮАР после начала Холодной войны. Более 30 лет Советский союз поддерживал АНК и ЮАКП в их борьбе с режимом апартеида, что заложило прочную основу для доброжелательных отношений двух стран сегодня. Тем не менее перемены в СССР в период перестройки и смена советских внешнеполитических приоритетов на время «заморозили» связи с АНК, что отразилось на динамике двусторонних отношений в 1990-х гг., что можно назвать дипломатическим просчётом. В то же время новое политическое мышление СССР, заключение дипломатических отношений в 1992 г. с правительством Национальной партии способствовали мирным внутривосточным переменам в ЮАР.

Изменение внешнеполитических приоритетов России при руководстве МИДа А. В. Козыревым ещё дальше отталкивало российское и южноафриканское государства друг от друга. Только с приходом Е. М. Примакова начались подвижки в сторону развития наших взаимоотношений. Фактически в 1990-е гг. было заморожено дальнейшее развитие партнёрства наших стран.

Декларация о дружбе и сотрудничестве 1999 г. проложила дорогу к заключению Договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и ЮАР. Также он стал возможен благодаря окончательному повороту, который был сделан при В. В. Путине, в сторону «возвращения России в Африку». Российско-южноафриканские отношения развивались не только в политическом контексте. В 2000-2008 гг., несмотря на более многочисленные политические встречи, именно социально-экономическое взаимодействие детерминировало дальнейший

трек развития двусторонних отношений. При этом основными точками соприкосновения отчётливо выделяются на данном этапе три сферы: атомной энергетики, горнодобывающей промышленности и космических исследований. Также можно выделить научно-образовательную кооперацию и военную. Развитие перечисленных треков обусловит дальнейшее заключение в 2013 г. Совместной декларации об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства. Сотрудничество в перечисленных направлениях имеет существенные перспективы для развития взаимоотношения наших стран и сегодня, и в будущем на фоне глобальных перемен в международной конъюнктуре.

Andrey I. Berezhnov

Institute for African Studies, Moscow, Russia

Russian Travelers in Egypt: Past and Present

The way a particular country is perceived by the masses is influenced by numerous factors, one of which is direct interaction, specifically travel and tourist excursions. Studying tourist connections between Russia and Egypt will help to understand why Egypt is a popular tourist destination and what role travel plays in shaping the image of Egypt in Russia. The research employs notes from Russian travelers who visited Egypt from the 17th to the 20th centuries, the results of published public opinion polls and statistical data.

Prior to the 19th century, the primary objective of visiting Egypt was religious pilgrimage. With the adoption of Christianity in Russia, knowledge about Christian shrines in Egypt spread, which attracted the first Russian tourists. In their notes, travelers often neglected the pyramids and other monuments of Ancient Egypt, but paid great attention to religious aspects.

In the 19th century due to the reforms of Muhammad Ali and the arrival of Europeans, Egypt became famous in the world. Passion for all Egyptian things emerged everywhere, including Russia. Huge private collections of Egyptian artifacts were being collected, and major scientific works were being published during this period. It was in the 19th century, when Egyptology was established in Russia, and many adventurers went to Egypt.

In Soviet times, we cannot talk about traveling abroad as a mass phenomenon. The opening of Egypt to Soviet tourists occurred only during the years of rapprochement between Moscow and Cairo. For example, in the 1950s – 1980s. Egypt was included in the program of Mediterranean cruises organized by Intourist.

Nowadays, Egypt is one of the most popular tourist destinations for Russian citizens. Rosstat estimates that 933 thousand people visited Egypt in 2021, despite the fact that this figure is lower than it was before 2015, when air travel ceased. According to surveys, Russian tourists are attracted to beautiful beaches on the shores of the Red Sea, as well as the rich history of Egypt, besides the low prices. Religious tourism can be found, but makes

up only a small part of the overall tourist flow.

А.И. Бережнов

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Российские путешественники в Египте: прошлое и настоящее

Представления в массовом сознании об той или иной стране формируются под воздействием множества факторов, одним из которых является непосредственное взаимодействие, в частности путешествия и туристические поездки. Изучение туристических связей между Россией и Египтом позволит понять, почему Египет является популярным туристическим направлением, какую роль играют путешествия в формировании образа Египта в России. В исследовании используются записки российских путешественников, посетивших Египет с XVII по XX вв., результаты опубликованных опросов общественного мнения и статистические данные.

До XIX в. ключевой целью посещения Египта было паломничество. С принятием христианства на Руси распространились знания о христианских святынях в Египте, что и привлекало первых русских туристов. Порою в своих записках путешественники практически не упоминают пирамиды и другие памятники Древнего Египта, а уделяют большое внимание именно религиозным аспектам.

В XIX в. в связи с реформами Мухаммеда Али-паши и проникновением европейцев Египет приобрел большую известность в мире. Повсеместно, включая Россию, наблюдается появление страсти ко всему египетскому. Собираются огромные частные коллекции египетских артефактов, публикуются крупные научные труды. Именно в XIX в. зарождается египтология в России, и в Египет устремляется большое количество искателей приключений.

В советское время говорить о поездках за границу как о массовом явлении не приходилось. Открытие Египта для советских туристов произошло только в годы сближения Москвы и Каира. Например, во второй половине 1950-х – 1980-х гг. посещение Египта входило в программу Средиземноморских круизов, организованных Интуристом.

На современном этапе Египет является одним из самых популярных туристических направлений для российских граждан. По данным Росстата, в 2021 г. Египет посетило 933 тыс. человек, хотя так и не были достигнуты цифры до 2015 г., до временного прекращения авиасообщения. По данным опросов, российского туриста, помимо невысоких цен, привлекает пляжный отдых на берегу Красного моря, а также богатая история Египта. Религиозный туризм имеет место быть, но составляет лишь малую часть от туристического потока.

PANEL VI
INTEGRATION IN AFRICA: PROSPECTS AND CHALLENGES

Ekaterina G. Emelianenko
Nikolay A. Dobronravin
St. Petersburg State University, Russia

Pan-Africanism and Afrocentrism: Yesterday, Today, Tomorrow

Pan-Africanism as a political current has existed for more than one century. In today's Africa, the legacy of Pan-Africanism is represented, in-ter alia, in national constitutions and in the activities of the African Union. This international organization differs from all other similar associations, recognizing the African diaspora as one of the regions of Africa. Pan-Africanism is now being revived as a form of struggle against neo-colonialism. Afrocentrism as a current of political thought is historically related to Pan-Africanism, but has its own specifics. The work of African and African-American authors, as well as some scholars of European origin in Europe and the United States, played a significant role in the formation of Afrocentrism. A special place among the theoreticians of Afrocentrism belongs to Molefi Kete Asante, an African-American scholar.

Afrocentrism was not intended as a counterweight to Eurocentrism. On the contrary, going beyond the dualism so characteristic of European culture, Molefi Kete Asante proposed to look at Afrocentrism from the perspective of multiculturalism. According to the scholar, Afrocentrism is constructive, first of all, because it does not deprive other cultures of their place in the common historical heritage. It is based on the harmonious co-existence of an infinite variety of cultures. Therefore, there can be no true multiculturalism without Afrocentrism. Over the past decades, Afrocentrism has spread to African countries and was adopted by the local academic community.

Thanks to the spread of Afrocentrism in modern Africa and especially in the diaspora, there is an abundance of various social "afro-currents" (Afro-politanism, Afro-futurism, Afro-cosmopolitanism, Afro-feminism), and many resources dedicated to African mathematics, philosophy and arts are available on the Internet; at the level of individual States

and regional international organizations, policies towards African languages are being reviewed. Both Pan-Africanism and Afrocentrism have influenced the concept of Ubuntu, which initially took shape in South Africa (since 1994). In practice, however, Ubuntu as seen by many South Africans does not encompass the entire continent and is in fact sub-regional in nature.

Е.Г. Емельяненко, Н.А. Добронравин

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Панафриканизм и афроцентризм: вчера, сегодня, завтра

Панафриканизм как политическое течение существует уже не одно столетие. В современной Африке наследие панафриканизма представлено, в частности, в национальных конституциях и в деятельности Африканского союза. Эта международная организация отличается от других подобных объединений тем, что она признает африканскую диаспору как один из регионов Африки. Панафриканизм в наши дни вновь возрождается как форма борьбы с неокOLONиализмом. Афроцентризм как течение политической мысли исторически связан с панафриканизмом, но имеет собственную специфику. В формировании афроцентризма значительную роль сыграли труды африканских и афроамериканских авторов, а также некоторых ученых европейского происхождения в Европе и США. Особое место среди идеологов афроцентризма принадлежит афроамериканскому ученому Молефи Кете Асанте.

Афроцентризм не был задуман в качестве противовеса европоцентризму. Напротив, выходя за рамки дуализма, так свойственного европейской культуре, Молефи Кете Асанте предлагает взглянуть на афроцентризм с позиции мультикультурализма. Согласно мнению афроамериканского мыслителя, афроцентризм конструктивен прежде всего потому, что не лишает другие культуры их места в общем историческом наследии. В основе афроцентризма лежит гармоничное сосуществование бесконечного разнообразия культур, поэтому не может быть настоящего мультикультурализма без афроцентризма. На протяжении последних десятилетий афроцентризм получил распростране-

ние в странах Африки и был принят местным академическим сообществом.

Благодаря распространению афроцентризма в современной Африке и особенно в диаспоре наблюдается изобилие различных общественных «афротечений» (афрополитанизм, афрофутуризм, афро-космополитизм, афрофеминизм), в Интернете доступно множество ресурсов, посвященных африканской математике, философии, искусству; на уровне отдельных государств и региональных международных организаций пересматривается политика в отношении африканских языков.

Панафриканизм и афроцентризм повлияли на концепцию убунту, сформировавшуюся в ЮАР (после 1994 г.). Эта концепция также представлена во внешнеполитических документах других государств континента. Однако на практике убунту в южноафриканском понимании не охватывает весь континент и фактически имеет субрегиональный характер.

Valery V. Zhuchkov

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

Theoretical Foundations of African Integration

African integration is the process of creating closer economic, political and social ties among African countries to promote unity, development and cooperation. Pan-Africanism serves as the main conceptual framework for African integration. It is a philosophical and political movement that advocates for the unity and solidarity of African peoples around the world. This ideology emphasizes the common history, culture and interests of Africans.

There are also general theories such as neofunctionalism and liberal intergovernmentalism that provide insight into the motivations and processes of regional integration. Neofunctionalism suggests that integration begins with economic cooperation and extends to other areas, while the liberal intergovernmental approach focuses on government preferences and intergovernmental negotiations.

The concept of African renaissance also made its contribution to the theorization of integration processes. It involves a commitment to cultural, economic and political revitalization to achieve a better future for Africa. It is also important to mention the ideology of Ubuntu, an African philosophy that emphasizes the interconnectedness and commonality of African peoples. It emphasizes the idea that the prosperity of society depends on the cooperation and teamwork of all people.

В.В. Жучков

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Развитие взаимоотношений между Россией и ЮАР в период 1994–2008 гг.

Африканская интеграция – это процесс создания более тесных экономических, политических и социальных связей между африканскими странами для содействия единству, развитию и сотрудничеству.

Панафриканизм служит основной концептуальной основой для африканской интеграции. Это философское и политическое движение, выступающее за единство и солидарность африканских народов во всем мире. Эта идеология подчеркивает общую историю, культуру и интересы африканцев.

Существуют также общие теории, такие как неофункционализм и либеральный межправительственный подход, которые дают представление о мотивах и процессах региональной интеграции. Неофункционализм предполагает, что интеграция начинается с экономического сотрудничества и распространяется на другие области, в то время как либеральный межправительственный подход фокусируется на государственных предпочтениях и межправительственных переговорах.

Свой вклад в теоретизирование интеграционных процессов также внесла концепция африканского возрождения. Она предполагает приверженность культурному, экономическому и политическому возрождению для достижения лучшего будущего для Африки. Также важно упомянуть идеологию Убунту, африканскую философию, подчеркивающую взаимосвязь, общность африканских народов. Она подчеркивает идею о том, что процветание общества зависит от сотрудничества и коллективной работы всех людей.

Alexander M. Zhambikov
Institute for African Studies, Moscow, Russia

Evolution of Continental and Regional Organisations in Africa: Complimentary or Divergent Processes

From the beginning of the 1960-s, marked by independence of the majority of African nations, the continent witnessed two parallel processes: formation of the Organisation of African unity (OAU) and regional (or sub-regional) communities. Initially, spheres of their competence were unofficially divided. The OAU operated in the political field, coordinating activities of African nations on the international arena. Regional organisations mainly strived to promote economic integration between neighbouring countries

The existing order gradually eroded, with the most visible manifestations emerging in the 1990-s. The 1991 OAU Summit signed the Treaty Establishing the African Economic Community (AEC) which contained a wide package of measures, aimed at economic integration of the entire continent. From 1990 the Economic Community of the West African States (ECOWAS) launched a series of peacemaking operations to settle armed conflicts in its member states. Although provisions of the AEC were not implemented, and the ECOWAS alone did not reach long-term peace in the countries in which its peacemaking troops were deployed, a new reality was taken into account when the OAU was reformed into the African Union (AU).

In the 2000-s, the AU recognised eight most significant African regional organisations as Regional Economic Communities (RECs) and institutionalised its relations with them. Formation of the AU Stand-By Force was designed on the basis of five RECs, representing key African regions. At present, the AU and African regional organisations cooperate, complying with hierarchy. Decisions of RECs implying use of force require approval by the AU that in its turn submits them to the UN Security Council. For its part, the African Union has become an economic actor, establishing the Agenda 2063 and successfully starting implementation of the African Continental Free Trade Area.

Now the academia continues to ask a question. Does evolution of the RECs contradict Pan-African integration? Giving a definite answer to

this question seems difficult.

А.М. Жамбиков

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Эволюция континентальных и региональных организаций в Африке: взаимодополняющие или разнонаправленные процессы?

С начала 60-х гг. XX в., ознаменовавшихся обретением независимости большинством африканских государств, на континенте проходили два параллельных процесса: формирование Организации африканского единства (ОАЕ) и региональных (или субрегиональных) сообществ. Первоначально между ними были негласно разграничены сферы компетенции: ОАЕ действовала в политической сфере, координируя деятельность государств Африки на международной арене. Региональные организации стремились, в первую очередь, к экономической интеграции групп соседних стран.

Устоявшийся порядок постепенно размывался, что наиболее ярко проявилось в 90-е гг. XX в. В 1991 г. на саммите ОАЕ подписан договор о создании Африканского экономического сообщества (АЭС), содержащий широкий комплекс мер, направленных на экономическую интеграцию всего континента. С 1990 г. Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС) предпринимает ряд миротворческих операций по урегулированию вооружённых конфликтов на территории государств-членов. Хотя положения договора о АЭС не были реализованы, а ЭКОВАС самостоятельно не удалось достичь долгосрочного мира в странах, в которых были развёрнуты его миротворческие контингенты, новая реальность получила отражение при преобразовании ОАЕ в Африканский союз (АС) и его последующей институционализации.

В нулевые годы XXI в. АС признал восемь наиболее влиятельных региональных организаций Африки региональными экономическими сообществами и регламентировал взаимоотношения с ними. Силы постоянной готовности АС предполагалось сформировать именно в рамках пяти региональных экономических сообществ, выступающих в роли представителей основных регионов Африки. В

настоящее время АС и региональные организации Африки сотрудничают при решении вопросов безопасности при соблюдении иерархии: действия региональных сообществ, касающиеся применения вооружённых сил должны быть одобрены АС, который в свою очередь выносит их на рассмотрение Совета Безопасности ООН. В свою очередь АС стал активным игроком в экономической сфере, утвердив «Повестку 2063» и успешно начав реализацию проекта Африканской континентальной зоны свободной торговли.

Сейчас в научной среде всё чаще задаются вопросом: не противоречит ли развитие региональных сообществ в Африке панафриканской интеграции? Дать однозначный ответ на этот вопрос затруднительно.

Yaroslav A. Glukhov
Stanislav A. Gorokhov
Ruslan V. Dmitriev

Institute for African Studies, Moscow, Russia

Integration Processes in Africa: Economic Aspects

In the process of integration, structural changes occur in the economies of states, and the interconnections of national production processes intensify. Among the positive effects of economic integration are the spatial expansion of markets and increased trade volumes, the influx of foreign direct investment, and the optimization and modernization of production. Negative effects are due to the complexity of collective management and the possible increase in economic differentiation.

Within the African continent, there are eight main economic associations: the Community of Sahel–Saharan States, the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA), the East African Community (EAC), the Economic Community of West African States (ECOWAS), the Economic Community of Central African States (ECCAS), the Intergovernmental Authority on Development (IGAD), the Arab Maghreb Union (AMU) and the Southern African Development Community (SADC). At the same time, some African states (Angola, Egypt, Zambia, the Democratic Republic of the Congo, Senegal, Tanzania, etc.) belong to several economic groups at once – this can both hinder and promote the economic development of individual countries.

Today, the prevailing view in the scientific community on integration processes lies in their multi-stage nature of the rapprochement of states: preferential trading area, free trade area, customs union, common market, economic union, economic and monetary union. African countries are among the developing markets, and therefore it is important to take into account the adaptability of this approach and pay attention to regional specifics.

Я.А. Глухов
С.А. Горохов
Р.В. Дмитриев

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Интеграционные процессы в Африке: экономические аспекты

В процессе интеграции происходят структурные изменения в экономиках государств, усиливаются взаимосвязи национальных производственных процессов. Среди положительных эффектов экономической интеграции – пространственное расширение рынков и увеличение объемов торговли, приток прямых иностранных инвестиций, оптимизация и модернизация производства. Отрицательные эффекты обусловлены сложностью коллективного управления и возможным ростом экономической дифференциации.

В пределах африканского континента выделяются восемь основных экономических объединений: Сообщество сахаро-сахельских государств, Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭККАС), Межправительственная организация по развитию (ИГАД), Союз арабского Магриба (САМ) и Сообщество развития Юга Африки (САДК). При этом некоторые африканские государства (Ангола, Египет, Замбия, Демократическая Республика Конго, Сенегал, Танзания и др.) относятся сразу к нескольким экономическим группировкам – это может как препятствовать, так и способствовать экономическому развитию отдельных стран.

На сегодняшний день в научной среде преобладает точка зрения на интеграционные процессы, которая заключается в их многоступенчатом характере сближения государств: преференциальная зона, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, экономический и валютный союз. Государства Африки относятся к числу развивающихся рынков, в связи с чем важно учитывать адаптивность этого подхода и обращать внимание на региональную специфику.

Sengulo Albert Msellemu
Dar es Salaam University College of Education, Tanzania
Esther Marcel Msaky
Mozambique-Tanzania Centre for Foreign Relations,
Dar es Salaam, Tanzania

The Pan-African Unity Must Focus on Economic Development of the Continent

This paper is about nearly approach 70 years anniversary of the African continent since it was recognized in the United Nation Assembly as the year of Africa, Ghana was the first black African country to gain her independence, followed 3 year later by 14 of the French colonies got their independencies and 2 colonies, one the most populous country in Africa. Nigeria, and the biggest colony of sub-Saharan Africa, the Democratic Republic of Congo (DRC) got her independences in 1960, this made possible, to form a caucus of the African countries in the UN. After the decolonization come political instabilities of the economies start to deteriorate and civil wars become a common place in Africa due to the cold war, (Between imperialists and socialists) by using any possible cover to make brotherly fight. Economic crisis then followed by the oil crisis, followed by drought and famine. Africa, seems to be a continent of struggles of one of the other. Yet we have still one Pan-Africanist idea to fulfill (To make a United States of Africa). It was now since UN pronounced 1960 as Year of Africa, due to the fact that seventeen members of the continent achieved their independence, so welcomed into the United Nations. This made possible for the formation of Africa's caucus of the year brought about the independencies of African movements and subsequently emergences of Africa as a major force in the United Nations. These rapid political developments led to speculation and hope about the future of Africa as a whole. Apart from Ghana which was the first to receive her independence in Africa (1957) followed by 14 French colonies that got their independence. We forget the problem of the past, we have new problems.

Azat M. Gazizianov

Moscow State Institute of International Relations – University, Russia

African Solutions to African Problems: ECOWAS Regional Security Outcomes and Challenges: The Case of the 2017 Gambia Operation

ECOWAS was conceived as a project of economic integration, but with the end of the Cold War, West African countries had to resolve regional security problems on their own. The experience of ECOWAS-led peacekeeping operations in Liberia and Sierra Leone demonstrated that ECOWAS was unable to effectively manage conflicts of regional significance because of the different approaches of its member states. The problem was also that there were no specific mechanisms for effective peacekeeping operations, in fact, there was no regional security architecture. However, in the 1990s and 2000s, ECOWAS countries developed quite effective mechanisms for the resolution of internal political conflicts. One of the successful cases of an African solution to an African problem is the case of the Gambia in 2017.

In the paper, based on the analysis of the founding documents of the Community, the author will examine the current regional security architecture of ECOWAS. Potential strengths and weaknesses of the response and conflict resolution mechanism will be identified.

The report will also identify the ECOWAS action in the Gambia in 2017, dubbed "Operation Restore Democracy". The author will identify the conflicting and overlapping interests of different countries within the Community and determine the reasons for the success of the operation.

А.М. Газизянов

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

**Африканским проблемам — африканское решение:
результаты и проблемы ЭКОВАС в сфере региональной
безопасности на примере операции в Гамбии в 2017 г.**

ЭКОВАС задумывался как проект экономической интеграции,

но с окончанием холодной войны страны Западной Африки оказались вынужденными сами разрешать проблемы региональной безопасности. Опыт миротворческих операций под эгидой ЭКОВАС в Либерии и Сьерра-Леона показал, что из-за разных подходов стран-участниц ЭКОВАС не способно эффективно регулировать конфликты регионального значения. Проблема еще заключалась в том, что для эффективного проведения миротворческих операций не было выработано конкретных механизмов, фактически отсутствовала архитектура региональной безопасности. Однако в 90-е и 00-е гг. страны ЭКОВАС разработали достаточно эффективные механизмы урегулирования внутривнутриполитических конфликтов. Одним из успешных кейсов принятия африканского решения африканской проблеме является разрешение конфликта в Гамбии в 2017.

В докладе на основе анализа основополагающих документов Сообщества автор рассмотрит современную архитектуру региональной безопасности ЭКОВАС. Будут выявлены потенциально сильные и слабые стороны механизма реагирования и урегулирования конфликтов.

В докладе также будут определены действия ЭКОВАС в Гамбии в 2017 г., названные «операцией восстановления демократии». Автор выявит конфликтующие и пересекающиеся интересы разных стран внутри Сообщества, определит причины успеха операции.

Military Coup in Niger: Regional and Global Implications

Niger's President Guards sieged the Presidential Palace and surrounding ministries, ousting the civilian President Mohamed Bazoum on July 26, 2023. General Abdourahamane Tchiani – the Head of Niger's Presidential Guard declared himself to be the Head of the State after military seized power. The coup organizers claimed worsening security situation and poor economic and social governance as the prime reason for the military takeover. The international community including the United Nations, European Union, France, USA as well as the regional organizations such as African Union and ECOWAS condemned the coup and called for the immediate restoration of the constitutional order. The region which is usually disparaged as the coup belt has witnessed sixth military coup in less than four years following Burkina Faso, Mali and Guinea. The consequences of the current coup in Niger are going to be extremely adverse for the region as Niger was the last stronghold of democracy across the region.

ECOWAS strongly condemned the military coup in Niger and had given ultimatum to General Tchiani and other coup plotters to step down and reinstate the civilian President Bazoum. The African Union has also condemned in the strongest possible terms the military coup in Niger and the overthrow of the civilian government. It has also expressed deep concern over the alarming resurgence of military coups in Africa – as this undermines the democracy and stability on the continent. The Military Junta led by General Tchiani has not been recognized by the international community as the lawful leaders of Niger. France – the major partner of Niger – has suspended development aid and budget support to Niger.

The Military Junta in Niger will have to deal with the difficult security situation which is likely to deteriorate under military rule as happened in Mali and Burkina Faso where coups have led to rise in security concerns. In addition to this, the military coup in Niger will also reshape Niger's relations with its external partners.

The Role of Kenya in the East African Community

Я.А. Круглов

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Роль Кении в Восточноафриканском сообществе

I. Роль Кении в Восточноафриканском сообществе (1967-1977 гг.)

a. Сравнение экономических показателей по состоянию на 1967 г. для Кении, Уганды и Танзании.

b. Самофинансируемых корпорации на территории Кении, сохранившиеся с колониальных времен:

i. Восточноафриканские авиалинии;

ii. Восточноафриканская портовая корпорация;

iii. Восточноафриканские железные дороги;

iv. Восточноафриканская почта и телеграф.

c. Попытки добиться более справедливого распределения благ внутри интеграционного объединения:

i. Временный налог на кенийские товары;

ii. Согласование позиций Угандой и Танзанией;

iii. Расположение органов ВАС по формуле 2:2:2.

d. Участие Кении во внутренней торговле ВАС:

i. Снижение доли импорта и экспорта с 1971 г.

e. Причины неудачи первого ВАС согласно Арушскому договору 1999 г.

II. Роль Кении в возрождённом Восточноафриканском сообществе (1999 – н.в.)

a. Участие Кении во внутренней торговле ВАС (2003–2007):

i. Кения как главный экспортёр внутри объединения.

b. Присоединение Руанды и Бурунди:

- i. Выгоды, приобретаемые новыми членами;
 - ii. Выгода Кении от вступления новых членов.
 - c. Участие Кении во внутренней торговле ВАС (2008–2013).
 - d. Присоединение Южного Судана.
 - e. Участие Кении во внутренней торговле ВАС (2015–2019):
 - i. Рост кенийского экспорта;
 - ii. Улучшение позиций Руанды и Бурунди как импортеров;
 - iii. Снижение показателей импорта Южного Судана внутри объединения.
 - f. Вступление ДРК. Роль Кении в урегулировании конфликта на востоке ДРК:
 - i. Дипломатические усилия Ухуру Кениаты;
 - ii. Участие военного миротворческого контингента Кении.
- III. Выводы. Кения – основной выгодоприобретатель восточно-африканской интеграции:
- a. Добиться перераспределения издержек и благ от интеграции не удалось (наоборот, диспропорции лишь усилились).
 - b. Новые экспортные возможности и новые рынки – доступ к рынкам Бурунди, Руанды, Южного Судана и ДРК.
 - c. Развитие собственной промышленности и сельского хозяйства.
 - d. Рост престижа страны как посредника и миротворца.
 - e. ВАС никогда не было объединением более-менее равных членов.

PANEL VII
CONTEMPORARY AFRICA: ISSUES IN POLITICAL LIFE

Reem Elbathy
HSE University, Moscow, Russia

**Analyzing the Role of Professional Backgrounds of
Presidents in Political Regime Stability in North Africa**

Presidents have immense impact on the stability of their country's political regime (Milio 2008). presidential backgrounds exert significant influence on the stability of a political regime as it has a semi-direct relation to how the leader or president makes his/her choice (Huntington, 1968). While scholars have long investigated governance patterns, there has been a notable gap in research concerning the ramifications of the educational and practical backgrounds of presidents on their leadership style or their country's stability in economic, political, and security domains (Huntington, 1968). Not to mention that the region on the Middle East-North Africa is under-researched in the area of presidential/leadership studies (Kabasakal et al. 2012). This study's main aim is to address this research gap by focusing on Middle East-North Africa by using different leadership theories and analysis of military-civil relations since the independence of each country from colonization. Generally, there is little understanding of how successful western-leadership theory is applied to the MENA region and thus much more could be added to the literature (Blunt & Jones, 1997; Cullina, 2016; Dickson, Hartog, & Michelson 2003). The key concepts here is to concentrate on the two main aspects which are presidents of military or civil backgrounds. Mixed methods approach will be used and will include doing a preliminary round of in-depth interviews with former diplomats, politicians and academic professors in politics to find out the variables that are best for using in the next step which is the Qualitative comparative Analysis (QCA). the results of the research shows that there is a direct relation between the president's professional background and the stability of their country especially in the MENA region. Most North African countries that are non-monarchies have shown more political regime stability with presidents who have military backgrounds than presidents who are of

civil backgrounds.

References:

Arel-Bundock, V. 2022. "The Double Bind of Qualitative Comparative Analysis." *Sociological Methods & Research* 51(3): 963–982.

Blunt, P., & Jones, M.L. (1997). Exploring the limits of Western leadership theory in East Asia and Africa. *Personnel Review*, 26(1/2), 6–23.

Cullina, H.T. (2016). *Leadership development in Egypt: How indigenous managers construe Western leadership theories* (Unpublished doctoral dissertation). Heriot-Watt University, United Kingdom.

Den Hartog, D.N., House, R.J., Hanges, P.J., Ruiz-Quintanilla, S.A., Dorfman, P.W., Abdalla, I.A., ... & Akande, B.E. (1999). Culture specific and cross-culturally generalizable implicit leadership theories: Are attributes of charismatic/transformational leadership universally endorsed?. *The Leadership Quarterly*, 10(2), 219-256. [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(99\)00018-1](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(99)00018-1)

Dickson, M., Den Hartog, D., and Mitchelson, J. (2003). Research on leadership in a cross-cultural context: Making progress and raising new questions. *The Leadership Quarterly*, 14(6): 729–768.

Huntington, S.P. (1996). *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1cc2m34>

Kabasakal, H., Dastmalchian, A., Karacay, G., and Bayraktar, S. (2012). "Leadership and Culture in the MENA Region: An Analysis of the GLOBE Project." *Journal of World Business* 47(4): 519–529.

Milio, S. (2008). "How Political Stability Shapes Administrative Performance: The Italian Case." *West European Politics* 31(5): 915–36.

Tatyana S. Denisova

Institute for African Studies, Moscow, Russia

Tropical Africa: The Influence of Traditions on the Modern Institute of Political Leadership

The history of African countries and its peoples is very diverse, but the traditions regarding political leadership have more similarities than differences. Traditional systems of governance, which in many cases incorporate elements of primitive democracy, gave rise to political leaders who, just like contemporary ones, were characterized by numerous collisions, such as “wisdom vs. deceit”, “caring for fellow tribesmen vs. despotism”, “sacrifice vs. cruelty” (for example, the killing of rivals, including relatives), etc.

Nowhere in the world are tradition and modernity more intertwined than in Africa, where tradition permeates every aspect of modern life. Political leadership is an area where a kind of continuity of generations has manifested itself in the behavior of the ruler and in his relations with opponents and the masses of the population. Power leaves its mark on any person. Indeed, every ruler – African, Asian or European – has traits that have allowed him to come to power, keep it, or lose it. In this sense, one can find much in common between Caesar and Charles de Gaulle, Napoleon and, for example, Jean-Bedel Bokassa, the president and then self-proclaimed emperor of the Central African Republic. The obvious continuity in behavior is explained, firstly, by the fact that that pre-colonial, traditional life ended quite recently, a little over 100 years ago, and the grandchildren of those illustrious or, conversely, cursed rulers, who, moreover, inherited their titles from fathers and grandfathers, still remember the stories of their grandparents about the splendor and poverty of the palace life of the leaders. Secondly, traditional governance structures exist in parallel with modern ones and influence them to a greater or lesser extent, and the consolidation of the position of many modern African leaders depends to a large extent on their relations with traditional leaders.

Neotraditionalism in African political leadership is a combination of at least four elements of management style. Firstly, this is the desire to produce an external effect; secondly, the personalization of power, which in itself may simply be a sign of the formation of a cult of personality, but in

combination with the desire for an aristocratic effect takes on a traditional, monarchical coloring; thirdly, the sacralization of power can arise in parallel with the process of personalization, although the praise and glorification of the leader does not always have a religious basis; fourthly, the leader's desire to prove his aristocratic origins.

Alisa R. Shishkina

HSE University; Institute for African Studies, Moscow, Russia

Factors of Socio-political Stability in Ghana

This study is devoted to the analysis of the processes of socio-political destabilization in the countries of West Africa, as well as factors contributing to the preservation and maintenance of stability in individual countries. The countries of West Africa and, in particular, the Sahel region in recent years can be considered as the epicenter of the spread of extremism and terrorism.

The main focus of the study in this case is on Ghana as a country showing the lowest rates of terrorist attacks and episodes of socio-political instability in recent years. At the same time, in other countries of West Africa, including those neighboring Ghana, quite high rates of instability are recorded. It is stated that that in the case of Ghana, the key stabilizing factors are religious and ethnic tolerance and a general culture of peace among Ghanaians, as well efforts by the country's leadership to develop interfaith tolerance and cooperation.

Ghana is an example of a heterogeneous society in which different ethnic groups coexist. Thus, historically, the Ghanaian population has developed a certain national cohesion and a significant level of tolerance towards members of other nationalities. Maintaining dialogue is also greatly facilitated by the efforts of young people aimed at developing interethnic and interfaith communication and the tradition of participation of broad sections of the population in religious holidays belonging to different faiths. Moreover, it is important that the ruling New Patriotic Party has consistently maintained the practice of nominating a Muslim as a presidential candidate.

Additionally, Ghana's resilience to the threats of violent extremism and terrorism can be attributed to the country's good governance record, a mature security sector with decades of international peacekeeping experience, and a strong traditional system. As for the last indicator, in this case we are talking about the use of family and community networks as a kind of security systems, largely due to the fact that they are focused on supporting government security measures.

A developed network of media is also an important parameter that

contributes to the preservation of socio-political stability in the country through the formation of a diverse media agenda, as well as by informing the population about methods of recruitment by terrorist organizations and, in general, the consequences of extremism.

А.Р. Шишкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт Африки Российской академии наук, Москва

Факторы социально-политической стабильности в Гане

Данное исследование посвящено изучению процессов социально-политической дестабилизации в странах Западной Африки, а также факторам, способствующим сохранению и поддержанию стабильности в отдельных странах. Страны Западной Африки и, в частности, регион Сахеля в последние годы может рассматриваться как эпицентр распространения экстремизма и терроризма.

Главный фокус исследования в данном случае направлен на Гану как страну, демонстрирующую наиболее низкие показатели террористических атак и эпизодов социально-политической нестабильности за последние годы. При этом в других странах Западной Африки, в том числе находящихся по соседству с Ганой, фиксируются достаточно высокие показатели нестабильности. Отмечается, что в случае с Ганой ключевыми стабилизирующими факторами выступают религиозная и этническая терпимость и общая культура мира среди жителей Ганы, а также усилия руководства страны по развитию межконфессиональной толерантности и сотрудничества.

Гана является примером гетерогенного общества, в котором уживаются различные этнические группы. Таким образом, исторически население Ганы выработало определенную национальную сплоченность и значительный уровень толерантности по отношению к представителям других национальностей. Поддержанию диалога в значительной степени способствуют также усилия молодежи, направленные на развитие межэтнической и межконфессиональной коммуникации и традиция участия широких слоев населения в религиозных праздниках, относящихся к разным конфессиям. Кроме того, важен

тот факт, что правящая Новая патриотическая партия неизменно придерживается практики выдвижения мусульманина в качестве кандидата в президенты.

Кроме того, устойчивость Ганы по отношению к угрозам насильственного экстремизма и терроризма может быть объяснена хорошими показателями управления страны, развитым сектором безопасности с многолетним международным миротворческим опытом, а также сильной традиционной системой. Что касается последнего показателя, то в данном случае речь идет об использовании семейных и общественных сетей в качестве своего рода систем безопасности, во многом благодаря тому, что они ориентированы на поддержку государственных мер обеспечения безопасности.

Развитая сеть средств массовой информации также является важным параметром, способствующих сохранению социально-политической стабильности в стране благодаря формированию разноплановой медийной повестки, а также посредством информирования населения о способах вербовки со стороны террористических организаций и в целом последствий проявления экстремизма.

Liubov Ya. Prokopenko
Institute for African Studies, Moscow, Russia

60th Anniversary of Zambian Independence: Dynamics of Political Development

In October 2024 the Republic of Zambia will celebrate 60 years of its independence. During this period, Zambia, home to more than 70 ethnic groups, has gone a long way from a young state to a country that, despite economic problems and difficulties in the development of the political process, has become one of the examples of ethnopolitical stability in Africa.

The country has shown possibilities of political development along the path of democratization without violent changes of power and bloody ethno-confessional conflicts that took place in other sub-Saharan countries. Over the course of six decades of independent development, Zambia has experienced three dramatic changes in power. In 1991, after 27 years of rule by the United National Independence Party (UNIP) led by Kenneth Kaunda, the Movement for Multi-party Democracy (MMD), led by Frederick Chiluba, came to power. In 2011–2021 The Patriotic Front (PF) Party, created by Michael Sata, was in power. Since August 2021, the country's president has been Hakainde Hichilema, leader of the United Party for National Development (UPND). In the 30 years since Zambia's return to a multi-party system in 1991, the country held nine democratic elections (1991, 1996, 2001, 2006, 2008, 2011, 2015, 2016 and 2021), each time peacefully, which has become a tradition in Zambia.

At the same time, during the election campaigns in 2015 and 2016 there were incidents of violence resulting from clashes between supporters of the ruling PF party and the oppositional OPNR. The 2021 election campaign was as well aggravated by the crisis in the national economy, which was negatively affected by the COVID-19 pandemic.

Our country was the first to recognize the independent Republic of Zambia; diplomatic relations between the USSR and Zambia were established on October 30, 1964. On December 31, 1991, the Zambian government officially recognized the Russian Federation as the legal successor of the USSR. This fact, pursuing a policy of strengthening strong relations and mutually beneficial cooperation, helped the young African state in developing its economy and in training its national personnel. In 2001, the Russian

Federation wrote off more than 80% of the Zambian debt, creating further conditions for the continued development of economic relations between the two countries. Inter-parliamentary cooperation and high-level bilateral political contacts are being strengthened. In February 2020, a delegation of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation headed by its Chairman Valentina I. Matvienko was on an official visit to the Republic of Zambia. Zambia participated in the First Russia-Africa Summit and Economic Forum (Sochi, October 23–24, 2019) and in the Second Summit Russia–Africa Economic and Humanitarian Forum (St. Petersburg, July 27–28, 2023).

Л.Я. Прокопенко

Институт Африки Российской академии наук, Москва

**60-летие независимости Республика Замбия:
динамика политического развития**

В октябре 2024 г. Республика Замбия отметит 60 лет провозглашения независимости. За этот период Замбия, где живут более 70 этнических групп, прошла путь от становления молодого государства до страны, которая, несмотря на экономические трудности и сложности в развитии политического процесса, стала одним из примеров этнополитической стабильности в Африке.

Страна показала возможность политического развития по пути демократизации без насильственной смены власти и кровопролитных этноконфессиональных конфликтов, которые имели место в других странах южнее Сахары. За шесть десятилетий независимого развития в Замбии трижды происходила кардинальная смена власти. В 1991 г. после 27-летнего правления Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП) во главе с Кеннетом Каундой к власти пришла партия Движение за многопартийную демократию (ДМД), которую возглавлял Фредерик Чилуба. В 2011–2021 гг. у власти находилась партия Патриотический фронт (ПФ), созданная Майклом Сатой. С августа 2021 г. президентом страны является Хакаинде Хичилема, лидер Объединенной партии за национальное развитие (ОПНР). За 30 лет, прошедшие с момента возвращения Замбии в 1991 г. к многопартий-

ности, демократические выборы в стране состоялись уже девять раз (в 1991, 1996, 2001, 2006, 2008, 2011, 2015, 2016 и 2021 гг.), при этом передача власти каждый раз проходила мирным путем, что стало в Замбии уже традицией.

В то же время в ходе предвыборных кампаний в 2015 и 2016 гг. имели место случаи насилия в результате столкновений между сторонниками правящей партии ПФ и оппозиционной ОПНР. А предвыборную кампанию 2021 г. усугубил кризис в экономике, на которую негативно повлияла пандемия COVID-19.

Наша страна была первой страной, признавшей независимую Республику Замбию, дипломатические отношения между СССР и Замбией были установлены 30 октября 1964 г. 31 декабря 1991 г. правительство Замбии официально признало РФ в качестве правопреемницы СССР, который проводя политику укрепления прочных отношений и взаимовыгодного сотрудничества, помогал молодому африканскому государству развивать экономику и готовить национальные кадры. В 2001 г. РФ списала более 80% замбийского долга, что создало дополнительные условия для продолжения развития экономических отношений между двумя странами. Укрепляются межпарламентское сотрудничество и двусторонние политические контакты на высоком уровне. В феврале 2020 г. в Республике Замбия с официальным визитом находилась делегация Совета Федерации Федерального Собрания РФ во главе с его председателем В.И. Матвиенко. Замбия участвовала в Первом Саммите и экономическом форуме Россия – Африка (г. Сочи, 23–24 октября 2019 г.) и Втором Саммите и экономический, гуманитарный форуме Россия – Африка (г. Санкт-Петербург, 27–28 июля 2023 г.).

Darya A. Turyanitsa
Institute for African Studies, Moscow, Russia

The Elections of 2024 in South Africa: The Activities of New (“Coloured”) Political Parties

After the end of apartheid in 1994, South Africa still employs racial groups such as "Whites" (and "non-whites"), "Black Africans", "Coloureds" and "Indians".

According to community members, the "label" – "Coloured" – is still very controversial in South Africa. Many of them see it as a deep relic of the segregation system and do not want to be associated with it. At the same time, a significant proportion of the younger generation, in particular, are proud of their heritage and the name of the term, while at the same time trying to look at the phenomenon from a different, 'fresh' perspective. Here is another important point of clarification: there are those who normally consider themselves to be "Coloured" culturally, and "Black" politically since the days of the Black Consciousness Movement.

It is worth noting that their difficult and sometimes "ambivalent" position "between whites and blacks" has a direct impact on their diverse political views. Unfortunately, many South African political parties "exploit" the "Coloured" in-between and try to increase their influence and get more political preferences.

In 2024, South Africa will undergo a new electoral process, with the ninth round of general elections occurring after a regime change. The ruling parties, such as the African National Congress (ANC) and the Democratic Alliance (DA), along with the Economic Freedom Fighters (EFF) and new contenders, are "fighting" for the so-called "Coloured" vote.

In this context, the small non-governing political parties are of particular interest, particularly in the Western Cape province (Cape Town); where over 50% of the "Coloured" population resides - more than approximately 3 million individuals. Despite the Democratic Alliance's expectation (for the last 10-15 years) of receiving the most votes from the "Coloured" electorate, new "Coloured" parties are also entering the competition. It is these parties that have started to gain support since the 2021 elections, attracting voters who would otherwise have chosen the DA (or ANC), and in some cases even acting as "kingmakers". These politically diverse "Col-

oured" parties include the likes of GOOD, the Patriotic Alliance, the National Coloured Congress (Cape Coloured Congress), the Cape Independence Party, and the Spectrum National Party, and are notable for their active campaigning style. Meanwhile, more established parties such as Congress of the People (COPE), Al-Jam-ah, and the Freedom Front+ (VF+) continue to play a role.

In the present circumstances, it is noteworthy to observe the ways in which both "new" and established political contenders are adapting their strategies in order to gain maximum support from the mentioned community.

Д.А. Туряница

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Выборы 2024 в ЮАР: деятельность новых («цветных») политических партий

После снятия режима расовой сегрегации – апартеида, в ЮАР до сих пор сохраняются *de facto* такое деление на «расы»/группы как «белые» (и «небелые»), «черные африканцы», «цветные» и «индийцы».

Мнения членов сообщества относительно название группы - «цветные» – до сих пор вызывает противоречивую реакцию в ЮАР. Многие считают этот термин глубоким пережитком системы сегрегации и не хотят с ним себя ассоциировать. В то же время, особенно среди молодого поколения, значительная их часть гордится своим происхождением и названием группы, стараясь взглянуть на это явление с другой стороны. Еще одно важное пояснение, есть и те, кто условно относит себя «культурно» к «цветным», а политически, со времен движения «черного самосознания» – к «черным» южноафриканцам.

Стоит сказать, что их непростое, а иногда и «двойственное» положение «между белыми и черными» напрямую влияет на их разнообразные политические взгляды. К сожалению, многие южноафриканские политические партии, «используя» «цветных», пытаются усилить свое влияние и заработать политические предпочтения.

В 2024 году Южная Африка вступает в новый электоральный процесс. Всеобщие выборы будут проводиться в 9 раз после смены режима. Основные партии, «борющиеся» за голоса «цветного» электората – это правящие партии как Африканский национальный конгресс (ANC), Демократический альянс (DA), Борцы за экономическую свободу (EFF), а также новые игроки.

Особое значение в этой связи имеют небольшие неправящие политические партии, особенно в провинции со столицей Кейптаун, где проживает больше 50% «цветного» сообщества – около 3 млн человек. Несмотря на то, что Демократический альянс рассчитывает (как и течение последних 10-15 лет) получить максимальное количество голосов среди «цветных», в «борьбу» подключаются и новые «цветные» партии. Именно они стали еще с выборов 2021 г. «перетягивать» голоса Демальянса и частично АНК. Такие, так называемые, «цветные» партии выражают разные группы интересов и целей, но особенно своей активной позицией выделяются такие «новые» партии как «ГУД» (GOOD), Патриотический альянс (Patriotic Alliance), Национальный конгресс цветных (Cape/National Coloured Congress), Cape Independence Party (Партия независимости Кейпа), Национальная партия Спектр (Spectrum National Party), и «старые» – Конгресс народа (COPE), Альджама (Al-Jam-ah), Фридом Фронт + (FF+) и другие.

В складывающейся ситуации интересно наблюдать, каким образом «новые» и «старые» политические соперники выстраивают свои стратегии для получения максимального количества голосов среди названного сообщества.

**Micah Zing
Egor D. Fain**

HSE University, Moscow, Russia

**The Resurgence of Coup d'Etats in
Francophone Africa in the Last Decade (2013–2023)**

Currently the world witnesses unprecedented concentration and frequency of military coups in Sahel and West Africa, especially in francophone countries (Okeke & Ahmed, 2023). The number of coups is immense in comparison with previous decades: According to Africa Center for Strategic Studies (2023) around 13 coups and coup attempts happened just since 2021, and all but one of them (Gabon) occurred in Sahel and West Africa. Such intensity did not go unnoticed in the mass media and academia. Mass media around the world were quick to call Sahel the “coup-belt” and provide various explanations to such an extreme spike in coups. While the root causes or reasons behind the coup are still unclear, the putschists cited ineffective military battles against a jihadist insurgency, poverty, corruption and bad governance as factors. The attempts of incumbents to prolong their terms in office through deceptive, unconditional modifications and their unwillingness to surrender power to winning parties are other obvious causes (De Boer, 2014; Annan, 2014; Avoulete, 2023; Ajayi & Olu-Adeyemi, 2015).

In addition, recent coups showed a very intriguing picture of the general public cheering for the military while sometimes burning French flags and waving Russian ones. This sentiment has been exacerbated by France’s backing of dubious dynastic regimes and also became a factor in this coup wave, indicating that the ordinary people including the military have woken up from their slumber and are ready to demand accountability and good governance from their leaders.

Therefore, the real puzzle is not just why they occur, but what are the reasons for such an immense concentration of coups in a specific region in a short time frame. In our report we attempt to shed light on this extreme spike. We suggest that this phenomenon is the result of complex interplay of factors, such as civil unrest, exploitative French policies on par with corruption and the military's dissatisfaction with governance and the edge to turn to Russia as an ally.

References:

Africa Center for Strategic Studies (2023). Africa's Crisis of Coups. URL: <https://africacenter.org/in-focus/africa-crisis-coups/> (accessed 19.10.2023)

Ajayi, A. I., & Olu-Adeyemi, L. (2015). Resurgent Military Political Adventurism in West Africa: Implications for the Survival of Democracy. *African Research Review*, 9(2), 91–103.

Annan N. (2014). Violent conflicts and civil strife in West Africa: Causes, challenges and prospects. *Stability*, 3(1), pp. 1–16.

Avoulete, K. (2023). Can West Africa Survive the Coup in Niger? Foreign Policy Research Institute. 22 August 2023. URL: <https://policycommons.net/artifacts/4775495/can-west-africa-survive-the-coup-in-niger/5611723/> (accessed 10.10.2023).

de Boer, D. H. (2014). *The Resurgence of the African Coup d'État* (Doctoral dissertation, Tilburg University).

Okeke J. M., Ahmed F. (2023). From fighting Jihadists to fighting Juntas: Explaining the recent resurgence of military coups in Africa, and how to prevent recurrence. ACCORD. August 31, 2023. URL: <https://www.accord.org.za/analysis/from-fighting-jihadists-to-fighting-juntas-explaining-the-recent-resurgence-of-military-coups-in-africa-and-how-to-prevent-recurrence/#> (accessed 19.10.2023).

Egor D. Fain
HSE University, Moscow, Russia

Factors and Consequences of Military Coup of 2021 in the Republic of Guinea

On the 5th of September 2021, the president of Guinea Alpha Conde was captured in his residence by the elite military squadron of Guinean army which was lead by colonel Mamady Doumbouya. This event was preceded by violent mass protests against the rule of Alpha Conde which lasted for almost 2 years. They started in October of 2019, when incumbent president suggested to change the constitution, so it would allow him to run for office the third time. Conde was initially elected in 2010, and then he was the first ever democratically elected Guinean president, who came after the long period of authoritarian rule, which lasts after the decolonization. Alpha Conde was popular candidate, however, by the end of his rule he and his government became a target for massive opposition protests. Thus, overthrow of Conde by soldiers was initially met by the country's population as a positive change for good.

While military initially released multiple political prisoners and proclaimed forming united popular government after 18 month of transition period, it was soon clear that mid-term aims of the military government were nor completely altruistic and democratic. Border closure, expelling from international organizations and isolation are still going on, while in 2023 new anti-government protests occur.

Report will present what political, economic and social factors influenced the decision of military to conduct the coup. In particular, military coup in Guinea will be analyzed from the standpoint of modern coup d'état theory, funding military and from regional and global contexts. In addition, a trajectory of Guinean politics after the coup and current problems will be analyzed.

Е.Д. Файн

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Факторы и последствия военного переворота 2021 года в Республике Гвинея

5 сентября 2021 года президент Гвинеи Альфа Конде был схвачен в своей резиденции элитным отрядом вооруженных сил Гвинеи во главе с полковником Мамади Думбая. Этой дате предшествовали массовые насильственные протесты против власти Альфа Конде, которые длились около двух лет. Они начались в октябре 2019 года, когда действующий президент предложил внести изменения в конституцию, которые бы позволили ему баллотироваться на третий срок. Конде был впервые избран в 2010 году, и тогда он был первым демократически избранным президентом Гвинеи, который пришел после долгого периода авторитарного правления, длящегося фактически с самого обретения независимости. Несмотря на то, что Альфа Конде был популярным народным избранником, к концу своего правления он и его правительство стали целью массовых оппозиционных выступлений. В связи с этим, насильственное смещение президента Конде с поста военными, было изначально встречено населением страны как изменение внутренней политики к лучшему.

В то время как пришедшие к власти военные изначально освободили многих политических заключенных и объявили о создании в будущем единого народного правительства после окончания 18-месячного переходного периода, вскоре стало ясно, что среднесрочные цели военного правительства были отнюдь не только альтруистическими и не были направлены исключительно на помощь оппозиции. Закрытие границ, исключение из международных организаций и изоляция затянулись, а в 2023 году возникают протесты против военного правительства.

В рамках доклада будет представлено, какие именно политические, экономические и социальные причины повлияли на решение военных осуществить переворот. В частности, военный переворот в Гвинею будет проанализирован с точки зрения современной теории военных переворотов, финансирования военных, а также с точки зре-

ния регионального и глобального контекстов. Также будет разобрана траектория гвинейской политики после переворота, и те проблемы, которые в настоящий момент отягощают страну.

Leonid M. Issaev

HSE University; Institute for African Studies, Moscow, Russia

Natalia R. Krasovskaya

Center for Public Diplomacy, Moscow, Russia

The Roots of Coup in Niger 2023

The analysis of the post-colonial history of Niger made it possible to single out two national-separatist revolutionary episodes and two Islamist ones, along with one revolution analogue (which can be considered as part of the Fifth revolutionary wave of the 20th century) and one “coup-volution” (2009–2010). In addition, the quasi-revolutionary episode (with a pronounced influence of the center-peripheral dissonance effect) of February 2021 and the military coup attempt of March 2021 are analyzed as indicators of the possibility of new coup-volutionary and other destabilizing events. Finally, against this background, authors analyze the 2023 coup in Niger. It is demonstrated that an escalated intra-elite conflict that started to fester as soon as Mohamed Bazum was elected president in 2021 was the cause of the military coup. Then, in March 2021, before the inauguration in Niger, an unsuccessful coup attempt was made. A disagreement between Mohamed Bazum and his predecessor, Mahamadou Issoufou, inside the ruling Party for Democracy and Socialism may have become apparent by the middle of 2023. The Nigerian security forces, led by Abdrahman Tchiani, the head of the Presidential Guard, and Salifou Modi, the former and current Chief of the General Staff, as well as Abdou Issa, who opposed the current president, spoke the final word.

Л.М. Исаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт Африки Российской академии наук, Москва

Н.Р. Красовская

Центр народной дипломатии, Москва, Россия

Корни переворота в Нигере 2023 г.

Анализ постколониальной истории Нигера позволяет выделить

два национально-сепаратистских революционных эпизода и два исламистских, а также один аналог революции (который можно рассматривать как часть Пятой революционной волны XX века) и одну «куволюцию» (2009–2010 гг.). Кроме того, квазиреволюционный эпизод (с выраженным влиянием эффекта центр-периферийного диссонанса) февраля 2021 г. и попытка военного переворота марта 2021 г. анализируются как индикаторы переворота 2023 г. Показано, что военный переворот 2023 г. стал следствием обострившегося внутриэлитного конфликта, который начал вызревать с момента избрания Мохамеда Базума на президентскую должность в 2021 г. К середине 2023 г. наметился конфликт внутри правящей Партии за демократию и социализм между Мохамедом Базумом и его предшественником Махамату Иссуфу. Решающее слово сказали нигерские «силовики». Недовольство военных из-за ужесточения контроля над оборонными контрактами и активного присутствия в стране французского военного контингента также стало одной из важных причин свершившегося переворота.

Islamist State Building in Africa: The Case of Somalia

“Al-Shabab” is one of the largest and most prominent terrorist groups operating in Somalia since the early twenty-first century. The full name of the group is Harakat al-Shabaab al-Mujahideen, which translates as Mujahideen Youth Movement. The self-proclaimed goal of the group is to fight against foreign powers and those who promote their interests in Greater Somalia, as well as the establishment of Islamic rule in these lands. The organization's activities are not limited to Somalia, but also affect other countries, especially Kenya, Ethiopia and Djibouti. Al-Shabab is also currently the most active al-Qaeda affiliate in the world.

The 2023 escalation between the federal government in Mogadishu and al-Shabaab has been one of the most active in the past decade. Despite counter-terrorism operations, the organization still maintains control over vast areas where it is attempting its own state building.

The report aims to analyze the state building process and the policies implemented by Al-Shabab in the areas of security, religion, health and education.

The report draws on field research conducted in Somalia in May 2023 and applies qualitative content analysis of Al-Shabab media products.

Within the report, the following key points are presented for discussion:

1. As of 2023, there are signs of Al-Shabaab’s ideological transformation and the organization's changing role in Somali society, which may indicate a gradual abandonment of global jihadist ideas and a complete transition to local state building.

2. One of the most important factors that has given Al-Shabaab broad popular support is its relatively inclusive policy towards marginalized clans.

3. Al-Shabab's successes in providing relative security and the formation of Islamic courts that are fairer in the eyes of the local population than similar secular institutions have greatly contributed to the organization's strength in the various provinces of Somalia.

4. The example of Al-Shabaab in Somalia is likely to be used

and adopted by other Islamists, especially in Africa.

М.-А.И. Аскеров

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург и Москва, Россия

Государственное строительство исламистов в Африке: кейс Сомали

«Аш-Шабаб» – одна из крупнейших и наиболее известных террористических групп, действующая в Сомали с начала XXI-го века. Полное название группировки – «Харакат Аш-Шабааб аль-Муджахидин», что переводится как «Молодежное движение моджахедов». Самопровозглашенной целью группировки является борьба против иностранных держав и тех, кто продвигает их интересы на территории Большого Сомали, а также установление на этих землях исламского правления. Деятельность организации не ограничивается Сомали, а затрагивает и другие страны, особенно Кению, Эфиопию и Джибути. На данный момент «Аш-Шабаб» является также наиболее активным филиалом «Аль-Каиды» в мире.

В 2023-м году эскалация между федеральным правительством в Могадишо и «Аш-Шабааб» стала одной из самых активных за последнее десятилетие. Несмотря на проведение контр-террористической операции, организация по-прежнему сохраняет контроль над обширными территориями, где осуществляет попытку собственного государственного строительства.

Целью доклада является анализ процесса государственного строительства и политики, проводимой Аш-Шабаб в сферах безопасности, религии, здравоохранения и образования.

В докладе используются результаты полевого исследования, которое было проведено в Сомали в мае 2023-го года, а также применяется качественный контент-анализ медиапродукции организации «А-Шабаб».

В рамках доклада на обсуждение выносятся следующие базовые тезисы:

1. На момент 2023-го года прослеживаются признаки

идеологической трансформации «Аш-Шабааб» и изменение роли организации в сомалийском обществе, что может говорить о постепенном отказе от идей глобального джихада и полном переходе к локальному государственному строительству.

2. Одним из важнейших факторов, который обеспечил «Аш-Шабааб» широкую поддержку населения, является относительно инклюзивная политика в отношении маргинализированных кланов.

3. Успехи «Аш-Шабааб» в сфере обеспечения относительной безопасности и формирование исламских судов, которые являются более справедливыми в глазах местного населения, нежели аналогичные секулярные институты, в значительной мере способствуют укреплению организации в различных провинциях Сомали.

4. Пример «Аш-Шабааб» в Сомали с высокой долей вероятности будет использоваться и перениматься другими исламистами, особенно в Африке.

Vladimir E. Gabischev
Tyumen State University, Russia

Implementation of the Main Provisions of the International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism in Africa in the Context of the Development of Nuclear Energy on the Continent

В.Е. Габышев

Тюменский государственный университет, Россия

Имплементация основных Положений Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма в Африке в контексте развития атомной энергетики на континенте

Угроза ядерного терроризма несколько последних десятилетий является одной из актуальных тем научного и политического анализа. На этом фоне были созданы многочисленные национальные и международные юридические и политические инструменты и программы, призванные сократить риски такой угрозы.

В начале 2000-х годов всплеск терроризма в разных странах вывел эту тему на новый уровень в связи с потенциальной готовностью преступников применить оружие массового уничтожения. К 2010г. были открыты к подписанию международные конвенции, а также приняты межгосударственные инициативы, послужившие основой современного глобального режима противодействия актам ядерного терроризма.

В контексте современного этапа развития атомной энергетики и ядерных технологий необходимо рассмотреть процесс имплементации основных Положений Международной Конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма.

В нашей работе анализ проблемы представлен на примере государств Африканского континента, в которых отмечается высокий интерес к развитию национальной атомной отрасли и международному сотрудничеству в ядерной сфере. В их числе можно назвать ЮАР, Египет, Марокко и Танзанию.

В частности, особый интерес представляет реализация в этих

странах п.4 ст.7 (о создании национальных компетентных органов по взаимодействию с МАГАТЭ в сфере использования ядерной энергии в мирных целях и противодействию актам ядерного терроризма), а также ст.18 (об исполнении основных требований по физической защите ядерных материалов и установок).

Помимо этого, в работе представлен анализ национальных законодательств с точки зрения экспортного контроля, а также участия государств в международных системах гарантий МАГАТЭ по INFCIRC/66/Rev.2, INFCIRC/153, INFCIRC/540.

Отдельно затронут аспект киберзащиты ядерных материалов и установок в странах, эксплуатирующих атомные электростанции, а также существующая в вышеуказанных государствах практика обращения с облучённым ядерным топливом и радиоактивными отходами.

PANEL VIII
NATION BUILDING IN POSTCOLONIAL AFRICA:
IDEOLOGIES AND PRACTICES

Dmitri M. Bondarenko

Institute for African Studies; Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Neotraditionalism and Nation Building in Postcolonial States*

In post-colonial states, an appeal to the historical past for the construction of national identity acquires great importance. The postcolonial state has extensive opportunities for manipulating the historical (otherwise called social or cultural) memory of citizens in the name of achieving national unity. It has become especially important since the 1980s and 90s due to the failure of attempts to copy political models based on European theories and experience and therefore turning to “neotraditionalism” as an ideological basis in attempts to rally citizens around authorities. What makes it possible is the eclecticism of public consciousness and collective picture of the world generated by colonialism and strengthened by the transformations of the postcolonial era. Colonialism changed identities of the colonized, and the appeals to precolonial identities themselves are generated by colonialism. At the same time, neotraditionalism is rooted in the non-destruction under colonialism, despite all the colossal changes that took place during that period, but the transformation – partly just distortion, partly “modernization” – of the prenational, premodern sociocultural foundations of African cultures. It manifests itself in different spheres of post-colonial societies’ life, including political, also beyond the conscious policy of states. This is because the bearers of state power simply exploit, directing and strengthening, neotraditionalist tendencies in societies, but do not generate the phenomenon of neotraditionalism as such, since in many non-Western versions of modernity, especially African, neotraditionalism is an attribute of the modern cultures of the postcolonial peoples themselves. Political democratization suppresses odious manifestations of neotraditionalism but not neotraditionalism as such. Neotraditional relationships, of course, do not absorb all the diversity of types of relationships in socially

and culturally very multi-layered postcolonial societies. However, it should be noted that today, they find areas of implementation in public consciousness and practice, and there is even a tendency to expand these areas.

*The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project # 23-18-01091, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01091/>).

Д.М. Бондаренко

Институт Африки Российской академии наук;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Неотрадиционализм и нациестроительство в постколониальных государствах*

В ситуации постколониальности апелляция к историческому прошлому для конструирования национальной идентичности приобретает большое значение. Постколониальное государство имеет обширные возможности для манипулирования исторической памятью граждан во имя достижения национального единства. Использование исторической памяти приобрело особенно большое значение с 1980–1990-х гг. в связи со ставшим к этому времени очевидным провалом попыток скопировать основанные на европейских теориях и опыте модели политического устройства и потому с обращением к «неотрадиционализму» как идеологической основе, на которой можно пытаться сплачивать граждан вокруг власти в условиях порожденной колониализмом и многократно усиленной трансформациями постколониальной эпохи культурной эклектичности общественного сознания, коллективной картины мира. Колониализм изменил идентичности колонизированных, и сами апелляции к доколониальным идентичностям порождены колониализмом. В то же время неотрадиционализм коренится в неуничтоженности при колониализме, несмотря на все произошедшие в тот период колоссальные изменения, но трансформированности – отчасти просто искаженности, отчасти «осовремененности» – донациональных, досовременных социокультурных первооснов африканской цивилизации. Он проявляет себя в разных сферах и помимо осознанной политики государств, т.к. носители государственной власти просто эксплуатируют, направляя и усиливая, неотрадициона-

листские тенденции в обществах, но не порождая сам феномен неотрадиционализма, поскольку во многих незападных вариантах модерна неотрадиционализм является атрибутом самих современных культур народов этих стран. Одно из следствий того, что неотрадиционализм – явление в постколониальных странах общекультурное, а не узкополитическое, заключается в том, что политическая демократизация в них, приводя к исчезновению одиозных проявлений неотрадиционализма в сфере властвования, не пресекает неотрадиционализм как таковой. Более того, как любое радикальное общественное изменение, демократизация выбивает людей из привычной жизненной колеи, лишает однозначности и определенности сознание индивидов и масс. И на этом фоне неотрадиционализм не только не исчезает, но, напротив, охватывает все более широкие слои населения. Неотрадиционные отношения, конечно, не вбирают в себя все многообразие типов отношений в социально и культурно очень многослойных постколониальных обществах. Однако нельзя не отметить, что сегодня они находят сферы воплощения в общественном сознании и практике, и даже просматривается тенденция к расширению этих сфер.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01091, <https://rscf.ru/project/23-18-01091/>.

Nadezhda E. Khokholkova

Institute for African Studies; Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Decolonization of Knowledge and Education in Africa in the Context of Nation Building Processes*

Decolonization is a long and still ongoing process, which has several phases and display itself (as colonialism) in different dimensions: political, economical, cultural. In a sense, the process of decolonization is a motion from universalization to pluralization, from the generalization and polarization of the experiences of people to diversification of it. As a lengthy historical process, the decolonization of knowledge has been developed in accordance with the rules of its own chronotope, through ups and downs, inside and outside of the African continent.

Decolonization of knowledge, especially in African studies, is not a novel concept, but it has taken on increased importance in recent decades. Since the mid-20th century, Claude Ake, Cheikh Anta Diop, Kenneth Kaunda, Kwame Nkrumah, and Julius Nyerere, among other African leaders, public and political figures, and members of academia have been actively involved in the process of shaping new principles, methods, and approaches for the study of African history and culture. These efforts were perceived by them as a significant step on the way towards the building of a nation.

Decolonization as a process of deconstruction, regardless of which spheres it is associated with, involves three key stages. The first stage is the identification of obvious contradictions and conflicts within a particular system, the second is the “dismantling” of the entire system or its elements, and finally the third is the reinvention of this system. In its turn, decolonization of knowledge consisted of three phases: 1) awareness of the crisis and finding inconsistencies; 2) deconstruction of the old epistemes, methodologies, and epistemologies; 3) creation of new epistemes, narratives, methodologies, epistemologies and educational programmes.

*The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project # 23-18-01091, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01091/>).

Olalekan Moyosore Lalude

Wisconsin International University College, Accra, Ghana

Yinka Olomjobi

Babcock University School of Law and Security Studies,

Ilisan-Remo, Nigeria

Exploring Ethnicity and Its Influence on Constitutionalism in West Africa: Recognizing the Deadweight from a Colonial Past

Ethnicity can bring about social divisions and can also be a salient point of identity in West Africa. This is because of colonial legacies that have marked the social and political landscapes of states in West Africa. The influence of ethnicity on West African constitutionalism is significant in navigating a colonial past and in charting a new political future for West African states. This paper examines the role of ethnicity in constitutionalism in West Africa and its historical roots in colonialism. A comparative analysis would be conducted on the constitutions of Ghana and Nigeria. Content analysis would be done on journal articles, book chapters and other secondary texts. The paper argues that ethnicity has been a significant factor in shaping constitutionalism in West Africa, leading to challenges in state-building, governance, and democratic consolidation. The paper further asserts that this phenomenon can be traced to the legacies of colonialism, which promoted ethnic division as a tool for domination and control. The paper advocates for a re-examination of constitutionalism in West Africa that takes into account the influence of ethnicity and the need to address the deadweight of a colonial past. The paper concludes by recommending the adoption of inclusive and participatory constitutional processes that recognize the diversity of West African societies and promote a shared national identity.

Stanislav B. Beletskiy
HSE University, Moscow, Russia

**How Vigorous is Vigorous Enough to Embrace the Development?
The Case of Ethnolinguistic Identity of (Wa)Gogo in Central Tanzania**

The study aims at evaluating adaptive potential of Gogo language spoken in Dodoma, the capital region of Tanzania, amid drastic urbanization of the last decade. Historical review of the language ecology in the region helps to identify disturbing linguistic contacts and the way the language responded to it thus moving through the four phases of the adaptive cycle postulated by the theory of resilience linguistics: growth, conservation, release, reorganisation. The Bantu-Cushitic contact (14th-17th centuries) lead to the emergence and growth of Gogo koine. The Bantu-Nilotic contact (18th-19th centuries) resulted in the growth (vocabulary expansion) and the conservation of the koine (retention of the achieved complexity). The Bantu-Bantu (Hehe) contact (19th century) had as its effects both release and reorganisation of the achieved complexity in the southern part of Gogo areal (amalgamation with Hehe and formation of the mixed language variety Citiliko) and growth and conservation of the language on the rest of its territory. The Gogo-Swahili/English vertical contact (20th century) was the key to the release of the koine and the creation of the tribal and linguistic (that is ethnolinguistic identity) which serves as the backbone of the language vitality nowadays.

Valentina N. Bryndina

Institute for African Studies; Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

**“Kwaheri Ukoloni, Kwaheri Uhuru!”:
A Manifesto of Zanzibari Nationalism?***

In the 2010 book "Kwaheri Ukoloni, Kwaheri Uhuru!" (Swa. "Goodbye Colonization, Goodbye Independence!") Harith Ghassani, a Zanzibari intellectual and professor based at Sultan Qaboos University in Oman, presents his personal interpretation of the Zanzibar Revolution of 1964. Dating back to the early days of the United Republic of Tanzania, this event has been a fundamental aspect of both the continental and insular historical discourses. The first, being official, defends the idea of building a united Tanzanian nation, within its framework the revolution of 1964 appears to be an event that put an end to Arab rule in Zanzibar and thereby granted the inhabitants of the island genuine independence and freedom (Swa. Uhuru halisi). The second discourse promotes a separatist perspective and values the cultural and historical identity of Zanzibar, while the revolution's proclaimed independence is viewed as a false independence (Swa. Uhuru bandia). The paper examines the ideas outlined in the above-mentioned book, as well as how they are used in modern political struggle.

*The study was realized with support of the Russian Science Foundation (Project # 23-18-01091, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01091/>).

В.Н. Брындина

Институт Африки Российской академии наук;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**“Kwaheri Ukoloni, Kwaheri Uhuru!”:
манифест занзибарского национализма?***

В книге 2010 г. «Kwaheri Ukoloni, Kwaheri Uhuru!» (суах. «Прощай, колониализм, прощай, свобода!») Харис Гассани - занзибарский интеллектуал, профессор Университета султана Кабуса в

Омане, излагает собственное видение Занзибарской революции 1964 г. Это событие с первых дней существования Объединенной Республики Танзании являлось краеугольным камнем двух сосуществующих исторических дискурсов – континентального и островного. Первый, будучи официальным, отстаивает идею построения единой танзанийской нации, в его рамках революция 1964 г. представляется событием, положившим конец арабскому правлению на Занзибаре и тем самым даровавшим жителям острова подлинную независимость и свободу (суах. Uhuru halisi). Второй дискурс является сепаратистским, он отстаивает культурно-историческую самобытность Занзибара, а независимость, которую принесла революция расценивается как фальшивая (суах. Uhuru bandia). В докладе будут рассмотрены идеи, изложенные в вышеупомянутой книге, а также то, как они применяются в современной политической борьбе.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01091, <https://rscf.ru/project/23-18-01091/>.

Anna Siim Moskvitina

Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg;
St. Petersburg State University, Russia

Alternative Ethno-Cultural and Ethno-Religious Identities in African Diasporas and Post-Colonial Africa

Emergence and re-invention of new ethno-cultural identities in African diasporas in Americas started already in the times of slavery and increased after its abolition. Growing awareness of having common African roots and sharing common fate, led to the development of homogenous communities like Afro-Brazilians, Afro-Guyanese, Afro-Cubans, Afro-Hispanics etc., and to the shaping of new ethnically or pseudo-ethnically based identities (*naçaos* in Brazil). Among the latter, we can mention Yoruba, or the transnational *world Yoruba identity* (Port. *Yorubanidade mundializada*), as a cultural and religious concept that unites the Yoruba in West African countries and their descendants and followers in Americas. Another model of Afro-Brazilian and African-American solidarity focuses on Afro-Islam which is generally a form of West-African Islam re-invented and unified by communities in diasporas of Afro-descendent people. Different in their ideology and content, neo-Yoruba and neo-Afroislamic concepts share similarities in their attitude to the ancestral heritage.

Likewise, in post-colonial Africa, we come across such constructed identities. The concept of *Afrabia* by the Kenyan-born American political scientist Ali A. Mazrui (1933-2014) was the result of his anti-orientalistic interpretation of political history in East Africa and his civilizational insight. *Afrabia* is both a syncretic culture merge and an identity that has been developing through contacts of Arabs and Africans. Being an *Afrabian* (kiSwah. *Mwafrabia*) may imply a multilevel identity in genealogical, cultural and ideological dimensions. Rooted mainly in East Africa, *Afrabia* was in a sense a response to the major reshuffle of ethno-social hierarchy in young independent states of the region and the nation building policies in Kenya and Tanzania. Despite being criticized for faulty historical generalizations, the message of *Afrabia* was deeply anti-colonial in its character, and the definition itself corresponded appropriately to certain groups of population.

PANEL IX
CONTEMPORARY AFRICA:
ON THE WAY OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Gerson Brandão
Leiden University, Netherlands

Africa on the Spotlight, 5 Years of Summits: From 2019 to 2023
(Opportunities for Sustainable Development Aiming at 2063)

Nearly half the world's known reserves of gold and one-third of all minerals required to fuel the energy transition are in Africa, which is also likely to be housing a quarter of world's population by 2050 (ISS, 2023). Under this backdrop, it is not an overestimation to state that: there is no future without Africa! Thus, now that the ball is on African leaders' side, it's time to make the best possible moves for the well-being of the continent which ultimately is directly linked to the well-being of mankind. Therefore, this paper will look at the purposes of 5 (five) years of high-level meetings where African decision-makers were coveted, from São Paulo to Istanbul to Montpellier and beyond.

If the US – African leaders' summit in December 2022 was considered one of President Biden's top foreign policy priorities and the first opportunity for the president, elected in 2020 to reset African – US relations following the defeat of Donald Trump who didn't travel to any country in the African continent while at the White House or yet, the TICAD – Tokyo International Conference on African Development – which had its 8th edition in Tunis, in August 2022 may be seen as the continuation of long standing partnerships. There have been new moves in the African horizon with the first Saudi – Africa summit in November 2023, in Riyadh or the 2nd Russia – Africa summit at the majestic city of Saint Petersburg. Therefore, it is relevant to try to unfold the outcomes of those different prominent events into the set of initiatives proposed and currently under implementation by the African Union's Agenda 2063 – a flagship for achieving inclusive and sustainable socio-economic development on the African continent.

Elena V. Kharitonova

Institute for African Studies, Moscow, Russia

**Strategic Choice of the Youth of North Africa and the Middle East
in the Context of Stability, Sustainable Development and Security:
A Course towards Sovereignty and Subjectivity
(Based on the Results of Empirical Studies of Social Representations)**

The study was conducted according to the author's methodology of ranking options for the strategic development of the region. Respondents were offered the following options: Strengthening military force, Improving the legal field; National idea; Implementation of a religious project; Interfaith harmony, Orientation to international law; Integration with Western countries; Interaction with Asian states; Cooperation with Russia; Isolation from external influences, sovereignty. The three most significant trends of regional development in the context of security and sustainable development are identified. The first is a focus on the Law, overcoming corruption, strengthening power within the country. The fight against corruption is called a priority task, noting that "only the strong power of the president and parliament can ensure national security." The second most important trend is the orientation towards interethnic and interfaith consensus. It should be noted that the uniqueness of the studied region lies in the fact that confessional affiliation continues to dominate the national identity, and this can both consolidate and mobilize society and strengthen the conflict potential. Respondents consider the trend of militarization and access to modern weapons of deterrence to be the third most important, which is associated with the tense military-political situation in the region, terrorist threats, and insecurity. These factors have worsened as a result of the events of the "Arab Spring" in North Africa, and now as a result of the Palestinian-Israeli conflict, which affects almost all countries in the region. This is followed by the national idea, patriotic education of young people, the need for life goals and guidelines. According to the respondents' comments, it is necessary to combine the past (respect for traditions) and the future (goals). Orientation to International Law (UN) received only 5.1% of the elections. The following positions relate to the partnership of the countries of North Africa and the Arab East with the countries of the West and Asian States. The results indicate the low importance of this partnership in the system of re-

spondents' social perceptions. Today, the region does not consider such a partnership as a positive trend in regional development. Russia is seen as a guarantor of security and a potential partner in the fight against neocolonialism. According to the results of the study, the countries of North Africa and the Middle East are focused on isolation from external influences, their own path of development, strengthening regional cooperation and preserving sovereignty.

Е.В. Харитонова

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Стратегический выбор молодежи Северной Африки и Ближнего Востока в контексте стабильности, устойчивого развития и безопасности: курс на суверенитет и субъектность (по результатам эмпирических исследований социальных представлений)

Исследование проведено по авторской методике ранжирования вариантов стратегического развития региона. Респондентам предлагались следующие варианты: Укрепление военной силы, Совершенствование законодательного пространства; Национальная идея; Реализация религиозного проекта; Межконфессиональное согласие, Ориентация на международное право; Интеграция со странами Запада; Взаимодействие с азиатскими государствами; Сотрудничество с Россией; Изоляция от внешних влияний, суверенитет. Выявлены три наиболее значимых тенденции регионального развития в контексте безопасности и устойчивого развития. Первая – ориентация на Закон, право, преодоление коррупции, усиление власти внутри страны. Первоочередной задачей называют борьбу с коррупцией, отмечая, что «только сильная власть президента и парламента может обеспечить национальную безопасность». Вторая по значимости тенденция – ориентация на межэтнический и межконфессиональный консенсус. Следует отметить, что уникальность изучаемого региона состоит в том, что конфессиональная принадлежность продолжает доминировать над общенациональной идентичностью, и это способно как консолидировать и мобилизовать общество, так и усилить конфликтный потенци-

ал. Третьей по значимости респонденты считают тенденцию милитаризации и доступа к современному оружию сдерживания, что связано с напряженной военно-политической ситуацией в регионе, террористическими угрозами, отсутствием безопасности. Эти факторы обострились вследствие событий «арабской весны» в Северной Африке, а сейчас вследствие палестино-израильского конфликта, который затрагивает практически все страны региона. Далее следует национальная идея, патриотическое воспитание молодежи, потребность в жизненных целях и ориентирах. По комментариям респондентов, необходимо соединение прошлого (уважение к традициям) и будущего (цели). Ориентация на международное право (ООН) получила всего 5,1% выборов. Следующие позиции касаются партнерства стран Северной Африки и Арабского Востока со странами Запада и азиатскими государствами. Результаты свидетельствуют о низкой значимости этого партнерства в системе социальных представлений респондентов. Сегодня регион не рассматривает такое партнерство в качестве позитивной тенденции регионального развития. Россию рассматривают как гаранта безопасности и потенциального партнера в борьбе с неокOLONIALИЗМОМ. По результатам исследования, страны Северной Африки и Ближнего Востока ориентированы на изоляцию от внешних влияний, собственный путь развития, укрепление регионального сотрудничества и сохранение суверенитета.

Beatrice Mkunde

Tanzania Institute of Accountancy, Dar es Salaam

Retirement Planning and Post-retirement Adoptions

While employees are considered to retire when they reach their age or years of service requirement, the intriguing question to pre-retirees is when to retire and what to do post-retirement. The primary purpose of this study was to understand how employers empower retirees to positively adjust to a new lifestyle post-retirement as sufficient preparation results in a prudent level of healthy, active, quality and fulfilled post-employment life. A cross-sectional study employed both quantitative and qualitative research approaches. The study used purposive and snowball techniques to target retirees, pre-retirees, and human resource officers in Moshi Urban and Rural districts. Qualitative content analysis and simple quantitative data analysis procedures were employed to analyze data. Overall, findings indicate insufficient comprehensive preparation and a low understating of pension schemes and benefits by retirees, constraining the transition to a post-retirement lifestyle. The study also shows that positive adjustment is a function of past job status, work history, gender, previous leisure habits, saving habits and marital relationship. Study findings have implications for government and employers to have policies and practices that prepare employees for disengagement. There is a need for community members to strengthen family values, positive attitudes, relationships, and social activities post-retirement for a relaxed transition to retirement.

Sadia Rita Sonia Vangraua

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

The Role of African Women in the Development of Modern Africa

Introduction. Africa has been changing dynamically in recent years and has left African leaders with new challenges. It is worth noting that to meet these new and complex challenges, women can play a huge role. The activism of African women in finding answers to address several sustainable development challenges of African countries and their participation in the political, economic and social life of Africa proves that African countries need to capitalize on the potentials that African women have.

The African Union's African Development Vision and a number of African Community programmes emphasize the strengthening of the role of women in all spheres of life on the African continent. The empowerment of African women is therefore a priority and a key condition for the sustainable development of African countries.

Purpose of the paper. This paper examines the role of African women in contemporary African society.

Methods applied by the author. In the course of the study, the author relied on political science principles and methods of analysis and synthesis of systemic, historical, chronological, functional and logical approaches. As well as the works of sociologists and political scientists on the problems of socio-political and economic role of women in society.

Results of the study. The significant socio-political potential of African women and their role in the development of the African continent is shown.

С.Р.С. Ванграуа

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва

Роль африканских женщин в развитии современной Африки

Введение. За последние годы Африка динамично меняется и оставляет перед африканскими лидерами новые задачи. Следует отметить, что для решения этих новых и сложных задач женщины могут иг-

рать огромную роль. Активность африканских женщин в поиске ответов для решения ряда проблем устойчивого развития стран Африки и их участие в политической, экономической и социальной жизни Африки доказывает, что африканским странам необходимо пользоваться потенциалом, который имеют африканские женщины.

В концепции развития Африки Африканского союза и ряда программ африканских сообществ особое место уделяется вопросам усиления роли женщин во всех сферах жизни африканского континента. Следовательно, расширение прав и возможностей африканских женщин является одним из приоритетов и ключевых условий для устойчивого развития стран Африки.

Цель работы. В данной работе рассматривается роль африканских женщин в современном африканском обществе.

Методы, примененные автором. В ходе исследования автор опирался на политологические принципы и методы анализа и синтеза системного, исторического, хронологического, функционального и логического подходов. А также труды социологов и политологов по проблемам социально-политической и экономической роли женщины в обществе.

Результаты исследования. Показан значительный социально-политический потенциал африканских женщин и их роль в развитии африканского континента.

Ivan A. Zakharov

Institute for African Studies, Moscow, Russia

Pentecostal Churches in the Socio-political Life of African Countries

Pentecostalism has spread throughout the world rapidly since its emergence in the early 20th century. Its presence has become especially noticeable in Africa, where this religion has found many followers. Thanks to the large-scale missionary activity that covered almost all African countries the number of Pentecostals in Africa in 2015 exceeded 200 million people. The largest Pentecostal communities are concentrated in Nigeria, South Africa, DR Congo, Kenya, Ghana, Ethiopia and other countries. Although Pentecostalism is usually considered as a diverse religious movement Pentecostal churches are now consolidating into unions and umbrella structures in certain African States. Among other things it allowed some of them to transform into important socio-political actors. It has been established that in some countries where large Pentecostal communities are concentrated, their mobilization potential is higher than that of State institutions. Consequently, since the end of the 20th century, Pentecostals have begun to infiltrate in government structures. They are represented not only with individual politics but also as political parties, youth and charitable organizations, non-governmental organizations, etc. As a result, the Pentecostal ideology has become widely visible in public space outside the community of followers of this religion. Among other things some Pentecostal or quasi-Pentecostal organizations attracts attention with its radicalization, especially in multi-religious countries, for example, in Nigeria. The author explores the dynamics of the involvement of such religious organizations in the socio-political life of Africa in different waves of Pentecostalism: Classical Pentecostalism (early 20th century – 1960s), Charismatic movement (1960s–1980s), Neo-Charismatic movement (since 1980s). For this purpose, the main features of Pentecostalism at different waves and the specifics of the historical context were determined, the spatial patterns of localization of Pentecostal communities are established, the main socio-political activities of Pentecostal organizations are characterized on the example of individual countries with the focus on Ethiopia.

И.А. Захаров

Институт Африки Российской академии наук, Москва

Пятидесятнические церкви в общественно-политической жизни африканских стран

Пятидесятничество – одна из наиболее стремительно растущих направлений протестантизма, которое считается одним из важных проводников процессов глобализации. Его присутствие стало особенно заметным в развивающихся регионах мира, в первую очередь в Африке. С момента своего возникновения в начале XX века эта религия нашла своих последователей практически во всех странах макро-региона. Благодаря эффективной миссионерской деятельности к 2015 г. их число превысило 200 млн, а пятидесятничество стало второй по величине христианской конфессией на континенте после католицизма. В настоящее время крупнейшие общины пятидесятников сосредоточены в Нигерии, Южной Африке, ДР Конго, Кении, Гане, Эфиопии и других странах. Несмотря на то, что пятидесятничество обычно рассматривается как мозаичная общность многочисленных церквей, в ряде африканских государств наметилась тенденция к их консолидации в союзы и зонтичные структуры. Среди прочего, это позволило некоторым из них трансформироваться в важные социально-политические акторы, составляющие конкуренцию государственным институтам. В некоторых случаях это провоцирует радикализацию отдельных пятидесятнических лидеров, что характерно для поликонфессиональных стран. Автором проанализирована пространственная динамика пятидесятничества в Африке с момента его возникновения до начала XXI века; определено соотношение компонентов роста этой религиозной общины; дана оценка мобилизационного потенциала пятидесятнических церквей как важного социально-политического актора, а также описаны механизмы достижения политических целей на разных этапах исторического развития этой конфессии.

Jason Nkyabonaki

Dr Salim Ahmed Salim Centre for Foreign Relations,
Dar es Salaam, Tanzania

**The Image of Public Administration in Post-independence Tanzania:
Opinion from the Grassroots at Toangoma Ward,
Temeke Municipality, Dar es Salaam**

The post-independence Tanzania inherited the Westminster constitution that had the character as that of the colonial epoch. The early reforms of Public Administration began in 1962 when Tanganyika became a Republic under the presidency of Mwalimu Julius Kambarage Nyerere. Since then, the gearing forward of policies intended to Africanization, the government to deliver services efficiently and effectively. This was done through establishing a framework of identifying the enemies of an independent nation that were poverty, ignorance, and diseases. The study methodology approach was qualitative, and the sample was purposively selected to ensure the opinion of respondents cater for the objective of the study. The focus group discussion and in-depth interviews were employed. The key findings have revealed that the image of the public administration in Tanzania is mixed. The retired respondents who worked during Nyerere's time believed the subsequent governments could not anchor on what Nyerere had done particularly on human welfare. Moreover, the mid aged respondents argued that the public administration today has malpractices such as corruption, embezzlement, and self-aggrandizement. Women respondents applauded the fifth phase administration to have been placed Tanzania on the image of being a great country in Africa and across the globe through fighting corruption and service delivery. The study concludes that the image of public administration in Tanzania is still of a mixed opinion regarding one's experience and levels of involvement. The study recommends is the institutionalization of public administration in Tanzania to be accomplished through policy coherence so that the citizenry see the continuity of the government.

Paul Mtasigazy

Tanzania Institute of Accountancy, Dar es Salaam

**Performance Related Pay on Public Sector Employees' in Tanzania:
Experience from the Past and Present Health and Education Sectors**

This paper is broadly based on examining the application and justification of performance related pay in the public sector as well as the challenges that a Tanzanian manager can face in an endeavour to implement the scheme in the public sector. Performance related pay schemes are increasingly being implemented in low income countries to improve service coverage and quality. This paper examines the justification within which performance related pay was introduced in Tanzania and discusses the potential challenges for performance related pay to address public service system constraints so as to meet targets. With this thrust of argument, this paper uses health and education sectors to examine the applicability of Performance Related Pay in Tanzania.

This paper will use both qualitative and quantitative approaches, case study design and data will be collected through in-depth interviews undertaken with health and education workers and regional, district and facility managers and documentary review. Sample size will be 90 respondents selected through purposive sampling. It used both qualitative and quantitative approaches, case study design and data were collected through interview and documentary review. Sample size was 90 respondents selected through purposive sampling. Thematic data analysis and descriptive statistics will be used in data analysis. This paper is expected to contribute to an understanding of performance related pay in Tanzania and its potential challenges in both health and education sectors.

Hamisi Mathias Machangu
Institute of Adult Education, Dar es Salaam, Tanzania

Departures from the Design: Abuse of Ethics in Chloroquine Experiments and Unscientific Treatment-Seeking Behaviour for Malaria in Muheza District, 1980–2000

Unethical practices in experimentation of chloroquine drug for its safety and efficacy in the treatment of malaria featured in Muheza district in Tanzania. The testing of chloroquine, which was the first line for the treatment of malaria was very high between 1980 and 2000 because of its serious failure which started during the 1970s. However, participants needed protection from harm that resulted from the experimented drug. Although it was established that experimentation of chloroquine was of beneficial to participants, their involvement was not carried out in line with international ethical standards. The findings of this study provide a justification that some researchers from the National Institute for Medical Research (NIMR) at Amani Centre did not abide by ethical standards as regards the experimentation of drugs on human subjects. The findings also reveal that unethical experimentation of chloroquine caused death, physical and psychological problems on participants, which made local people practice unscientific treatment-seeking behaviour for malaria.

PANEL X
INDIGENOUS AND TRADITIONAL CULTURES
IN CONTEMPORARY AFRICA

Hosiana Abrahamu
University of Dodoma, Tanzania

**Impacts of the Post-colonial Capital City Development in
Dodoma on Gogo Traditional Land Tenure, 1970s to 2020**

Among many pre-colonial African communities land ownership and use was determined by traditions and customs of such community. The Gogo people of central Tanzania have various customs and traditions which determined ownership, distribution and use of land. These customs prevailed during pre-colonial times. However, in the colonial, and post-colonial times government intervened traditional ways of land tenure and use among the Gogo. Available literature in this area of study examines management, challenges, and conflicts related to land. Studies reveal challenges in implementing and executing land policies in Dodoma urban and Chamwino districts. Notwithstanding with what is known, little is available regarding the extent to which post-colonial capital city developmental intervention reshaped the Gogo customs and traditions on land use and tenure. This paper therefore investigates the changes and continuity of Gogo's traditions and customs regarding land tenure and use. The primary focus will be on how the process of making Dodoma a capital city has shaped such traditions and customs from the 1960s to 2020. The paper will be of significance since it will add knowledge in determining the reasons of land conflict and challenges in the capital city. To achieve this goal, the paper relies on primary and secondary sources such as oral interviews, archival documents, as well as published and unpublished materials.

Marina L. Butovskaya

Daria A. Dronova

Institute of Ethnology and Anthropology; HSE University, Moscow, Russia

Ruslan O. Butovsky

All-Russian Research Institute for Nature Protection, Moscow

Audax Mabulla

University of Dar es Salaam, Tanzania

**Personality Traits, Emotional Empathy and Mutual Help
in Four Traditional African Societies Today:
Cross-cultural Study in Tanzania***

Attitudes to the observance of moral norms and cultural rules are formed in the process of socialization, however, they may vary depending on individual predispositions among representatives of the same culture. Individual personal characteristics can make a significant contribution to our understanding of basic cultural-specific variations in acceptance of modernization processes in Tanzania nowadays. The aim of the study is to assess the relationship between personality profiles, including a five-factor personality model and emotional empathy, and attitudes towards helping fellow tribesmen in representatives of four traditional African societies (Hadza, Maasai, Chagga, and Haya) in modern Tanzania. The research was conducted in 2022–2023 in Tanzania. The total sample size is 760 adults. Along with demographic information the data on personality traits (Big Five Inventory – 10 (Rammstedt, John 2007), and emotional empathy (one of IRI scales) (Davis 1980). Pronounced differences in the types of farming, the peculiarities of the family way of life, apparently influenced the manifestation of the entire spectrum of personal qualities. The variability of assessments on personality traits and empathy in the studied groups are in association with the provisioning of support to other tribesmen. Variations between groups will be discussed in relations to gender and cultural differences. Special attention will be given to the discussion of cultural variations in acceptance of new technologies, education and integration into large-scale Tanzania society.

*The research was conducted in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

Daria A. Dronova
Marina L. Butovskaya

Institute of Ethnology and Anthropology; HSE University, Moscow, Russia

The Practice of the Funeral and Memorial Complex at the Chagga of Tanzania*

The paper will present an analysis of the funeral and memorial complex among representatives of the Chagga ethnic group. The analysis is based on field materials collected during an expedition to Tanzania in 2023. The Chagga is a Bantu-speaking agricultural group living in the Kilimanjaro region; one of the most numerous and educated ethnic groups in Tanzania with a high degree of migration from the home region of residence both inside and outside the country. Nevertheless, the memory of his origin forces Chagga to return to his ancestral estates, including to participate in life cycle ceremonies. Funeral rites and ancestor worship are important events in the life of the Chagga, participating in which each representative of the Chagga perceives himself as part of a single society. The living, the recently deceased, and ancestral spirits represent a single social body. Communication with the ancestors is carried out through ritual offerings and communication with them through a joint meal. Communication during the sacrifice ceremony involves the union of the living and the dead, structuring a network of social connections between the worlds. Funeral and memorial ceremonies have undergone changes due to the spread of Christianity and Islam, but have retained key traditional features. The tradition of exhumation of the remains of a deceased relative and related rituals is largely a thing of the past, preserved in some cases, for example, by the elderly. Kyungu (an open space with a sacred tree served as a gathering place for the clan) and Kifunyi (a sacred place in a banana garden for the reburial of the remains of ancestors and their reunion with the whole family) continue to serve as a link between living and deceased ancestors. As a result of missionary activity, a syncretism of traditional beliefs and world religions (Christianity and Islam) was formed, which was reflected in the rituals of the life cycle.

*The study was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

Д.А. Дронова
М.Л. Бутовская

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Практика похоронно-поминального комплекса у чагга Танзании*

В докладе будет представлен анализ похоронно-поминального комплекса у представителей этнической группы чагга. В основу анализа положены полевые материалы, собранные в ходе экспедиционного выезда в Танзанию в 2023 г. Чагга – бантуязычная земледельческая группа, проживающая в районе Килиманджаро; одна из наиболее многочисленных и образованных этнических групп Танзании с высокой степенью миграции из исконного региона проживания как внутри страны, так и за ее пределы. Тем не менее память о своем происхождении заставляет чагга возвращаться в родовые имения, в том числе для участия в церемониях жизненного цикла. Обряды похорон и почитания предков являются важными событиями в жизни чагга, участвуя в которых каждый представитель чагга воспринимает себя как часть единого социума. Живые, недавно усопшие и духи предков представляют единое социальное тело. Общение с предками осуществляется с помощью ритуальных подношений и коммуникации с ними посредством совместной трапезы. Общение во время церемонии жертвоприношения предполагает единение живых и мертвых, структурирование сети социальных связей между мирами. Похоронно-поминальные церемонии претерпели изменения в связи с распространением христианства и ислама, но сохранили ключевые традиционные черты. Традиция эксгумации останков умершего родственника и связанных с этим ритуалах во многом уходит в прошлое, сохраняется в отдельных случаях, например, пожилыми людьми. Некогда сакральные для чагга места *Kyungu* (открытое пространство со священным деревом служило местом сбора клана) и *Kifunyi* (священное место в банановом саду для перезахоронения останков предков и их воссоединения со всем родом) продолжают выполнять роль связующего звена между ныне живущими и усопшими предками. В результате миссионерской деятельности образовался синкретизм традиционных верований и мировых религий

(христианства и ислама), который нашел отражение и в обрядах жизненного цикла.

*Исследование выполнено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Olga Yu. Zavyalova
St. Petersburg State University, Russia

Spirits in the Modern Manden World (Mali and Guinea)

Despite the fact that Islam was established in West Africa a very long time ago, and in the 2000s it still intensified, traditional spirits are still respected and worshipped. In fact, due to the specifics of Manden culture, they are strongly oriented towards the alien world (animals, plants, spirits). Balance has always been the main rule. The balance went hand in hand with the fact that the Manden peoples never considered anyone a truly good or bad person. If we look at folklore texts, especially the epic stories about Sundiata, we will notice that Sundiata himself was not an ideal hero and his antagonist Sumaoro, accordingly, was not a villain. Spirits, and there are quite a lot of them, were also not considered good or evil, they simply lived side by side with people the same life as they do. It is noteworthy that hunters, who are the main enemies of the animals, are also the main "ecologists" and forest guards.

It is interesting to note that spirits are called *jina* or *jine* (in the Bamana and Maninka languages). The word is borrowed from Arabic although there must have been their own word for spirits. Most likely, this indicates that the spirits were of certain types, and among them there were no ordinary savannah spirits, but there were faro water spirits and forest dwarfs komokuduni or wokilo. There has been some rethinking in the beliefs: some of the spirits have acquired features that are more understandable in the modern world.

In modern society, even the educated people and those in power do not hesitate to try to enlist support of the spirits and make sacrifices to them.

О.Ю. Завьялова
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Духи в современном мире Манден (Мали и Гвинея)

Невзирая на то, что ислам утвердился в Западной Африке очень

давно, а в двухтысячных еще усилился, традиционные духи все еще пользуются уважением и поклонением. На самом деле в силу специфики культуры манден сильно ориентированы на «чужой мир» (зверей, растений, духов). Основным правилом всегда и везде было соблюдение баланса. Баланс сочетался с тем, что манден никого и никогда не считали действительно хорошим персонажем или абсолютно плохим. Если посмотреть фольклорные тексты, особенно эпические сказания о Сундьяте, мы заметим, что сам Сундьята не являлся идеальным, и его антагонист Сумаоро, соответственно, не был злодеем. В сказках при описании чужого мира не встретить характеристик «ужасный», «страшный», «опасный». Духи, а их довольно много, также не считались добрыми или злыми, они просто жили бок о бок с людьми такой же жизнью, как и они. Примечательно, что охотники, которые являются основными врагами мира природы, являются и главными «экологами» и охранниками леса.

Интересно отметить, что духи, называются *jina* или *jine*. Слово заимствованно из арабского языка, хотя для духов должно было быть собственное слово. Скорее всего, это говорит о том, что духи были изначально только определенных видов, и среди них не было обычных саванных духов, а были водяные фаро и лесные карлики комокудуни или вокило.

В современном обществе даже образованные и власть имущие не стесняются попыток заручиться поддержкой духов и приносят им жертвоприношения.

Tariqa of Muridiya in Senegal. Features of Spiritual Practice

Muridiya is one of the most widespread tariqas in Tropical Africa, especially in Senegal, where the majority of the Muslim population (94% of Senegalese) belongs to three tariqats: two imported (Qadiriya and Tijaniya) and one local – Muridiya. The latter unites a third of Senegalese, mainly the Wolof ethnic group. Approximately 33% of Senegalese Muslims belong to this tariqa. Unlike others, this tariqa owes its name not to its founder, but to the Arabic word murid (disciple or aspirant). The Tariqa of Muridiyah was founded in 1883 by the Senegalese Sheikh Ahmad ibn Muhammad ibn Habibullah Bamba Mbaque (1850-1927), more often called Amadou Bamba in the Wolof language.

The peculiarity of muridism is the sanctification of work, which plays as important a role as prayer. “Pray as if you are destined to die tomorrow and work as if you are destined to live forever” (Sheikh Amadou Bamba). The specificity of muridism lies in the strong connection between Marabout, Teacher (Sheikh) and student (Talibe). The student's dependence on Marabout is taken to the extreme. “The truth is in love for your Sheikh, and everywhere, obeying his orders, without showing the slightest resistance, even internally. You must give up your free will, because the Master’s thought is irrefutable” (Sheikh Amadou Bamba). The first young disciples moved into agricultural communities called daara (from the Arabic dairat, "circle") under the guidance of a spiritual Master. Daaras, after the great drought (in 1973), became commercial units, first at the Senegalese national level, then turned into a real international network: from New York to Hong Kong.

Every Senegalese is associated with a marabout for life. Their children face the same fate. Initially an instrument of passive resistance to colonization, then a structure of compromise and cooperation with it (especially for the cultivation of peanuts), since Senegal's independence, the Muridiya tariqa became influential in the political life of this country, like other tariqas: Tijaniya and Qadiriya. Not a single politician, deputy or the president cannot be elected unless he is recognized by the Marabouts of these tariqas.

Тарикат Мюридия в Сенегале. Особенности духовной практики

Мюридия – один из самых распространенных тарикатов в Тропической Африке, особенно в Сенегале, где большая часть мусульманского населения (94% сенегальцев) принадлежит к трем тарикатам: двум привезенным (Кадирия и Тиджания) и одному местному – Мюридия. Последняя объединяет треть сенегальцев, в основном этническую группу волоф. Примерно 33% сенегальских мусульман принадлежат к этому тарикату. В отличие от других, этот тарикат обязан своим названием не своему основателю, а арабскому слову мюрид (ученик или стремящийся). Тарикат Мюридия основан в 1883 г. сенегальским шейхом Ахмадом ибн Мухаммадом ибн Хабибуллой Бамба Мбаке (1850–1927 гг.), которого чаще называют на языке волоф Амаду Бамба.

Особенность мюридизма состоит в освящении работы, играющей столь же важную роль, как и молитва. «Молитесь так, как будто вам суждено умереть завтра, и работайте так, как будто вам суждено жить вечно» (Шейх Амаду Бамба). Специфика мюридизма заключается в прочной связи между Марабутом, Учителем (Шейхом) и учеником (Талибе). Зависимость ученика от Марабута доведена до крайности. «Правда в любви к своему Шейху, и везде, повинуюсь его приказам, не оказывая ни малейшего сопротивления, даже внутренне. Вы должны отказаться от своей свободной воли, потому что мысль Учителя неопровержима» (Шейх Амаду Бамбы). Первые молодые ученики переселялись в сельскохозяйственных общинах, называемых даара (от арабского даират, «круг») под руководством духовного Учителя. Даары после великой засухи (в 1973 году) стали коммерческими единицами сначала на сенегальском национальном уровне, затем превратились в настоящую международную сеть: от Нью-Йорка до Гонконга.

Каждый сенегалец связан с марабутом на всю жизнь. Их детям приписана такая же участь. Первоначально орудие пассивного сопротивления колонизации, затем структура компромисса и сотрудничества с ней (особенно для выращивания арахиса), начиная с обретения

Сенегалом независимости, тарикат Мюридия стал влиятельным в политической жизни этой страны, как и другие тарикаты: Тиджания и Кадирия. Ни один политик, депутат или президент не может быть избран, если он не признан марабутами этих тарикатов.

Maria Makhmutova

Russian State University for the Humanities, Moscow

Islamic Education in North Africa

Islam is practiced by approximately 41% of the population in Africa, with the highest prevalence in the Arab region, specifically in North Africa, where Muslims constitute up to 95% of the population in each country. Such statistics underscore the significance of the peaceful and accurate presentation of Islam to the masses, a responsibility shouldered by universities where future imams undergo their training on theological faculties.

One of the most renowned universities on the continent is Al-Azhar, founded in 970 CE during the Fatimid dynasty. It has undergone a long history from being a madrasa associated with a mosque to becoming one of the most revered Islamic universities globally. Remarkably, Al-Azhar's modern character emerged in the latter half of the 20th century. During the era of socialism in Egypt, it symbolized moderate and secular Islam. However, by the end of the 20th century, it became a fertile ground for the flourishing ideas of the Muslim Brotherhood.

Another venerable center for the dissemination of Islamic theology is the University of Ez-Zitouna in Tunisia, founded in 737 CE. Initially grounded in Ash'arism and the Maliki school of thought, as well as various Sufi traditions—a common phenomenon in the North African region—it saw its influence constricted during the time of Habib Bourguiba, who integrated Ez-Zitouna into the Tunisian University, transforming it into a theological faculty. Nevertheless, Ez-Zitouna also absorbed the ideas of the Muslim Brotherhood in the latter half of the 20th century, giving rise to key leaders of this movement in the country.

Equally significant is the center located in Morocco, where as early as 859 CE, Al-Qarawiyyin madrasa was established, later transformed into a modern university by 1947. Currently, it is informally controlled by the royal authority, which promotes tolerance based on the Wasatiyya approach and the Maliki school of thought. Graduates of Al-Qarawiyyin are among the most moderate imams and find employment in European mosques.

In conclusion, the Islamic educational landscape in Africa is rich in history and diversity. Universities such as Al-Azhar, Ez-Zitouna, and Al-Qarawiyyin play pivotal roles in disseminating Islamic knowledge and

shaping future spiritual leaders. While traditional educational centers are deeply rooted in Islamic tradition, in recent decades, they have also become arenas for various ideological influences, including the impact of the Muslim Brotherhood. These universities continue to be key actors in shaping Islamic thought in the region, and their graduates play a significant role in the religious and socio-cultural dynamics not only in Africa but also in the global Islamic community.

М. Махмутова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Исламское образование в североафриканских странах

Ислам в Африке исповедуется около 41% населения, причем самые высокие показатели в арабской части, то есть в Северной Африке, где мусульман в каждой стране насчитывается до 95% граждан. Такой показатель свидетельствует о важности миролюбивого и правильного преподнесения ислама для народных масс, за что ответственность несут университеты, где свою подготовку проходят будущие имамы на богословских факультетах.

Один из самых известных университетов на континенте является Аль-Азхар, основанный в 970 г. при династии Фатимидов. Он прошел длительную историю от медресе при мечети до одного из самых почитаемых исламских университетов мира. Примечательно, что современный облик Аль-Азхар появился ко второй половине XX в. В эпоху социализма в Египте он был олицетворением умеренного и светского ислама, однако уже к концу XX в. в нем активно стали расцветать идеи «Братьев-мусульман».

Интерес представляет еще один старый центр по распространению исламского богословия – Университет Аз-Зейтуна в Тунисе, основанный в 737 г. Изначально он был основан на ашаризме и маликитском мазхабе, а также ряде суфийских традиций, что является распространенным явлением для североафриканского региона. Влияние исламской мысли были значительно ограничены во времена Хабиба Бургибы, интегрировавшего Аз-Зейтун в Тунисский университет, сде-

лав его богословским факультетом. Тем не менее, Аз-Зейтуна также пропитался мыслями «Братьев-мусульман» во второй половине XX в. и породил ключевых лидеров данного движения в стране.

Другой не менее значимый центр располагается в Марокко, здесь еще в 859 г. было создано медресе Аль-Карауин, который был преобразован в современный университет к 1947 г. В настоящее время он неформально контролируется королевской властью, которая основывает веротерпимость на пути васатыйя и маликитском мазхабе. Выпускники Аль-Карауина являются одними из самых умеренных имамов и получают работу в европейских мечетях.

Исламская образовательная сцена в Африке богата историей и разнообразием. Университеты, такие как Аль-Азхар, Эз-Зитоуна и Аль-Карауин, играют ключевые роли в распространении исламского знания и формировании будущих духовных лидеров. В то время как традиционные образовательные центры укоренены в исламской традиции, в последние десятилетия они также стали ареной для различных идеологических влияний, включая влияние «Братьев-мусульман». Эти университеты продолжают оставаться ключевыми актерами в формировании исламского мышления в регионе, а их выпускники играют важную роль в религиозной и социокультурной динамике не только в Африке, но и в мировом исламском сообществе.

INDEX OF PAPERGIVERS / СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

Abrahamu H.	185	Krasovskaya N.R. / Красовская Н.Р.	157
Afanasieva E.S. / Афанасьева Е.С.	81	Kruglov Ya.A. / Круглов Я.А.	137
Askerov M.-A.I. / Аскеров М.-А.И.	159	Kulkova O.S. / Кулькова О.С.	66
Askov Ya.A. / Аськов Я.А.	117	Kurnikova M.V. / Курникова М.В.	112
Beletskiy S.B.	169	Lalude O.M.	168
Berezhnov A.I. / Бережнов А.И.	120	Lileev I.L. / Лилеев И.Л.	69
Bobokhonov R.S. / Бобохонов Р.С.	192	Lvova E.S. / Львова Э.С.	15
Bocharov V.V. / Бочаров В.В.	104	Mabulla A.	186
Bondarenko D.M. / Бондаренко Д.М.	164	Machangu H.M.	184
Brandão G.	173	Makhmutova M. / Махмутова М.	195
Bryndina V.N. / Брындина В.Н.	170	Malekela S.P.	56
Bureeva V.D. / Буреева В.Д.	41	Mazov S.V. / Мазов С.В.	28
Butovskaya M.L. / Бутовская М.Л.	186, 187	Mezyaev A.B. / Мезяев А.Б.	61
Butovsky R.O.	186	Mkunde B.	177
Chernyshev A.B. / Чернышев А.Б.	22	Morozenskaya E.V. / Морозенская Е.В.	83
Denisova T.S.	141	Msaky E.M.	133
Deych T.L. / Дейч Т.Л.	53	Msellemu S.A.	133
Dmitriev R.V. / Дмитриев Р.В.	131	Mtasigazyu P.	183
Dobronravyn N.A. / Добронравин Н.А.	123	Neklessa A.I. / Неклесса А.И.	50
Dronova D.A. / Дронова Д.А.	186, 187	Nesterova E.S. / Нестерова Е.С.	34
Dubovitsky E.E. / Дубовицкий Е.Е.	44	Nikez A.Y. / Никэз А.Я.	60
Elbathy R. / Эльбаты Р.	139	Nkyabonaki J.	182
Emelianenko E.G. / Емельяненко Е.Г.	123	Olomojobi Y.	168
Fain E.D. / Файн Е.Д.	152, 154	Oritcha F. / Оритша Ф.	78
Gabishev V.E. / Габышев В.Е.	162	Pandey B.K.	58
Gazizianov A.M. / Газизянов А.М.	134	Pandey S.K.	57
Glukhov Ya.A. / Глухов Я.А.	131	Pankratov S.A. / Панкратов С.А.	78
Gorelik B.M.	36	Pratihari B.K.	136
Gorokhov S.A. / Горохов С.А.	131	Prokopenko L.Ya. / Прокопенко Л.Я.	146
Gribanova V.V. / Грибанова В.В.	70	Sarkar A. / Саркар А.	114
Ismagilova R.N. / Исмагилова Р.Н.	37	Shahanga G.	89
Issaev L.M. / Исаев Л.М.	157	Shipilov A.Yu. / Шипилов А.Ю.	31
Kalinichenko L.N. / Калиниченко Л.Н.	93	Shishkina A.R. / Шишкина А.Р.	143
Kasatonova O.A. / Касатонова О.А.	107	Siim Moskvitina A.	172
Kavina A.	24	Suleimaniyan A.G. / Сулейманян А.Г.	25
Kenfack D.M.	18	Sumara K.A.	77
Kharitonova E.V. / Харитоновна Е.В.	174	Tegegn A.	39
Khmeleva G.A. / Хмелева Г.А.	112	Terina-Zharkova T.N. / Терина-Жаркова Т.Н.	74
Khokholkova N.E. / Хохолькова Н.Е.	167	Tochigin M.Yu. / Точигин М.Ю.	96
Konstantinova O.V. / Константинова О.В.	90	Tokarev A.A. / Токарев А.А.	100
Korendyasov E.N. / Корендясов Е.Н.	53	Turyanitsa D.A. / Туряница Д.А.	149
Kostelyanets S.V. / Костелянец С.В.	63	Usacheva V. / Усачева В.В.	70

Vangraua S.R.S. / Ванграуа С.Р.С.	178	Zhambikov A.M. / Жамбиков А.М.	128
Vishnevsky V.V. / Вишневский В.В.	102	Zheltoy A.Yu.	20
Zakharov A.A. / Захаров А.А.	47	Zhuchkov V.V. / Жучков В.В.	126
Zakharov I.A. / Захаров И.А.	180	Zing M.	152
Zakharova I.G. / Захарова И.Г.	74	Zlatoverkhovnikova U.S. / Златоверховникова У.С.	64
Zavyalova O.Yu. / Завьялова О.Ю.	190	Zotin A.N. / Зотин А.Н.	86
Zella A.Y.	17		

Научное издание

*Международная
российско-танзанийская конференция
«Место Африки в мире в прошлом и настоящем»
Дар-эс-Салам, Танзания, 1 – 3 марта 2024 г.
Сборник тезисов*

Компьютерная верстка *Д.М. Бондаренко*

Подписано в
печать
15.12.2023

Объем 8 п.л.